Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ БАКАЛАВРОВ

4–е издание, исправленное и дополненное

Под общей редакцией **Л. П. Репиной**

Рекомендовано Учебно–методическим советом по истории и искусствоведению Учебно–методического объединения по классическому университетскому образованию в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 020700 «История»

Книга доступна в электронной библиотечной системе biblio-online.ru

Москва ▪ Юрайт ▪ 2015

УДК 930.1(075.8)
ББК 63я73
Р41

***Рецензенты*:**

кафедра историографии и источниковедения исторического факультета Казанского государственного университета;

Артеменкова Т. А. — доктор педагогических наук, заведующая кафедрой художественного образования Академии переподготовки работников искусства, культуры и туризма.

Репина, Л. П.

Р41 История исторического знания : учеб. пособие для бакалавров / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова ; под общ. ред. Л. П. Репиной. — 4-е изд., испр. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2015. — 288 с. — Серия : Бакалавр. Базовый курс.

ISBN 978-5-9916-2343-8

Впервые в едином комплексе рассматриваются становление исторического сознания и эволюция исторической мысли (от архаической древности до наших дней), а также процесс профессионализации исторического знания, формирования истории как научной дисциплины. Значительное внимание уделено характеристике основных историографических школ и направлений. Показаны изменения, которые претерпели проблематика, методология, понимание предмета и задач исторического исследования. Охарактеризованы различные формы, способы и уровни восприятия прошлого, концепции представителей исторической мысли разных эпох, выдающиеся произведения отечественных и зарубежных историков, современные дискуссии о природе, критериях достоверности, научном и общественном статусе исторического знания.

Соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования третьего поколения.

Для студентов исторических факультетов университетов, а также аспирантов, преподавателей и всех, кто интересуется историей.

УДК 930.1(075.8)
ББК 63я73

Учебное издание

Репина Лорина Петровна,
Зверева Вера Владимировна,
Парамонова Марина Юрьевна

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Учебное пособие для бакалавров

Под общей редакцией *Л. П. Репиной*

Формат 60×90 1/16.
Гарнитура «Baltica». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 18. Тираж 1000 экз. Заказ №

ООО «Издательство Юрайт»
111123, г. Москва, ул. Плеханова, д. 4а.
Тел.: (495) 744-00-12. E-mail: izdat@urait.ru, www.urait.ru

© Репина Л. П., Зверева В. В.,
Парамонова М. Ю., 2012
© ООО «Издательство Юрайт», 2015

ISBN 978-5-9916-2343-8

ПРЕДИСЛОВИЕ

В пособии представлена картина эволюции исторического знания, формирования последнего как научной дисциплины. Читатели могут ознакомиться с различными формами познания и восприятия прошлого в их историческом развитии, войти в курс современной полемики по поводу места истории в обществе, сконцентрировать внимание на углубленном изучении ключевых проблем истории исторической мысли, особенностей различных форм историописания, возникновения, распространения и смены исследовательских установок, становления и развития истории как академической науки.

Сегодня существенно изменились представления о предмете истории историографии, модель историко-историографического анализа и сам статус дисциплины. На второй план отходит так называемая проблемная историография, акцент переносится на изучение функционирования и трансформации исторического знания в социокультурном контексте. В пособии показано, как формы познания прошлого менялись в ходе развития общества, находясь во взаимосвязи с фундаментальными особенностями того или иного типа культурной и социальной организации общества.

Пособие состоит из девяти глав, каждая из которых посвящена отдельному периоду развития исторического знания — от истоков в культуре древних цивилизаций до настоящего времени (рубеж XX—XXI вв.). Особое внимание уделяется взаимоотношениям истории с другими областями знания, наиболее распространенным концептуальным моделям исторического развития, принципам анализа исторических источников, социальным функциям истории, специфическим чертам исторического знания.

Освоение представленного в учебном пособии эмпирического материала, основных понятий, категорий и методов научно-историографического анализа, оригинальных концепций и методологических принципов ведущих историков прошлых эпох и современности призвано способствовать выработке критического мышления будущих историков в отношении исследовательских процедур и оценки результатов исследования, формированию профессиональной этики.

В результате изучения дисциплины студент должен уметь ориентироваться в различных направлениях исторической мысли, разнообразной проблематике и моделях исторических исследований; анализировать дискуссии вокруг теоретических и методологических проблем в разных областях исторического знания; сопоставлять и оценивать эвристический и объяснительный потенциал, доказательную базу, систему аргументации и вклад в науку конкурирующих исторических концепций; формировать и обосновывать свою позицию по обсуждаемым конкретно-историческим и теоретико-методологическим вопросам.

ВВЕДЕНИЕ

В основу настоящего пособия положен учебный курс «История исторической науки», или — что точнее — «История исторического знания», содержание которого определяется современным пониманием природы и функций исторического познания.

Методологические основания курса определяются рядом идей, выдвинутых в ходе полемики о природе гуманитарного знания.

Во-первых, это констатация специфики исторического познания и относительности критериев истинности и достоверности в историческом исследовании. *Относительность исторического знания предопределена рядом факторов, прежде всего исходной многозначностью трех основных компонентов исторического исследования: исторического факта, исторического источника и метода исторического исследования.* Пытаясь выяснить «объективную правду» о прошлом, исследователь оказывается заложником как собственной субъективности, так и «субъективности» тех свидетельств, которые он подвергает процедуре рационального анализа. Пределы и возможности исторического знания очерчены и неполнотой сохранившихся свидетельств, и отсутствием гарантий того, что отразившаяся в этих свидетельствах реальность является достоверным образом изучаемой эпохи, и наконец, интеллектуальным инструментарием исследователя. Историк всегда, вольно или невольно, оказывается субъективен в своем толковании прошлого и его воссоздании: исследователь интерпретирует его, опираясь на концептуальные и идеологические построения собственной эпохи, руководствуясь личными предпочтениями и субъективным выбором тех или иных интеллектуальных моделей. Так, *историческое знание и предлагаемый им образ прошлого всегда субъективны, частичны в своей полноте и относительны в своей истинности.* Признание собственной ограниченности вместе с тем не мешает историческому научному знанию быть рациональным, обладающим собственным методом, языком и социальной значимостью.

Во-вторых, принципиальную важность имеет своеобразие предмета и методов исторического исследования, а значит, и исторического знания в целом. В процессе становления исторической науки понимание предмета и задач исследования претерпевало существенные изменения. Современная практика исторического исследования признает не только широту своего поля, но и возможность различных подходов к изучению явлений прошлого и их интерпретации. От эмпирической науки, главной целью которой было исследование событий, прежде всего политически значимых, фиксирующих вехи развития государственных образований и причинно-следственные связи между отдельными фактами, история эволюционировала в дисциплину, изучающую общество в его динамике. В поле зрения историка включен широкий круг явлений — от хозяйственной и политической жизни страны до проблем частного существования, от изменений климата до выявления представлений людей о мире. Предметом изучения оказываются события, модели поведения людей, системы их ценностных установок и мотиваций. Современная история — это история событий, процессов и структур, частной жизни человека. Подобная диверсификация исследовательского поля связана с тем, что, вне зависимости от предпочтений конкретных исследовательских направлений, *объектом исторического знания является человек, природа и поведение которого разнообразны сами по себе и могут быть рассмотрены в разных ракурсах и взаимосвязях.* История оказалась наиболее универсальной и емкой из всех гуманитарных дисциплин нового времени, ее развитие не просто сопровождалось становлением новых сфер научного знания — социологии, психологии, экономики и др., но было связано с заимствованием и адаптацией к собственным задачам их методов и проблематики. Широта исторического знания вполне оправданно вызывает сомнения исследователей в правомерности существования истории как самодостаточной научной дисциплины. *История и содержательно, и по форме рождалась в интегральном взаимодействии с иными сферами изучения действительности (географией, описанием народов и пр.) и литературными жанрами; конституировавшись в качестве особой дисциплины, она вновь оказалась включена в систему междисциплинарного взаимодействия.*

В-третьих, историческое знание не является ныне и никогда не было ранее, с момента своего становления, феноменом чисто академическим или интеллектуальным. Его функции отличаются широким социальным охватом, так или иначе отражаются в важнейших сферах социального сознания и социальных практик. Историческое знание и интерес к прошлому всегда обусловлены актуальными для общества проблемами. Именно поэтому

образ прошлого не столько воссоздается, сколько создается потомками, которые, позитивно или негативно оценивая предшественников, обосновывают таким образом собственные решения и действия. Одной из крайних форм актуализации прошлого является анахроническое перенесение на предшествующие эпохи идеологических построений и схем, доминирующих в политической и социальной практике настоящего. Но не только прошлое становится жертвой идеологий и анахронизмов — настоящее в не меньшей степени зависит от демонстрируемого ему образа собственной истории. Историческая картина, предлагаемая обществу в качестве его «генеалогии» и значимого опыта, является мощным инструментом воздействия на социальное сознание. Отношение к собственному историческому прошлому, доминирующее в социуме, определяет его представление о себе и знание задач дальнейшего развития. Таким образом, *история, или картина прошлого, является частью социального сознания, элементом политико-идеологических представлений и исходным материалом для определения стратегии социального развития.* Без истории, говоря иными словами, невозможно формирование социальной идентичности и представления о своих перспективах ни для отдельного сообщества, ни для человечества в целом.

В-четвертых, историческое знание представляет собой функционально важный элемент социальной памяти, которая в свою очередь является сложным многоуровневым и исторически изменчивым феноменом. В частности, помимо рациональной традиции сохранения знания о прошлом существуют коллективная социальная память, а также семейная и индивидуальная память, в значительной степени основанные на субъективном и эмоциональном восприятии прошлого. Несмотря на различия, все типы памяти тесно связаны между собой, их границы — условны и проницаемы. Ученое знание влияет на становление коллективных представлений о прошлом и, в свою очередь, испытывает воздействие массовых стереотипов. *Исторический опыт общества был и во многом остается результатом как рационального осмысления прошлого, так и его интуитивного и эмоционального восприятия.*

Дидактические и педагогические цели курса определяются рядом соображений.

Во-первых, необходимостью ввести в практику специализированного гуманитарного образования курс, который актуализирует изученный ранее материал. Эта актуализация материала не просто акцентирует важнейшие информационные блоки, но и вводит в систему знания его движущий механизм — метод исследования прошлого. Знакомство с техникой исторического познания дает практическую возможность понять и почувствовать

важнейшую имманентную особенность исторического знания — парадоксальное сочетание в нем объективности и условности.

Во-вторых, этот курс, демонстрируя силу и слабость исторического знания, его многоуровневость и зависимость от культурного контекста, по сути, осуществляет десакрализацию «научной картины исторического прошлого». В нем отражены координаты, обозначающие границы исторического исследования, его социальные функции и возможности влияния на общественное сознание. Можно сказать, что главной педагогической целью данного курса является пробуждение здорового скептицизма и критического отношения ко многим, казалось бы, очевидным оценкам прошлого и определениям закономерностей социального развития.

П о с т р о е н и е курса следует логике исторического развития объекта изучения — исторического знания — от архаической древности до наших дней, в контексте общества и культуры. В курсе рассматриваются основные формы и уровни исторического знания: миф, массовое восприятие прошлого, рациональное знание (философия истории), академический историзм, историческая социология, культурология, новейшие направления исторических исследований. Задачей курса является демонстрация факта разнообразия и изменчивости форм познания прошлого в исторической и цивилизационной перспективах. Восприятие и познание прошлого, равно как и оценка его значимости для настоящего, были разными у людей античного Рима, обитателей средневековой Европы и представителей индустриального общества. Не менее существенно историческое сознание различается в культурных традициях европейской и восточной цивилизаций. Значительная часть курса посвящена анализу формирования отечественного исторического знания и прежде всего сопоставлению путей развития и механизмов взаимодействия российской и европейской традиций.

Помимо исторической, курс имеет структурную составляющую, акцентирует внимание на основных категориях и концепциях исторического знания, таких понятиях, как «история», «историческое время», «исторический источник», «историческая правда» и «историческая закономерность». В курсе показана сложная структура исторического знания, в частности дифференциация ученой рациональной традиции и массового иррационального восприятия прошлого, а также их взаимодействие. Одной из существенных является тема формирования исторических мифов и предрассудков, их укоренения в массовом сознании и влияния на политическую идеологию.

ЧТО ТАКОЕ ИСТОРИЯ

> Доводы, до которых человек додумывается сам, обычно убеждают его больше, нежели те, которые пришли в голову другим.
>
> *Блез Паскаль*

Термины и проблемы

Слово «история» имеет в большинстве европейских языков два основных значения: одно из них отсылает к прошлому человечества, другое — к литературно-повествовательному жанру, рассказу, нередко вымышленному, о неких событиях. В первом значении под историей подразумевается прошлое в самом широком смысле — как совокупность человеческих деяний. Кроме того, термин «история» указывает на знание о прошлом и обозначает совокупность социальных представлений о минувшем времени. Синонимами истории в этом случае выступают понятия «историческая память», «историческое сознание», «историческое знание» и «историческая наука».

Явления, обозначаемые этими понятиями, взаимосвязаны, и провести границу между ними нередко трудно, почти невозможно. Однако в целом два первых понятия в большей степени указывают на стихийно формирующийся образ прошлого, в то время как два последних подразумевают преимущественно целенаправленный и критический подход к его познанию и оценке.

Примечательно, что термин «история», подразумевающий знание о прошлом, сохраняет в значительной степени и свой литературный смысл. Познание прошлого и оформление этого знания в связном устном или письменном изложении всегда предполага-

ют рассказ о неких событиях и явлениях, вскрывающий их становление, развитие, внутренний драматизм и значение. История как особая форма человеческого знания сформировалась в рамках литературного творчества и сохраняет с ним связь до сих пор.

Исторические источники разнообразны по своему характеру: это письменные памятники, устные предания, произведения материальной и художественной культуры. Для некоторых эпох эти свидетельства крайне малочисленны, для других — обильны и разнородны. Однако в любом случае они не воссоздают прошлое как таковое, а их информация не является прямой. Для потомков это лишь фрагменты утраченной навсегда картины минувшего. Чтобы воссоздать исторические события, информацию о прошлом нужно выявить, расшифровать, проанализировать и истолковать. *Познание прошлого связано с процедурой его реконструкции.* Ученый, равно как и любой интересующийся историей человек, не просто исследует какой-то объект, но, по существу, воссоздает его. В этом отличие предмета исторического знания от предмета точных наук, где любое явление воспринимается как безусловная реальность, даже если оно не изучено и не объяснено.

Историческое знание сформировалось в древности в процессе развития общества и социального сознания. Интерес сообщества людей к своему прошлому стал одним из проявлений тенденции к самопознанию и самоопределению. В основе его лежали два взаимосвязанных мотива — желание сохранить память о себе для потомков и стремление понять собственное настоящее путем обращения к опыту предков. Разные эпохи и разные цивилизации на протяжении всей истории человечества проявляли интерес к прошлому не только в разных формах, но и в разной степени. Общим и справедливым суждением современной науки можно считать предположение о том, что только в европейской культуре, уходящей своими истоками в греко-римскую античность, познание прошлого приобрело исключительное социальное и политическое значение. Все эпохи становления так называемой западной цивилизации — античность, средневековье, новое время, — отмечены интересом общества, его отдельных групп и индивидов к прошлому. Способы сохранения прошлого, его изучения и повествования о нем менялись в процессе общественного развития, неизменным оставалась лишь традиция искать в прошлом ответы на насущные вопросы современности. Историческое знание было не просто элементом европейской культуры, но одним из важнейших источников ее формирования. Идеология, система ценностей, социальное поведение складывались в соответствии с тем, каким образом современники понимали и объясняли собственное прошлое.

С 60-х гг. XX в. историческая наука и историческое знание в целом переживают бурный период ломки традиций и стереотипов, сформировавшихся в новоевропейском обществе на протяжении XVIII—XIX вв. В течение последних десятилетий появились не только новые подходы к изучению истории, но и возникло представление о том, что прошлое можно бесконечно интерпретировать. Идея многослойности прошлого позволяет предположить, что единой истории не существует, есть лишь множество отдельных «историй». Исторический факт приобретает реальность лишь в той мере, в которой он становится частью человеческого сознания. Множественность «историй» порождается не только сложностью прошлого, но и спецификой исторического знания. Тезис о том, что историческое знание едино и располагает универсальным набором методов и инструментов познания, был отвергнут значительной частью научного сообщества. За историком признается право на личный выбор как предмета исследования, так и интеллектуального инструментария.

Наиболее существенными для современных дискуссий о смысле истории как науки являются два вопроса. Существует ли единое прошлое, о котором историк должен говорить правду, или оно распадается на бесконечное множество «историй», подлежащих истолкованию и изучению? Имеет ли исследователь возможность постичь истинный смысл прошлого и поведать правду о нем? Оба вопроса касаются кардинальной проблемы социального предназначения истории и ее «пользы» для общества. Размышления о том, как историческое исследование может быть использовано обществом в современном, сложно устроенном, меняющемся мире, заставляет ученых вновь и вновь возвращаться к анализу механизмов исторического сознания, искать ответ на вопрос: каким образом и с какой целью занимались познанием прошлого люди предшествующих поколений. Предмет данного курса — история как процесс познания прошлого.

Историческое сознание и историческая память

История как процесс познания прошлого, включающий отбор и сохранение информации о нем, — это одно из проявлений социальной памяти, способности людей хранить и осмысливать собственный опыт и опыт предшествую-

щих поколений. *Память* рассматривается как одно из важнейших качеств человека, отличающее его от животных; это *осмысленное отношение к собственному прошлому, важнейший источник личного самосознания и самоопределения.* Человек, лишенный памяти, утрачивает возможность понять себя самого, определить свое место среди других людей. Память аккумулирует знание человека о мире, различных ситуациях, в которых он может оказаться, его переживания и эмоциональные реакции, информацию о должном поведении в обыденных и чрезвычайных условиях. Память отличается от абстрактного знания: это знание, лично пережитое и прочувствованное человеком, его жизненный опыт. Историческое сознание — сохранение и осмысление исторического опыта общества — представляет собой его коллективную память.

Историческое сознание, или коллективная память общества, неоднородно, так же как и индивидуальная память человека. *Для формирования исторической памяти важны три обстоятельства: забвение прошлого; различные способы истолкования одних и тех же фактов и событий; открытие в прошлом тех явлений, интерес к которым вызван актуальными проблемами текущей жизни.*

Историческая память и забвение

Людям свойственно забывать одни события и преувеличивать значимость других (т. е. актуализировать их). Не случайно исследователи проблем социальной памяти и исторического сознания считают, что в исследовании своеобразия представлений о прошлом разных обществ и культур должно учитывать, что и почему люди забывали. Причины, по которым то или иное сообщество вычеркивало из коллективной памяти отдельные факты и события, позволяют понять, каким образом это сообщество осмысляло свое место в истории. Забвение тех или иных аспектов прошлого происходило по разным причинам.

Во-первых, людям могли быть неизвестны отдельные обстоятельства и события, в глубине столетий терялись целые эпохи истории регионов и народов. Как правило, забытой оказывалась история тех периодов, в которые не существовало развитой традиции письменной фиксации событий. Например, с большим трудом, путем гипотез, предположений и логических построений, воссоздается история племен и народов, стоявших у истоков современных европейских наций. Мы имеем крайне отрывочные, оставленные сторонними наблюдателями сведения о со-

циальной и политической организации, религиозных верованиях кельтов, германских племен, славян, о важнейших событиях и личностях, повлиявших на их развитие. И таких примеров — множество в разных регионах и частях света. В частности, народы Африки или Южной Америки обрели сколько-нибудь точно зафиксированное описание своего существования во времени только в течение последних столетий. Народы, не имеющие систематического зафиксированного повествования о своем прошлом, принято называть «лишенными истории» — это указывает не на отсутствие у них прошлого, но на утрату памяти о нем.

Во-вторых, утрата памяти о прошлом могла быть связана с естественным процессом исчезновения сведений о тех или иных явлениях из человеческого и социального сознания. Память отдельного человека и коллективная память сообщества не могут удерживать информацию о великом и разнообразном множестве исторических фактов. Забвение — инструмент самосохранения человечества. Наряду с процессом неизбежного вымарывания отдельных сведений из памяти сообщества, действовал и процесс сознательного отбора той информации, которая представлялась людям важной, подлежала сохранению и передаче потомкам. Техника отбора информации, достойной запоминания, и принципы отсева излишних сведений различны. Они зависели от уровня и типа социального развития общества или его группы. Сведения о прошлом, сохраненные средневековыми европейцами или нашими современниками, древними иудеями или античными историками, отбирались по разным критериям. Различная по своему типу информация привлекала внимание монастырских летописцев, представителей аристократических семей или историков нового времени. Общим для всех, однако, было признание важности фиксируемых событий и явлений и выведение за пределы своего внимания всей оставшейся совокупности фактов. Нередко события, «забытые», отодвинутые в небытие представителями прошлой эпохи, возвращаются к жизни вновь, становятся объектом социального сознания и исторической памяти.

В-третьих, забвение прошлого может быть результатом сознательного манипулирования общественным сознанием, как правило, имеющим политические или идеологические основания. Пример недавней отечественной истории дает яркое и трагическое подтверждение такого уничтожения исторической памяти. Не только официальная историография, но и массовое историческое сознание вытеснили на несколько десятилетий из коллективной памяти факты репрессий, унижения и уничтожения людей и целых социальных групп. Однако трагическая

шутка о том, что Россия — это страна с непредсказуемым прошлым, имеет гораздо более широкое звучание. История разных эпох и народов знает примеры сознательного забвения прошлого. Задачи «уничтожения» памяти могли быть разными. Умолчание о неприглядных фактах истории должно было укреплять национальное самосознание и гордость. Типичным можно считать и уничтожение завоевателями памяти о поверженных противниках: стирание любых следов их существования должно было вычеркнуть их из памяти потомков и тем самым придать победе над врагами окончательный и бесповоротный характер.

Забвение — неотъемлемый элемент исторической памяти. Природа и функции этого явления не могут быть оценены однозначно. С одной стороны, оно искажает образ прошлого, существующий или воссоздаваемый в сознании потомков. С другой — без забвения, отсечения «лишней информации» не может быть восстановлена целостная, обладающая внутренней логикой картина событий, и история превратится в необъятное и хаотичное нагромождение фактов.

Историческая память и истолкование прошлого

Образ прошлого, существующий в общественном сознании, определяется не только набором сохранившихся сведений, но и значением, которое им придается. Смысл исторического явления — понятие в высшей степени неоднозначное. Его основные модальности могут быть определены следующим образом:

- собственное значение исторического явления, его исторический контекст;
- значение, которое придают историческому явлению потомки, с учетом отдаленной временно́й перспективы и последующего хода событий;
- значение, которое ему хотят навязать отдельные люди или социальные группы, стремящиеся использовать авторитет прошлого в собственных политических или идеологических целях.

Эти способы определения исторического смысла события на практике зачастую смыкаются. Что следует понимать под собственным смыслом события или исторического явления? Один из возможных ответов — это то, как его понимали и оценивали современники. Однако в какой степени их мнение было объективным, всесторонним и способным удовлетворить их потомков,

рассматривавших прошлое сквозь призму собственного исторического опыта и обладавших иным интеллектуальным инструментарием? Кроме того, мнения современников могли быть разными, они не только противоречили одно другому, но отражали абсолютно несходное восприятие одних и тех же явлений. Вторжение варварских племен на территорию Западной Римской империи традиционно определяется в учебниках истории как процесс гибели античной цивилизации и одновременно как эпоха Великого переселения народов. В этих привычных формулах современной исторической науки сохранилась двойственность восприятия событий их участниками и современниками. Для людей, принадлежавших кругу античной культуры, победы варваров означали гибель привычного и казавшегося незыблемым миропорядка. Они могли оценивать падение Рима по-разному: как катастрофу и попрание основ цивилизации либо как суровое, но справедливое наказание великой империи Богом за гордыню и неверие; однако в любом случае видели в этом разрушение универсального мира. Иначе сохранила эти события социальная и историческая память германских народов, создавших серию мифов, легенд и преданий о героях и вождях, их мужестве и доблести. На протяжении столетий эти легенды питали народный фольклор и литературную традицию средневековой Европы. Самим фактом своего существования в социальной памяти они зафиксировали восприятие эпохи варварского завоевания Империи как великого и героического периода истории германских племен. Кто из современников — образованный римлянин, церковный апологет или варвары — более точен в оценке события? Чье восприятие или логика рассуждений способны полностью удовлетворить современного любителя истории или профессионального исследователя?

Современники, очевидцы или ближайшие потомки не способны дать полноценную и всестороннюю характеристику событий или состояния общества в целом. Они, как правило, пристрастны к отдельным сторонам действительности и невнимательны ко всем прочим явлениям. В любом случае они чрезмерно связаны с реалиями исторического времени, для того чтобы оценивать его объективно и отстраненно. Потомки имеют больше шансов для беспристрастного познания прошлого. Они могут увидеть события, действия людей, отдельные проявления человеческой жизни в более широком контексте, выявить предпосылки и следствия событий. Однако будет ли их оценка абсолютно точной характеристикой «собственного смысла» явлений? Как обыватель, так и исследователь-профессионал, размышляя над историческими явлениями, могут обнаружить

множество взаимосвязанных фактов и факторов: их перечень и оценка роли каждого — разные.

Возвращаясь к эпохе падения Римской империи и варварских завоеваний, необходимо указать, что это событие может рассматриваться и как факт проявления внутреннего кризиса античной государственности, социальной и хозяйственной систем; и как отражение устойчивости римских институтов, переживших варварские вторжения и мирно растворившихся в организации средневекового европейского общества; и как свидетельство внутренних изменений в варварских племенах; и как мощный толчок, позволивший германским народам преодолеть инерцию традиционного существования. Исследователи, разделявшие идеи германского национализма, видели в действиях варварских племен отражение героического духа и военной доблести, присущих германцам как этносу. Менее ангажированные исследователи могут беспристрастно рассуждать о военной этике древних германцев или вообще видеть в их действиях признаки варварского сознания и социальной организации.

Данные оценки противоречат друг другу, по-разному характеризуют смысл исторических процессов, породивших рассматриваемые события. Спектр суждений и глубина расхождений между ними на самом деле несравненно более значительны. Смысл событий, рассмотренный с точки зрения их укорененности в прошлом и влияния на последующий ход истории, в конечном счете также зависит от того, каким образом определяются взаимосвязи между событиями и насколько далеко они уводят в прошлое или будущее от рассматриваемого предмета. Смысл событий зависит от того, как люди определяют их причины и следствия (историческое сознание не знает точных рецептов определения взаимозависимости явлений). В той или иной степени суждения о прошлом окрашены в тона мировоззренческих или идеологических предпочтений: конфессиональной принадлежности, сочувствия тем или иным социальным доктринам и политическим теориям, приверженности определенным теориям развития общества. И наряду с этим всегда присутствует вопрос о том, имеют ли события прошлого вообще какой-то особый исторический смысл, не являются ли они результатом случайного стечения обстоятельств?

Оценка исторического смысла события не может быть абсолютно объективной и исчерпывающей. В историческом сознании явления прошлого всегда формируются под влиянием идей, представлений, осознанных и неосознанных предпочтений, актуальных для изучающего или воссоздающего их общества. Образ прошлого — это всегда, хотим мы того или нет, отражение наших интересов.

Историческая память и исторический факт

Содержание исторической памяти определяется не только способностью человека и сообщества людей запоминать или забывать определенные события прошлого. Процесс запоминания не является механическим: хранится в памяти и передается потомкам та информация, которую считают важной и достоверной, а, как показывает изучение исторических сочинений, критерии достоверности были разными в разных обществах. Представление о том, что важно знать о прошлом, также изменялось в зависимости от задач и интересов социальных групп. Сведения, представлявшие интерес для сообщества одного типа, могли восприниматься не заслуживающими внимания теми, кто обладал иной коллективной идентичностью.

Средневековые хронисты помещали в свои сочинения рассказы о войнах и вооруженных вторжениях, действиях правителей и могущественных людей светского и духовного статусов. Также они включали в свои повествования сведения о природных явлениях, помимо действительно крупных происшествий (землетрясения, засухи и др.), фиксируя и малозначительные, с точки зрения современных представлений об истории, факты. Европейские историки XIX в. мало чем отличались от античных и средневековых предшественников, считая достойными упоминания в своих трудах деяния политического характера. Войны, восстания, политические преобразования, взаимоотношения государственных деятелей — именно это составляло, на их взгляд, основной предмет истории. Их не интересовала хозяйственная жизнь, повседневность, отношения простых людей. Тип истории, создаваемый ими, может быть определен как **рассказ о деяниях**.

В настоящее время одним из наиболее популярных направлений является **история повседневности**, где предметом исследований историков стали частная жизнь, отношения между родственниками, друзьями, каждодневные условия труда и существования, представления о мире и эмоциональная жизнь людей. Повседневная жизнь не является открытием современных ученых: во многих обществах с развитой письменной традицией существовала практика ведения частных хроник, повествовавших о жизни отдельных семей, церковных и светских сообществ. Людям было важно сохранять память о своих предках: их славных и позорных деяниях, местах их погребения, участии в тех или иных значительных событиях. Конечно, большая часть

происшествий, зафиксированных в историях отдельных сообществ, не попадала в официальные хроники и исторические сочинения. История как способ сохранения памяти о прошлом и его познания изначально существовала лишь в виде единства разнообразных «историй»: масштаб каждой из них определялся интересами сообщества, претензиями авторов, подходом к самому понятию истории.

Значительное влияние на состав исторической памяти оказывает система представлений об истинности и достоверности событий прошлого. Исторические сочинения, возникавшие в разных обществах, включали рассказы о фантастических и баснословных событиях, в истинности которых люди не сомневались и считали нужным передавать их из поколения в поколение. Истории многих народов и могущественных династий открывались рассказами о богах и героях, воспринимавшихся в качестве первопредков и зачинателей всех будущих событий. В средневековой Европе одним из обязательных элементов исторических повествований были истории о чудесных явлениях, которые рассматривались как важнейшие из происшествий. Что заставляло людей верить в эти невероятные события? Были ли они всего лишь легковерны, недостаточно образованы и интеллектуально развиты? Почему в самых развитых странах мира столь живуча вера в национальные мифы, а отдельные события и персонажи прошлого приобретают в массовом восприятии черты, сближающие их с героями и сверхъестественными персонажами архаического прошлого?

Вероятно, само понимание истинности и значения событий прошлого может иметь смысл, отличный от того, который вкладывают в него современные историки. Для них критерием истинности и достоверности является здравый смысл, который изначально разделяет все факты на возможные и невероятные, и правдивость свидетельств, сообщающих об этих фактах. Люди древности и средневековья, равно как и современные, отнюдь не были лишены стремления отделить реальные события от вымышленных, равно как и найти подтверждение достоверности фактов. Однако граница, отделяющая реальное от нереального, достоверное от вымышленного, определяется разными обществами или социальными группами по-разному. Для многих эпох чудесное и сверхъестественное были не менее реальными фактами, чем война, неурожай или строительство храма; люди искали подтверждение чуда и, обнаруживая свидетельства о нем, бесспорно считали его достоверным фактом. Предания и рассказы предков были достаточным основанием подтверждения реальности самых необыкновенных историй — так рождались мифы и легенды, которые были особой формой исторической па-

мяти и исторического сознания. Более того, допускалось и «исправление» памяти о прошлом: средневековый монах, составляя монастырскую хронику, переписывая житие местного святого или монастырский архив, мог вставлять туда сведения о событиях, память о которых не сохранили его предшественники. Был ли он фальсификатором, который включал вымысел в цепь подтвержденных свидетельствами исторических фактов, или же им двигало собственное представление об истине и справедливости? Возможно, его уверенность в том, что какое-то событие прошлого было бы справедливым, приводило к убеждению в реальности последнего. Записывая вымышленное сообщение, летописец, скорее всего, предполагал, что восстанавливает историческую правду, а не занимается ее фальсификацией.

Историческая память и основывающееся на ней историческое сознание относятся к числу тех явлений социальной и культурной жизни, содержание которых определяется представлениями разных обществ и социальных групп о реальности, истинности и достоверности. Эти представления менялись со временем и были укоренены в мировоззрении и интеллектуальных традициях отдельных народов и цивилизаций. Различные общества, а внутри них отдельные социальные группы не только формируют присущие исключительно им типы исторического сознания и исторической памяти, но и обнаруживают разную степень осмысления прошлого. В частности, взгляд на прошлое как на процесс развития, важный для понимания современности, — характерная черта греко-римской и иудео-христианской традиций, преемственность с которыми осознает современная историческая наука. Выяснение картины прошлого и сохранение памяти о собственной истории в этих культурах воспринимались как способ решения актуальных проблем, а история выступала и как «учительница жизни», и как инструмент познания прошлого.

Историческое сознание и историческая наука

Историческое сознание — память о прошлом и интерес к нему — свойственно в той или иной степени всем людям и народам. Вместе с тем и само отношение к прошлому, и способы получения информации о нем чрезвычайно разнообразны, что позволяет говорить о существовании разных типов исторического сознания. Основное различие между ними

определяется двумя факторами: во-первых, разными пропорциями эмоционального и рационального отношения к прошлому; во-вторых, степенью достоверности той картины, которая воссоздается на основе отдельных исторических свидетельств.

Объективность и достоверность исторического знания

Состав исторической памяти во многом зависит от субъективных и эмоциональных аспектов: сообщество вольно или невольно обращается к прошлому как источнику информации. Массовое сознание воспринимает прошлое эмоционально, ищет в нем подтверждение собственных ожиданий и предпочтений, с легкостью стирает границы между достоверной и вымышленной картинами событий. Социальная, или культурная, память указывает на неразрывную связь поколений, дает примеры опыта, который может быть использован в настоящем. В основе научного исторического сознания — признание различия между прошлым и настоящим, требование достоверности информации, на основании которой прошлое может быть восстановлено, постоянные сомнения относительно того, в какой степени исторические явления могут быть сопоставлены с фактами современной жизни. История как опыт социальной жизни, без которой современное общество не может осознать себя и определить пути развития, критически оценивается наукой с точки зрения способов и возможностей применения этого опыта.

Для массового, или некритического, исторического сознания характерны три особенности:

- осовременивание прошлого;
- ретроспективный подход к прошлому, представляющему в данном контексте интерес только с точки зрения происхождения современных явлений социальной жизни;
- свободное использование вымысла и воображения для реконструкции целостного образа прошлого.

Массовое сознание ищет в прошлом примеры для подражания или осуждения. Это означает, что история воспринимается как своего рода иллюстрация этических предпочтений конкретной эпохи. Исторические персонажи изображаются как примеры социального поведения, им приписываются качества и мотивы, которые представители отдельного сообщества считают определяющими для собственного поведения.

Рассмотрим пример из европейской средневековой истории. В XII в. в Германии (землях, входящих в состав современной

Австрии) возникло великое литературное произведение — поэтический эпос «Песнь о Нибелунгах». В нем отразилась историческая память германских народов, которая, однако, была видоизменена под влиянием этических и социальных представлений средневекового рыцарства и светской знати. В основу эпоса положен цикл легенд, мифов и преданий, рассказывающих о перипетиях борьбы богов, сказочных героев и людей за обладание волшебным золотым кладом, символизирующим власть и могущество. Составной частью этих сказаний были трансформированные предания об эпохе Великого переселения народов, в частности факт гибели древнего королевства бургундов под ударами гуннов. Эта легендарная первооснова была значительно изменена в средневековом эпосе. Все обстоятельства незапамятных событий — персонажи, место действия, мотивы поведения — были представлены как воплощение реалий сложившегося к тому времени рыцарского и придворного сообщества.

Главные участники эпоса — бургундские короли, Зигфрид, владычица волшебного королевства Брунхильда — изображены в «Песни о Нибелунгах» в соответствии с требованиями типического воплощения могущественных и знатных героев. Зигфрид, фигурировавший в древних германских преданиях как волшебный персонаж, человек без рода и племени, наделенный рядом сверхъестественных качеств, трансформировался в идеальный образ правителя: мужественного рыцаря и искусного воина, знатока придворного этикета. Таким образом, «Песнь о Нибелунгах» не только отсылала аристократическую аудиторию средневековой Германии к далекому прошлому, но и представляла своих героев как воплощение идеалов и представлений рыцарского сообщества. Метаморфозы исторических и легендарных героев были обычным явлением в средневековом сознании.

Подобным образом поступали не только средневековые авторы, но и создатели исторических сочинений античности и нового времени. В таких популярных в настоящее время жанрах, как исторический роман, историческое кино или адресованные широкой публике историко-публицистические статьи и книги, люди прошлого, реальные и вымышленные персонажи превращаются в носителей моральных качеств, которыми создатели этих произведений хотят наделить своих современников или, напротив, вызвать у них неприятие этих качеств. Нередко персонажи превращаются в национальных героев: приписываемые им идеальные качества представляются как воплощение врожденных достоинств того или иного народа, а их деяния трактуются как усилия, направленные на защиту интересов национального или политического сообщества.

В Европе XIX—XX вв. не было нации, у которой не сформировался бы собственный «фонд» национальных героев. Эти измененные воображением исторические персонажи служили целям распространения в обществе определенных политико-идеологических и социальных идей. Например, Карл Великий, который в средневековье служил идеальным образцом христианского правителя, воспринимался и массовым, и в значительной степени ученым сознанием нового времени как творец французской государственности и одновременно основатель «единой Европы». Лидеры Американской войны за независимость получили в США статус отцов-основателей нации, в них видят воплощение идеи сильного, независимого и демократического государства. Нередко подобная идеализация имеет своей целью обличение современного общества, недостатки и моральный упадок которого противопоставляются совершенному и гармоничному прошлому. Качества, приписываемые национальным героям, как правило, имеют отдаленное отношение к реальным лицам и историческим условиям того времени, когда они действительно существовали. Напротив, образы, «воссозданные» историками, воплощают идеалы современного общества или те идеи, которые политики и идеологи хотят внушить основной массе населения.

Прошлое используется историческим знанием не только как сокровищница моральных и политико-идеологических примеров. В нем стремятся обнаружить истоки современных явлений. Подобный подход приводит к модернизации, вольному или невольному искажению картины прошлого. Минувшие эпохи воспринимаются исключительно как колыбель, из которой вышло современное общество. В результате искусственно выстраивается схема преемственности определенных явлений, причем эти явления наделяются характеристиками, которые порождены современностью и не имеют отношения к прошлому.

Например, XIX в. в Европе прошел под знаменем становления идеологии национального государства: нация, сплоченная в рамках единого политического образования, мыслилась как главная и наиболее совершенная форма существования общества. Национальная и политическая сплоченность толковалась как основа культурного развития, выработки общих задач и устремлений. Различие национальных и политических интересов предопределяло характер и формы взаимоотношений с другими народами. Подобная концепция искала опору в прошлом, в результате чего общее направление и смысл исторического развития Европы рассматривались через призму становления наций и их прогрессивного развития в рамках единых политических образований.

Германские племена эпохи Великого переселения народов, варварские королевства, средневековые государства и монархии позднего средневековья воспринимались не как особые способы интеграции общества, для каждого из которых свойственны индивидуальные формы этнического сознания и политической организации, но всего лишь как этапы национального и государственного единения. Войнам средневековья приписывались те же причины, что и конфликтам нового времени: борьба национальных государств за свои интересы.

Другим примером поиска исторических корней современности является стремление найти в прошлом предпосылки нынешней демократии: в качестве таковых рассматривали устройство античных городов-полисов, Римской республики, средневековых городов-коммун, сословную организацию средневекового рыцарства. Всем этим разнородным и принадлежавшим к разным эпохам явлениям приписывались такие качества, как принципы свободы и равенства членов сообщества, культивирование институтов коллективного и публичного принятия важнейших решений. В современной России поворот к идеологии демократии и свободного общества отразился в стремлении найти подобные традиции в собственной истории: в качестве примера древней политической демократии вполне серьезно упоминается Новгородское вече.

Примечательно, что в современном мире любое сообщество или социальное движение стремится обнаружить своих «исторических предков»: так, феминистское движение ставит целью, с одной стороны, найти в истории примеры значительной и особой роли женщин, с другой — заявить о моральной несправедливости тотального господства мужчин в социальной и политической жизни предшествующих эпох. Идеологи национальных движений, борьбы этнических меньшинств за права или политическую свободу используют в качестве аргумента тот факт, что в далеком прошлом соответствующие права или свободы народа были отняты в результате несправедливых действий другого народа или государства. Одним словом, к истории обращаются как к аргументу, оправдывающему актуальные для современности идеологические, социальные, политические притязания. Последним приписывается моральная обоснованность и длительное существование. Подобная предыстория актуальных идей и устремлений нередко конструируется пристрастно, прошлое наделяется теми чертами, которых оно было лишено по существу.

Кроме того, прошлое трактуется однозначно и предвзято. Так, идея исторической справедливости притязаний какого-то народа на определенные территории требует того, чтобы из сви-

детельств прошлого были удалены факты, подтверждающие исторические права других народов на эти территории. Восприятие прошлого как исторической традиции, оправдывающей устремления и претензии отдельных народов или социальных групп, является иррациональным и нередко опасным порождением массового сознания. Оно игнорирует сложность исторических процессов, а иногда и прямо фальсифицирует связи между явлениями, относящимися к разным эпохам, создает иллюзию древности и бесспорности идей, порожденных современной ситуацией.

Впрочем, историкам-исследователям, придерживающимся принципов объективности и стремящимся к непредвзятому анализу фактов, также трудно очистить свое восприятие прошлого от эмоциональной окраски и отказаться от трактовки минувших событий как прямых предшественников настоящего.

Может ли историк быть беспристрастен? Этот вопрос является основополагающим для современной науки, однако им задавались и люди предшествующих эпох, способные критически осмыслить неоднозначность прошлого и знания о нем. Историк никогда не получает материал для своего исследования в готовом виде: факты, содержащиеся в источниках (свидетелях прошлого) должны быть сначала собраны, а затем проанализированы и истолкованы.

Обе процедуры, в том числе исходная, связанная с отбором материала, зависят от того, какие задачи ставит перед собой историк. В современной историографии широкое распространение получила идея о том, что, в отличие от специалистов в сфере наук о природе, историки сами создают материал для своего исследования. Это не значит, что они фальсифицируют или дополняют данные источников произвольными суждениями, однако из всего многообразия свидетельств они вынуждены отбирать определенную информацию.

Вопрос о том, что первично — источники (фактический материал) или интеллектуальная схема, — оказывается в работе историка сродни знаменитому парадоксу о курице и яйце. Приступая к исследованию, историк должен иметь предварительную гипотезу и систему теоретических и концептуальных представлений, так как без них он не сможет начать работу со свидетельствами прошлого. На этапе истолкования отобранных и систематизированных данных результаты его труда в еще большей степени зависят от научных, этических и моральных предпочтений. В своем отношении к прошлому историк не может руководствоваться только требованием объективного и беспристрастного анализа и не способен полностью подчинить принципу историзма свое восприятие исторической реальности. Иные эпохи и об-

щества интересны для историка с точки зрения их сопоставления с его собственным временем. Как и любой другой человек, интересующийся историей, подобно многим поколениям далеких предшественников, ничего не знавших о принципах научности и историзма, он ищет в прошлом истоки тех ценностей и форм социальной жизни, которые наиболее значимы в современном ему обществе. В истории исследователь находит элементы социальной организации, сходные или отличные от тех, которые являются базовыми для его собственной эпохи. Современность остается идеальной моделью, от которой историк отталкивается в истолковании прошлого.

Может ли, например, современный историк, разделяющий ценности демократии и свободы личности, быть беспристрастен в изучении социальной и политической жизни античности? Могут ли характеристики, данные им полисной демократии античной Греции и деспотическим монархиям Востока, быть простой констатацией существования различных форм государственности? Вольно или невольно он видит в античном мире черты близкой и значимой для него организации социальной жизни, а потому рассматривает античность как предшественницу современного общества и одновременно воспринимает восточные традиции как действительно чужой, отступающий от нормального путь развития. В отличие от обывателя, исследователь может сознательно дистанцироваться от подобного эмоционального и ценностного восприятия прошлого. Однако он не в состоянии освободиться от него полностью.

Еще более отчетливо моральная и политическая пристрастность историка обнаруживается при изучении недавнего прошлого, живую связь с которым еще не утратило современное общество. Изучение истории Третьего рейха или советского периода отечественной истории может осуществляться в разных направлениях, однако общие суждения, как правило, отражают идеологические предпочтения исследователя. Самый глубокий анализ объективных и глубинных причин, породивших фашизм или сталинизм, во многом снимает груз моральной ответственности с людей, живших при этих режимах и поддерживавших их, но не способен лишить исследователя права характеризовать их как трагические периоды национальной и всемирной истории. Оценка может диктоваться и реальными политико-идеологическими условиями. В гитлеровской Германии историки, разделявшие идеологию национал-социализма, последовательно искали и обнаруживали в прошлом подтверждения исконного национального превосходства германских народов и немцев как особой нации. Советские историки, следуя идеологии исключительной значимости революционной борьбы, находили в россий-

ской истории прямых предшественников господствующего режима. Это были народные восстания и крестьянские войны, декабристы, народники, революционеры и террористы — силы, олицетворявшие социальную борьбу и революцию. Вместе с тем идеология тоталитарного государства, задачей которого является борьба с внутренними врагами, требовала для советской власти новой исторической генеалогии. В качестве предшественников и образцов для подражания выдвигались монархи, отличавшиеся жестокостью и деспотизмом, — Иван Грозный и Петр I, которые были любимыми историческими персонажами Сталина.

В целом можно определить три группы факторов, имеющих социально-культурную обусловленность и определяющих отношение историка к прошлому:

• научные концепции социального развития, которыми исследователь руководствуется при отборе, анализе и истолковании исторических фактов;

• политические и идеологические принципы устройства общества, которые исследователь воспринимает как точку отсчета в своем восприятии прошлого;

• личные мировоззренческие и идеологические убеждения исследователя.

Историк ангажирован своим временем и не может быть свободен от социальных идей и политических идеологий. Историческая наука, так же как и массовое сознание, создает собственные мифы о прошлом и использует его для подтверждения тех или иных актуальных представлений. Однако добросовестность и профессиональная честность историка требуют отказа от прямого отождествления прошлого и настоящего. Историк балансирует на грани объективности и пристрастности, однако только он может поставить заслон на пути использования прошлого как материала для политических идеологий и ложных социальных мифов.

История как наука об уникальных и единичных явлениях

История — это наука, изучающая человеческое общество в его развитии. В силу предмета изучения она относится к ряду социальных наук, занимая в нем особое место. Две главных особенности отличают историю от других наук о человеке. Первая связана с тем, что история имеет дело с уникальными и неповторимыми событиями и должна заниматься конкретными

явлениями. Действительно, походы Александра Македонского, Великая французская революция, Вторая мировая война и все многообразные события и явления прошлого не могут быть воспроизведены и навсегда останутся единичными фактами. Цель истории — находить подобные факты, устанавливать их причины и следствия. Конкретные и уникальные явления не просто дают историку материал для размышлений, их изучение составляет основу его работы. Все это позволяет считать историю эмпирической наукой, т. е. дисциплиной, призванной с максимальной полнотой устанавливать, классифицировать и описывать факты прошлого. Вторая особенность истории — это чрезвычайная широта ее исследовательского поля. Фактом истории, а значит, и предметом изучения, может быть любое проявление человеческой деятельности. Историк, в отличие от специалистов в других социальных науках, имеет дело с явлениями самых разных типов:

- экономическими — фактами хозяйственной жизни людей;
- социальными — группами и слоями общества, принципами взаимодействия между ними, социальными институтами — основными учреждениями и устойчивыми правилами, в соответствии с которыми регулируется жизнь общества;
- психологическими — эмоциями и чувствами людей и больших человеческих сообществ;
- политическими и правовыми — политическими событиями, формами организации государства и управления, правовыми нормами и правилами социального поведения, сложившимися в процессе развития общества;
- культурными — явлениями, порожденными человеческим духом в сфере литературы, искусства, научного знания, а также мировоззрением и представлениями о мире, характерными для конкретного общества.

Предмет исследования сближает историка со специалистами в областях экономики, права, социологии, литературоведения и истории искусства. История — самая универсальная из всех социальных наук, так как все они связаны с ней корнями и происходят из интереса человеческого общества к своему прошлому.

Одним из характерных примеров недавней истории является Вторая мировая война. Это событие по своим формальным параметрам может быть отнесено к политической истории. Существует множество работ, в которых подробно рассматривается ход военных событий, дипломатические акции, предшествовавшие началу войны и сопровождавшие ее. Однако понять смысл и историческое значение этого события невозможно, не принимая

во внимание широкий спектр явлений социальной жизни Европы, приведших к войне или порожденных ею.

В последние годы появилось много исследований, которые позволяют сделать вывод о том, что действия Гитлера, Сталина, Черчилля и иных политических лидеров, влиявших на ход истории, равно как крупные военные акции и дипломатические переговоры, отражают лишь поверхностный слой больших, втягивавших миллионы людей исторических событий. Приход к власти национал-социалистов и фашистов в ряде европейских государств не был случайностью, он отражал сложные и неоднозначные процессы, протекавшие в разных сферах европейского общества, включая экономику, политические и правовые институты, национальное и социальное самосознание. Социальное самосознание и поведение формируются не только под влиянием политических институтов и правовых норм, но зависят от массовой психологии, иррациональных чувств и представлений, которые делают целые народы приверженцами идеологий, противоречащих здравому смыслу и системе ценностей, культивируемых в течение столетий. События, которые на первый взгляд порождаются действиями политических лидеров и партий, могут быть в конечном счете объяснены только с учетом многообразных и отнюдь не однозначных по своей природе фактов.

В своем исследовании прошлого именно ввиду его многообразия историки должны учитывать и использовать идеи, понятия и выводы, сформулированные иными социальными науками. Любой исторический факт имеет много измерений и смыслов, вместе с тем он интересен как уникальное событие, занимающее свое место в процессе развития общества. Так, история хозяйственной жизни для историка имеет смысл прежде всего как один из аспектов существования людей в определенную эпоху, а не как материал для выяснения законов функционирования экономики. Поведение социальных коллективов и целых народов в отдельных ситуациях не является всего лишь кирпичиком в создании учения о законах массовой психологии. Изучение социальных групп и классов общества конкретного периода, конфликтов и сотрудничества, которые их разъединяли и связывали, осуществляется историком не для того, чтобы создавать общие теории социального устройства общества. Историк имеет дело с материалом, который накладывает существенные ограничения на создание крупных теоретических схем.

Социология, философия, психология создают теории и понятия, которые историк может применять в своем исследовании, поставляя им в свою очередь «обработанное сырье» для обобщения и формулировки законов. Утверждение об эмпирическом характере истории имеет и более радикальные последствия —

его логическим завершением считается констатация того, что историка не должна интересовать задача осмысления исторических событий, его ремесло — устанавливать их истинность и достоверно описывать.

История и социальная теория

История — это эмпирическая наука, изучающая отдельные события и явления. Значит ли это, что она не должна изучать общие закономерности развития общества? Может ли историческое исследование претендовать на теоретические обобщения, характеризующие этапы истории общества и механизмы их последовательной смены? Ученые, которые считают, что целью их ремесла является только выяснение фактов и скрупулезная реанимация прошлого, представляют собой значительную часть профессионального цеха. Однако подобная позиция — самообман. Любое явление прошлого должно быть рассмотрено с точки зрения его социальных функций. Например, в рамках «антикварного» интереса к истории создаются работы, реконструирующие костюмы и предметы быта, окружавшие людей в ту или иную эпоху. Их авторы, не обращаясь намеренно к общим проблемам организации общества, тем не менее касаются таких вопросов, как отражение в предметах повседневности самосознания определенных социальных групп и его изменение с течением времени, разделение людей по социальному признаку, демонстрация социального положения людей в определенных внешних знаках. Иначе говоря, исследователи-антиквары, не ставя перед собой теоретических задач, должны иметь собственное представление о принципах организации общества в конкретную эпоху. Исследователи политической истории в свою очередь могут досконально изучить и воссоздать ход событий. Вместе с тем они прямо или косвенно затрагивают вопрос о том, как действия политических лидеров воспринимались обычными людьми, почему те или иные события втягивали в свой ход массу участников (нередко целые народы), какое влияние войны или политические реформы оказывали на состояние общества.

Систематический интерес к прошлому и историческое знание как таковое были порождены желанием ответить на вопрос: имеет ли развитие человечества цель, стоит ли за этим некий единый замысел или план, и если да, — то каковы они. Прошлое могло рассматриваться как процесс морального развития людей, воплощения божественного замысла, движения к цивилизованности и прогрессу или становления государства и наций. За-

долго до того как эти представления были сформулированы в концепциях европейских философов, экономистов и социологов нового времени, они воплотились в сочинениях их далеких предшественников — создателей библейских текстов, античных и средневековых историков. Со временем задачи исторического исследования, с одной стороны, и создания общих концепций организации и развития человеческого общества, с другой, были осмыслены как отдельные, принадлежащие к различным сферам интеллектуальной деятельности.

Из наук об обществе наиболее близкой к истории считается социология: обе имеют своим предметом общество в целом и исследуют различные формы социального поведения. В этом смысле они отличаются от экономики, политологии, психологии, истории религии и культуры. Историков и социологов разделяет не предмет исследования, а подход к задачам и методам изучения человеческого общества. К числу важнейших отличий относится разная интенсивность использования обобщающих концепций и теоретических построений. Для социального историка модели и схемы являются инструментом познания исторической реальности — это скорее гипотезы, которые заставляют задавать новые вопросы прошлому, чем позволяют получить конечный ответ на вопрос о его смысле.

Цель социолога — обобщение представлений о структуре и закономерностях развития общества, выявление основных и универсальных закономерностей поведения людей как социальных существ.

Историк сосредоточен на многообразии социальной жизни. Его задача — определить особенности существования общества в конкретный период времени, в конкретных обстоятельствах и в конкретном месте. Историк, в отличие от социолога, занимается различиями, а не общеприменимыми обобщениями.

Являются ли подходы социальной теории и конкретного исторического исследования взаимопротиворечащими или взаимодополняющими? Ответ на этот вопрос неоднозначен.

Анализируя отдельные факты и события, историк должен так или иначе соотнести их с многообразными историческими явлениями и процессами. Он рассматривает изучаемый материал в системе причинно-следственных связей, сопоставляет его со сходными явлениями, имевшими место в иных регионах и в иное время. Зачастую историк осуществляет эти логические операции автоматически, неосознанно.

Рассмотрим несколько типических ситуаций. Исследования, посвященные войнам и крупным конфликтам, нередко сводят причины их возникновения к действиям политических вождей и военных руководителей, т. е. приписывают воле, инициативе,

амбициям и дальновидности отдельных личностей значение главного фактора. В них опускается вопрос о том, в какой степени и каким образом походы Александра Македонского, военные экспедиции Наполеона или начатая Гитлером Вторая мировая война были порождены состоянием общества, и можно ли считать все последующее развитие прямым следствием этих политических акций? Эмпирический и фактографический подходы игнорируют проблему соотношения индивидуальной воли отдельных исторических личностей и социально-экономических предпосылок военного конфликта. Наконец, эти исследования не отвечают на главный вопрос о своеобразии данного события в ряду подобных. Великие военные конфликты в истории различаются лишь своими внешними и формальными аспектами: политическими акциями, масштабами военных действий, целями и результатами завоеваний.

Другим примером может служить изучение хозяйственной жизни. Нередко в исследованиях, посвященных экономике античности или средневековья, логика поведения людей в сфере производства или денежного обращения уподобляется логике современной экономической жизни. Факты, относящиеся к разным эпохам или регионам, в том числе и современного мира, интерпретируются с точки зрения универсальности экономических законов, а различия в хозяйственной жизни сводятся к измерениям интенсивности развития отдельных институтов или уровня производства. Однако универсальные на первый взгляд экономические законы при ближайшем рассмотрении оказываются гораздо более ограниченными. Они учитывают в лучшем случае специфику экономического развития и поведения людей в западноевропейском обществе нового времени, но не применимы к экономической истории других эпох и регионов. Так же как и в рассмотренной выше ситуации с военными конфликтами, исследователи, ориентирующиеся на факты, занимаются непроизвольной модернизацией истории: переносят понятия и социальные категории своего времени на события и явления прошлого. Исследовательский подход, который опускает задачу анализа конкретного события с точки зрения особенностей развития общества, исходит из представления, что история — это всего лишь совокупность отдельных и сходных по существу фактов. Этот взгляд в основе своей антиисторичен, он не учитывает того, что история — это процесс изменения общества во времени, причем не только в разные эпохи; одновременно могут существовать общества, чье развитие определяется разными закономерностями.

Определить исторический смысл любого явления в сущности невозможно без учета особенностей того общества, в котором

оно укоренено. В свою очередь, определение этих особенностей не может быть дано без использования понятий и концепций, отражающих характеристики устройства общества и закономерности его развития. Эти понятия и концепции позволяют выявить универсальные для всех социумов элементы. Исследование отдельных обществ в соответствии с этими абстрактными моделями позволяет преодолеть хаос бесконечного многообразия исторических фактов — их можно систематизировать и изучить в рамках определенной системы координат. Только таким образом можно сопоставить различные явления и формы социальной жизни, корректно выделить черты сходства и различия. Вместе с тем концепты и теоретические построения не являются буквальным отражением исторической реальности — они лишь инструмент, позволяющий эту реальность изучить и решить вопросы, которых факты сами по себе не ставят и не разрешают. Историк использует любые социальные модели и схемы как гипотезы, состоятельность которых проверяется только при анализе конкретного материала. Историческая наука, которая изначально была связана со стремлением общества понять закономерности своего становления, стала два столетия назад родоначальницей целого спектра самостоятельных наук об обществе. В настоящее время она обращается к теоретическим моделям и схемам социологии, антропологии, экономики и психологии как инструментам познания общества и одновременно испытывает эти теории на истинность.

Исторический анализ опирается на три категории абстрактных моделей, характеризующих устройство общества и определяющих правила его изучения. Эти категории различаются степенью своего обобщения конкретной реальности. Первая — концепции, трактующие общие закономерности организации общества и его развития. Вторая — понятия, которые претендуют на обозначение общих для любого общества принципов и форм поведения людей, и вместе с тем означающие, что их воплощение было строго индивидуальным в каждом конкретном случае. Третья — методы познания общества, т. е. совокупность проблем и приемов их разрешения, позволяющих вскрывать глубинное содержание исторических фактов.

КАК ПИШЕТСЯ ИСТОРИЯ

> История — наука о человеке, о прошлом человечества, а не о вещах или явлениях. Да и существуют ли идеи вне зависимости от людей, которые их исповедуют?.. Существует только одна история — история Человека, и это история в самом широком смысле слова.
>
> *Люсьен Февр*

В широком понимании история представляет собой связное повествование о прошлом. Историки, независимо от того, какому времени и культуре они принадлежат, находят и отбирают сведения, которые, по их мнению, следует сохранить в памяти. Авторы руководствуются различными представлениями, сформированными в соответствующей культуре, относительно того, как должен выглядеть рассказ о прошлом, каким правилам он подчинен, к каким культурным ценностям отсылает читателя, каковы цели исторического труда. В тексте любого исторического жанра — будь то погодные записи событий, философская история или научная монография — в разных формах присутствуют замысел, сюжет и герои. Облекая свой рассказ в слова, автор выбирает определенный язык повествования. Все эти элементы исторического письма характеризуют культуру, к которой принадлежит историк, и могут изучаться специалистами в области истории исторического знания.

Исторический источник

Понятие исторического источника относится к числу наиболее важных для исторической дисциплины. ***Источник*** — свидетельство прошлого, попадающее в сферу внимания исследователя (будь то рукопись, картина, до-

кумент, обряд, предмет и т. п.), которое может быть использовано как основание для какого-либо утверждения о прошлом. По общему убеждению исследователей, без источника история невозможна. Ее нередко характеризуют как область знания, изучающую исторические свидетельства прошлого. На основе информации, полученной в результате аналитической работы с источником, историк создает собственный образ прошлого.

Облик прошлого во многом зависит от того, как историк определяет круг источников. В разное время в историческом знании существовали разные критерии оценки источника. Например, историки-позитивисты XIX в. отдавали предпочтение документам официального происхождения — законодательным актам, дипломатическим материалам, правовым документам, как наиболее точно отражающим события. При этом другие виды источников — мемуары, переписка частных лиц, статьи в прессе — в большинстве своем рассматривались как субъективные, а потому не столь надежные и достоверные.

В течение долгого времени в историческом знании бытовало представление, что источниками могут служить только письменные свидетельства, а все остальные не заслуживают доверия. Исходя из этого, ученые полагали, что историю любого народа можно начинать лишь с момента появления записей. Считалось, что только письменная фиксация придает сведениям определенность, а устный рассказ слишком зависит от личности рассказчика, всякий раз вносящего в него изменения и поправки. В то же время многие исследователи полагали, что народные легенды, песни, сказания могут служить ценными свидетельствами, поскольку позволяют проникать в сущность явлений прошлого, не оставивших после себя других следов. В XX в. эта точка зрения получила подтверждение благодаря изучению фольклора народов, не имеющих письменности. Этнологи установили, что устная традиция может иметь гораздо более устойчивый характер, чем ранее предполагалось, поскольку она опирается на строгие каноны. Конечно, использование произведений устного народного творчества требует большой осторожности и углубленного анализа. Однако целесообразно относиться таким образом ко всем источникам, в том числе и к письменным.

Решающим фактором расширения круга источников были изменения в самой исторической науке — переопределение ее предмета и совершенствование методов научного исследования. До тех пор пока историков занимали только политические события, их внимание сосредоточивалось на законодательных актах, дипломатических документах и т. п. В дальнейшем для изучения экономической жизни пришлось обратиться к различным хозяйственным документам, счетам, распискам, финансовым отчетам,

налоговым описям, для воссоздания картины духовной жизни — к произведениям литературы и искусства, для изучения истории повседневности — к предметам быта, одежды и т. д. В современном историческом знании иерархический взгляд на источники подвергся существенному пересмотру.

Французский историк XX в. Люсьен Февр отмечал: «История, несомненно, создается на основе письменных документов. Когда они есть. Но она может и должна создаваться и без письменных документов, когда их не существует. Причем при отсутствии привычных цветов историк может собирать свой мед со всего того, что ему позволит его изобретательность. Это могут быть слова и знаки, пейзажи и полотна, конфигурация полей и сорных трав, затмения Луны и формы хомутов, геологическая экспертиза камней и химический анализ металла, из которого сделаны шпаги, — одним словом, все то, что, принадлежа человеку, зависит от него, служит ему, выражает его, означает его присутствие, деятельность, вкусы и способы человеческого бытия»*.

Иными словами, в качестве источника может быть рассмотрено любое историческое свидетельство, в котором запечатлены культурные смыслы своего времени. Источники разных видов — письменные и невербальные, т. е. не облеченные в слова, могут быть «прочитаны» историком как особый текст. Значения каждого элемента текста подвижны, переменчивы, связаны с историко-культурным контекстом, в котором создан источник. Задача исследователя — не только извлечь сведения об идеях или событиях прошлого, но и ответить на вопрос, какое значение имело то или иное обстоятельство, деяние, вещь, слово для современников, т. е. попытаться понять систему ценностей прошлого.

То, какую информацию получает историк из источника, прямо зависит от вопросов, с которыми он подходит к изучению этого источника. Источник не «говорит сам за себя». По словам английского историка и философа Р. Дж. Коллингвуда, «все в мире есть потенциальное свидетельство чего-либо». Но вещь может стать свидетельством только в том случае, если историк задаст ей определенный вопрос. «Из всех вещей, воспринимаемых им, нет ни одной, которую бы он не смог в принципе использовать в качестве свидетельства для суждения по какому-либо вопросу, при условии, что он задает правильный вопрос. Обогащение исторического знания осуществляется главным образом путем отыскания способов того, как использовать в качестве свидетельства для исторического доказательства тот или иной воспринимаемый факт, который историки до сего времени

Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 22.

считали бесполезным. Весь воспринимаемый мир тогда потенциально и в принципе может служить свидетельством для доказательства историка»*.

Один и тот же документ может быть прочитан по-разному в зависимости от постановки исследовательской задачи. Окончательного прочтения источника не существует. Кроме того, каждый исследователь по-своему понимает свидетельство, интерпретирует его, включает в свою систему представлений, ценностей, подчиняет собственным задачам. Ограничителями интерпретации служат правила и нормы исторической профессии.

В историческом знании XIX—XX вв., были разработаны методы критического анализа источников, что позволило глубже вникать в их содержание, раскрывать их различные смысловые уровни.

Когда историк приступает к работе над отобранными для ознакомления источниками, первая его задача заключается в расшифровке и освоении текста, установлении его происхождения (авторства, времени, места и целей составления) и подлинности. В этих операциях, относимых обычно к внешней критике источника, исследователю оказывают помощь палеография, эпиграфика, текстология, сфрагистика, дипломатика и другие вспомогательные исторические науки. После завершения внешней критики исследователь переходит к установлению полноты, достоверности и точности сведений, содержащихся в источнике. Этот этап работы принято называть внутренней критикой источника, или герменевтикой.

Для понимания источника необходимо учитывать социально-исторические условия его возникновения и конкретные обстоятельства создания. Все источники так или иначе несут на себе отпечаток представлений, убеждений и идеалов их создателей, отражают их индивидуальные взгляды и культуру эпохи.

При изучении любого источника исследователю необходимо интерпретировать его данные, т. е. попытаться восстановить первоначальный смысл, учитывая его семантические изменения во времени, а также и некоторую неполноту. Сведения о прошлом по пути к историку проходят своеобразную фильтрацию, и после каждого ее этапа информации остается все меньше. Таким образом, отдельные факты могут быть безвозвратно утрачены. Однако восполнить некоторые недостающие сведения оказывается возможным по разным категориям источников; помимо того, характерные явления и процессы эпохи, как и ее значимые события, как правило, фиксируются в разнообразных

Коллингвуд Р. Идея истории; Автобиография. М., 1980. С. 235.

свидетельствах современников, а следовательно, имеют шансы сохраниться для последующих поколений.

В своих трудах историки во все времена единодушно отмечали, что намеревались писать правду о минувшем. Но далеко не все написанное буквально отражает то, что случилось в прошлом. Значит ли это, что авторы выдумывали или искажали правду от незнания или неумения «записать» историю?

Под истиной и вымыслом в разное время историки понимали нечто различное. Так, правдивым могло считаться типическое, т. е. раскрывающее характерные, общие черты явлений, как это делала литература; в этом случае менее существенное, преходящее давало материал историкам. Под истинным могло пониматься и морально правильное, ориентирующее и наставляющее читателя в вере. Помимо разных представлений о природе правды в историческом повествовании, необходимо принимать во внимание воззрения и убеждения его автора. Чудеса святых для средневекового хрониста были неотъемлемой частью правильного порядка вещей. Не менее естественным для историка нового времени могло быть представление о развитии человеческой морали и скором триумфе прогресса. Наконец, все источники содержат элементы идеологии, определяющей приоритеты и умолчания в тексте, смысловые акценты в повествовании.

Все эти обстоятельства следует учитывать при работе со свидетельствами прошлого. По словам А. Я. Гуревича, «историк находится в постоянном единоборстве с источником, ибо последний представляет собой одновременно и единственное средство познания, и ту преграду, природу которой необходимо по возможности глубоко исследовать... Он по необходимости погружается в область представлений авторов исторических источников, в ту систему культурных стереотипов и ходов мысли, которая была неотъемлемой стороной их творчества»*.

Событие и факт

Событие и факт — важные исторические категории. При кажущейся своей простоте, эти понятия достаточно трудны для определения. Со второй половины XIX в. и вплоть до настоящего времени историки дискутируют о природе и сущности исторических событий и фактов.

**Гуревич А. Я.* Территория историка // Одиссей—1996: Человек в истории. М., 1997. С. 92, 94.

Событие — нечто произошедшее, свершившееся; то, что попало в сферу внимания исследователя. Историю часто понимают в связи с ее отношением к событиям. В словарях история может определяться как систематический упорядоченный рассказ о событиях или как область знания, фиксирующая и объясняющая события прошлого. Со времен античности история мыслилась как res gestae (деяния) — повествование о выдающихся политических событиях. В современном обществе распространено представление о том, что задача историка состоит в правдивом описании и объяснении событий прошлого.

В историческом знании существуют разные интерпретации события. Условно их можно разделить на реалистическую и конструктивистскую.

Согласно более распространенной *реалистической* интерпретации все, что случилось в прошлом, неизменно, имеет свою структуру и зафиксировано в источниках. События, таким образом, являются «сырьем» для историка. Работа исследователя, в соответствии с такой позицией, оценивается с точки зрения правдивости, адекватности изложения материала по отношению к событиям прошлого.

Сторонники *конструктивистской* интерпретации утверждают, что события не существуют независимо от исследователя. Историк, работая с разнообразными источниками, делает умозаключение о произошедшем, создает интеллектуальную конструкцию события. Таким образом, событие можно в какой-то мере рассматривать как произведение труда историка. Исследователь не описывает нечто, открыто лежащее перед ним, но «учреждает» событие, которое позволяет сгруппировать отдельные «голоса» прошлого, придать смысл свидетельствам источников.

Американский философ середины XX в. Луи Минк писал, что люди склонны предполагать существование некой «нерассказанной истории», где запечатлены все истинные формы любого события прошлого. От историков ожидают, что они обнаружат и раскроют ее фрагменты, воспроизведут истинный облик событий. Но это ощущение обманчиво, поскольку нерассказанных историй не бывает, ведь история и есть рассказ. Ученый не имеет прямого доступа к событиям прошлого как таковым: о них он узнает из различных источников. Облик и структура воссозданного события зависят не от его истинной природы, а от историко-литературного контекста, в который это событие включено. Поэтому в качестве такового могут выступать как одномоментные действия или поступки отдельных людей, так и сложные длительные процессы (например, Реформация или Французская революция). «Объем» события зависит от угла зре-

ния историка и от жанра, в котором он работает: в микроисторическом исследовании и в крупном сочинении, повествующем об истории государств, события имеют различный масштаб, а их логика строится на разных основаниях.

В рассуждениях историков XIX—XX вв. понятие «событие» нередко пересекается с понятием «факт». В целом, если событие запечатлевает нечто произошедшее, то ***факт*** можно рассматривать как утверждение о событии.

Понятие «факт» (лат. *factum* — сделанное) имеет по меньшей мере два значения: одно указывает на что-либо совершившееся; другое — на достоверность, подлинность свидетельства о произошедшем. В XIX—XX вв. в интеллектуальной культуре Запада укоренилось представление, что профессиональная история отличается от других форм рассказа о прошлом тем, что основана на фактах, и этот базис отделяет историю от мифа, легенд, вымысла.

В XIX в. в позитивистской историографии сложился своеобразный культ факта. Исследователю надлежало находить факты в источниках, с помощью критических процедур отделять от фактов все недостоверное, неважное, привнесенное, подобно тому, как археолог очищает от земли керамический обломок. Без фактов история лишается почвы; факты придают истории статус объективной, доказательной, научной дисциплины. В свою очередь, без деятельности историка факт утрачивает смысл.

Понятие достоверного факта стало краеугольным камнем профессиональной исторической науки XIX в. Немецкий историк Леопольд фон Ранке писал, что, по его мнению, исторические свидетельства более интересны, чем романы таких писателей, как Вальтер Скотт. Для Ранке «высшим законом» было строгое следование фактам, как привлекательным, так и нелицеприятным. Даже незначительный исторический факт обладал большей притягательностью, чем самое грандиозное вымышленное событие.

Долгое время это понятие не подлежало проблематизации. Для большинства исследователей исторический факт обладал внутренней целостностью, был подобен кирпичику знания, походил на атом в физике. Готовые факты «ожидали», когда историк соберет их и выстроит в повествование. Они «свидетельствовали сами за себя», и устами историка говорила сама история.

Различные модификации этих взглядов бытуют и поныне, однако в XX в. понятие исторического факта перестало быть столь однозначным и очевидным. По мнению итальянского философа Бенедетто Кроче, факты не находятся где-то рядом в готовом виде, они формулируются, выдвигаются историками в соответствии с их целями. Факт не пребывает сам по себе, вне со-

знания исследователя, а создается его разумом и воображением. Таким образом, факт представляет собой не отправной пункт, но, скорее, продукт работы историка. Это положение поставило под сомнение распространенную идею о том, что факт может существовать отдельно от его интерпретации.

Переход Цезарем Рубикона в 49 г. до н. э. может рассматриваться как отдельный факт, но он же подразделяется на множество мелких фактов. Факт — всегда некое обобщение, сделанное историком на основе выборки «важного» или «относящегося к делу», т. е. помещенное в соответствующий контекст. На конструирование факта влияют научные методы, с помощью которых историк производит отбор сведений, их группировку, соотносит свидетельства между собой. Несмотря на то что специалист владеет большим арсеналом критических исследовательских процедур и методов изучения источников, вопросы, которые он задает, а также ценности его культуры, этические и эстетические предпочтения оказывают непосредственное воздействие на облик факта в его тексте.

Хронология и периодизация

Исследователи прошлого так или иначе сталкиваются с проблемами хронологии и периодизации. В своей работе историк имеет дело как с представлениями о времени, которые разделяет сам, принадлежа к определенной культуре и профессии, так и с разнообразными историческими взглядами на способы измерения времени, соотношение событий.

Обыденный человеческий опыт позволяет воспринимать время как непрерывный движущийся поток и при этом подразделять его на условные периоды. В современной западной культуре распространены взгляды, восходящие к иудео-христианскому образу мира, где история — это последовательность событий, направленных из прошлого в будущее. Согласно христианскому учению, земная история человечества имеет начало, конец и подчинена цели — достижению Царства Божьего. Сходным образом строятся теории социального прогресса, где история понимается как однонаправленное развитие человечества в сторону более совершенного общественного устройства. Похожее представление об истории как ограниченном во времени непрерывном линейном процессе поддерживается и многими современными естественнонаучными теориями.

В современной культуре наряду с линейным ви́дением истории присутствуют элементы циклических хронологических представлений, основанных на естественных природных циклах, — например, на смене дня и ночи или времен года. Впрочем, они также подчинены идее линейного движения: так, считается, что каждый год является новым по отношению к предшествующему. Подобные идеи не вытекают непосредственно из природы времени. Иначе, к примеру, было устроено циклическое время в представлении древних греков: вечный космос периодически погибал в огне и возрождался вновь, что вело к очередному повторению событий истории.

В различных культурах существовала потребность датировать события. Способы соотнесения события со временем были весьма разнообразными: они могли основываться на принятых в культуре методах измерения времени, лунных и солнечных календарях, агрикультурных циклах, периодах правления династий и т. п. Летосчисление, как правило, велось от какого-то значимого символического события — основания Рима или Сотворения мира, первого года после смерти Будды или Рождества Христова. Проблемы изучения различных хронологических систем составляют предмет исследования такой дисциплины, как *историческая хронология*.

Если вопросы летосчисления, или образов исторического времени, лишь отчасти зависят от истории как дисциплины, то проблема периодизации прямо связана с историческим знанием.

Периодизация — подразделение прошлого на отрезки времени (исторические периоды, века, эпохи и т. п.) — одна из сложных проблем историописания. Необходимость такого деления для упорядочивания и анализа исторических событий не ставится исследователями под сомнение. Однако практика построения периодизаций нередко вызывает споры. Историки обращают внимание на значительную долю условности вычленения целостных фрагментов прошлого.

Распространенная в историческом знании XIX в. идея объективности времени как среды, в которой существуют события, в XX в. уступила место представлениям об относительности времени. Историческое время мыслится как сложная конструкция, в большой степени «учрежденная» событиями или группами событий прошлого. Сама возможность периодизации основывается на достаточно условном ви́дении истории как непрерывной и единой. Исходя из идеи общности процесса развития человечества, можно выделять в нем какие-либо этапы, сравнивать одну эпоху с другой.

Для изучения истории важно не только датировать, соотнести произошедшее с неким моментом времени, но и очертить

границы периодов, когда проявлялось типическое сходство исторических феноменов между собой. На основании этого сходства можно выделить исторические периоды, например, эпоху Возрождения или век Просвещения и т. д.

В культурах, мифологии и религии прошлого бытовали различные способы периодизации истории, например — деление прошлого по аналогии с сезонами года, с возрастами человека. Греческий поэт Гесиод в VII в. до н. э. писал о четырех прошедших веках — золотом, серебряном, бронзовом и железном. Периодизация в соответствии с поколениями, политическими правлениями, династиями принадлежит к древнейшим способам упорядочивания истории.

В средние века на Западе в трудах Отцов Церкви были выдвинуты две большие системы периодизации всемирной истории. Одна связывала прошлое и настоящее человечества с четырьмя монархиями. Согласно этой системе, развитой в IV в. Евсевием Кесарийским и Иеронимом Стридонским на основе ветхозаветной «Книги пророка Даниила», всего в человеческой истории сменилось четыре империи. Римская империя рассматривалась как последнее государство на земле, после которого наступит конец истории. Последовательная смена монархий отражала Божественный замысел, согласно которому люди шли к политическому и религиозному единству. В XI—XII вв. немецкими историками была обоснована теория «переноса монархии», получившая широкое распространение на средневековом Западе. Согласно этой концепции, после гибели Римской империи Бог передал власть римских императоров вначале Карлу Великому (и Государству франков), а затем Германской империи.

Большинство средневековых историков предпочитало периодизацию истории по шести возрастам, описанную Аврелием Августином. Века, прошедшие с момента создания мира, уподоблялись возрастам человека и дням Творения. Шестой и последний возраст — старость человечества — начался со времени рождения Христа. У ранних хронистов каждый день Творения соответствовал тысяче лет в истории; шестой век должен был завершиться светопреставлением и «седьмым днем вечной субботы», днем воскресения из мертвых. На этом основании в Европе в 1000 г. ожидали конца света; после этой даты историкам пришлось корректировать вычисления длительности каждого «возраста» мира.

Понятие ***исторической эпохи***, которое используется в настоящее время, возникло сравнительно недавно. Оно утверждалось в контексте культуры Возрождения и Реформации, в тот период, когда в обществе стало ослабевать влияние христианской эсхатологии, ожидания скорого конца света. Гуманистами было

предложено такое ви́дение истории, согласно которому важнейшей вехой, отделявшей древнюю историю от новой, считалось утверждение христианства и падение Западной Римской империи. Определение «средние века» входило в историографию постепенно, по мере отдаления в сознании настоящего от недавнего прошлого. В европейской науке представление о средних веках утвердилось после того, как в конце XVII в. профессор немецкого университета Х. Келлер назвал одну их трех книг своего учебника «Историей средних веков», подразделив историю на «древнюю» — до Константина Великого, «средневековую» — до 1453 г., даты завоевания турками Константинополя, центра христианского мира, и «новую», наступившую после этой даты.

Деление истории на большие эпохи способствовало формированию исторического сознания в обществе, в котором происходил процесс секуляризации, позволяло различать прошлое, настоящее и будущее как качественно различные периоды, и в то же время связывало воедино исторический процесс. Подразделение всемирной истории на древность, средние века и новое время стало господствующим в работах историков Просвещения (XVIII в.). Впоследствии этот способ периодизации, с известными поправками, был закреплен в профессиональной историографии XIX—XX вв.

Подобная схема подразделения весьма условна. О границах каждой эпохи ведутся споры, так что рубежи древности, средневековья и нового времени колеблются в пределах двух или трех столетий. Помимо этого, в основании такой периодизации всемирной истории помещена история Европы, события которой не могут служить ориентирами для описания прошлого Китая или Индии.

С середины XIX в. популярность приобрели различные экономические теории, в соответствии с которыми проводилась и периодизация мировой истории. В XX в. в марксистской литературе утвердилась схема пяти общественно-экономических формаций (первобытно-общинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической, коммунистической), восходящая к трудам К. Маркса и Ф. Энгельса. После Второй мировой войны теории индустриализации и модернизации, предложенные в сферах социальной и экономической истории, были распространены на исторический процесс в целом. Всемирная история рассматривалась как смена разных типов общества — доиндустриального (аграрного, традиционного), индустриального (модернизированного), постиндустриального (информационного). В работах современных историков и социальных философов большое

внимание уделяется изучению постиндустриального этапа истории.

В XVII в. берет свое начало периодизация по столетиям. Этот способ подразделения времени предполагает, что каждое столетие обладает внутренним единством, собственной идентичностью.

При переносе одной из характеристик эпохи на сущность целого периода возникают обобщения («век барокко» или «век либерализма»), которые используются как метафоры. Но они требуют известной осторожности, поскольку подразумевают, что, например, весь способ жизни в XVII в. характеризуется чертами стиля барокко. Теории глобальных эпох также могут рассматриваться критически, поскольку строятся на посылке, что история — некое мировое целое — постигается в соотношении с тем, что человек узнает из собственного опыта.

Таким образом, эпохи и периоды — плод работы историков. Эти конструкции помогают в изучении феноменов прошлого, но они не должны восприниматься буквально. Как писал Р. Дж. Коллингвуд, всем приходится читать о хороших или дурных периодах в истории, но та или иная оценка больше говорит о том, как историки изучают прошлое, чем о том прошлом, которое они исследуют.

Всеобщая история

В процессе познания историк всегда выбирает масштаб и ракурс изучения предмета. Такой выбор предполагает определенную интерпретацию исторического прошлого.

В историографии имеется немало опытов написания «больших» историй, которые, по замыслу их авторов, охватывают различные аспекты человеческого бытия в мировом историческом пространстве и времени. С глубокой древности, когда складывались основы историописания, и вплоть до настоящего времени ученые не оставляют надежд представить историю человечества в целостном виде. Грандиозность задач и заведомая невозможность выполнения такого проекта отнюдь не могут служить препятствиями для тех, кто решился писать всеобщую (мировую) историю.

Идеи создания истории всего человечества нашли свое выражение в трудах античных авторов. Однако поиски для нее еди-

ных оснований в конечном счете приводили к написанию истории народов Средиземноморья, «образцовым» центром которого был эллинский мир. Именно по его меркам рассматривалась жизнь «варварской» окраины.

В европейской средневековой культуре опыты создания всеобщей истории были связаны с намерениями христианских ученых (Евсевия Кесарийского, Аврелия Августина, Рихера Реймского и др.) обосновать идею непрерывности и целостности прошлого, настоящего и будущего человеческого рода на основе Ветхого и Нового Завета. В таком виде всеобщая, или мировая, история представала как процесс движения народов от варварства (язычества) к христианству. Центром христианской истории по Божественному плану был «богоизбранный» народ, прошлое же «варваров», или «иноверцев», всецело подчинялось логике всеобщей истории с присущим ей универсальным миропорядком.

В новое время, по мере формирования рационалистической научной картины мира, схемы всеобщей истории, предлагавшиеся последователями гуманистов в конце XVI—XVII в. (например, Боденом, Боссюэ, Рейли и др.) и философами в XVIII в. (Вольтером, Монтескье, Гиббоном и др.), подразумевали существование целостного всемирно-исторического процесса на иных основаниях — через развитие мирового духа или прогресс универсального разума. В таких концепциях центром человечества становилась Европа, в соответствии с «образцовым» историческим опытом которой рассматривалось прошлое народов других регионов. Этот европоцентристский принцип написания всеобщей истории (несмотря на его критику самими исследователями) в измененном виде был унаследован профессиональной историографией XIX — первой половины XX в.

В XIX в. в Европе завершались процессы становления национальных государств. В связи с этим стала рассматриваться возможность создания единой всеобщей истории, своеобразного конечного продукта труда ученых, который был бы написан в результате тщательной научной разработки и обобщения национальных историй. Такую позицию, например, занимал Леопольд фон Ранке, который видел в написании всеобщей истории осуществление идеала (Божественного плана); этот идеал оказывался достижим посредством всеобъемлющего исследования взаимоотношений наций, языков, гражданских институтов, религий, причин и последствий войн и пр.

На рубеже нового и новейшего времени концепции всеобщей истории стали утрачивать привлекательность. Отчасти это было связано с общественными ожиданиями и потребностями в разработке концепций национально-государственных и ло-

кальных историй. Однако были и другие, внутренние причины, побуждавшие ученых по мере профессионализации историографии постепенно смещать исследовательские интересы в другие сферы. В их числе — возрастание специализации исторического знания, формирование таких самостоятельных областей, как политическая, экономическая, социальная, культурная история. В объяснительный аппарат дисциплины прочно вошли понятия «культура» и «цивилизация», с помощью которых оказалось возможным рассмотреть историю человечества в новом масштабе и других ракурсах.

Применение культурно-исторического подхода к национальной, региональной и локальной истории в работах Я. Буркхарта, К. Лампрехта, Й. Хейзинги, Н. И. Кареева, Л. П. Карсавина и других известных историков-профессионалов второй половины XIX — первой трети XX в. заметно повлияло на концепции всеобщей истории. Представления историков о содержании и динамике всемирно-исторического процесса заметно усложнились.

Важное значение для преобразования содержания и облика всеобщей истории имела разработка концепций локальных цивилизаций как сложных обществ, обладающих протяженностью в историческом времени и пространстве (Н. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, К. Ясперс и др.). Такие концепции содействовали ослаблению принципов европоцентризма и линейного прогресса в «больших» теориях истории человечества.

В середине XX в. концепции всеобщей истории были заметно обновлены и подкреплены общественными теориями модернизации, экономического роста. Роль образца исторического, социально-политического, культурного развития в них по-прежнему выполняли страны Запада. Однако в новых попытках написания всеобщей истории прослеживалось стремление не только включать в мировые процессы исторический опыт *не*-западных регионов, но и представлять его неотъемлемой частью целого. Всеобщая история строилась на основаниях модернизационной схемы, согласно которой общество имело три формы: доиндустриальную (традиционную), индустриальную, постиндустриальную.

Во второй половине XX в., когда произошли качественные изменения в мировой экономике, политике и культуре, а также в самом понимании науки, информации, природы общественного и гуманитарного познания, идеи написания всеобщей истории стали уступать место новым теориям всемирной (миросистемной) истории (Ф. Бродель, И. Валлерстайн, У. Макнил и др.). Общественная критика линейного хода всемирно-исторического процесса и универсальных общественных законов, в соответствии с которыми историки писали «большие» истории человече-

ства, содействовала пересмотру самих представлений о всемирности, роли европейских и западных «образцов» для других регионов и народов мира. В концепциях новой всемирной (миросистемной) истории, в корне отличающихся от привычных схем линейного развития и прогресса, утверждаются принципы взаимозависимости различных историко-культурных миров.

В то же время осознание мировым сообществом экономического, политического, информационного единства современного мира (выражаемого в процессах глобализации) породило потребность в написании ***глобальной истории***, концепция которой отличалась от сложившихся универсалистских концепций всеобщей и национально-государственной истории. Вместе с тем поборники глобальной истории, используя многие построения «миросистемщиков», не стремятся, тем не менее, акцентировать внимание на идее поликультурности. В глобальной истории эта идея подчинена поиску черт единства, сходства различных народов, живущих в разных регионах Земли. Стремление увидеть большое в малом дает специалистам в области макроистории возможность по-новому интерпретировать содержание привычных понятий «Европа», «Латинская Америка», «Африка», «христианский мир», «исламский мир», «человечество» и др., их роли во всемирном историческом процессе.

История и литература

Что может быть общего у исторических сочинений и произведений художественной литературы? Разве только то, что те и другие существуют в виде письменных текстов, у которых есть свои авторы и читатели. Принципиальное же отличие — в задачах, которые стоят перед историком и автором художественного произведения. Задача историка состоит в том, чтобы создать объективную картину прошлого. Он вынужден ограничиваться сохранившимися документальными источниками. Самое важное для автора художественного произведения — успешно реализовать свой творческий замысел и заинтересовать им своего читателя. Для этого ему не обязательно во всем следовать тому, что принято считать истинным или реальным.

Такой взгляд на отношения истории и литературы является расхожим. Он может устроить любого, кто привык думать, будто с момента появления письменной культуры человечество имело приблизительно одинаковые представления о том, чем реаль-

ность отличается от вымысла и, соответственно, чем задачи исторического описания отличаются от задач художественного изложения. Однако так было не всегда. Приведенный нами расхожий взгляд соответствует только тому сравнительно недолгому периоду в развитии научного и гуманитарного знания, который относится ко второй половине XIX в. Именно тогда утвердилось представление об истории как науке, реконструирующей прошлые события. Приверженцы этой науки не хотели иметь ничего общего с литературой или, в лучшем случае, рекомендовали историкам писать свои работы на ясном и понятном для всех языке.

В начале XX в. произошли изменения в понимании характера исторического знания. Все отчетливей звучала мысль о том, что в деле реконструкции прошлого нельзя во всем полагаться только на документальные источники. Их материала зачастую недостаточно, чтобы представить полную картину эпохи, которая интересует историка. Так что во многом ему приходится действовать на свой страх и риск, доверяясь исключительно своей интуиции. Кроме того, после произошедшей в гуманитарной мысли ***структуралистской революции*** (60-е гг. XX в.) пришло осознание того, что письменный текст является альфой и омегой исторического исследования. Это означает, что изучение прошлого начинается с интерпретации письменных текстов исторических источников. Конечный продукт такой интерпретации также представляет собой письменный текст — историческую статью или монографию. Создавая его, исследователь, подобно писателю, вынужден использовать тот набор художественных средств и риторических приемов, которые имеются в распоряжении у современной ему литературной культуры. С этой точки зрения, историческое сочинение можно рассматривать как литературное произведение особого рода, специфическое назначение которого заключается в том, чтобы убедить своих читателей в действительном характере представленных в нем событий.

Таким образом, отношение между историей и литературой гораздо более тесное, чем это может показаться. Автор любого прозаического произведения (особенно исторического романа или реалистической новеллы) не должен пренебрегать знанием исторических деталей. Историк же, в свою очередь, окажется не в состоянии дать сколько-нибудь целостное представление о прошлом, если не сумеет воспользоваться современными ему литературными приемами.

Уже со времен античности признавалось, что занятие историей требует серьезных литературных навыков. Однако ни у древних греков, ни у римлян не существовало понятия художественной литературы в его современном значении. Считалось, что все

виды словесного творчества (устного или письменного, поэтического или прозаического) представляют собой разные типы *м и м е с и с а* (гр. *mimesis* — подражание). Поэтому отличие историка от поэта состояло главным образом не в том, что первый был обязан говорить правду, а второму позволялось эту правду приукрасить. С самого начала им приходилось иметь дело с разными объектами для подражания. Как говорил в «Поэтике» Аристотель, «историк и поэт различаются не тем, что один пишет стихами, а другой прозой (ведь и Геродота можно переложить в стихи, но сочинение его все равно останется историей), — нет, различаются они тем, что один говорит о том, что было, а другой — о том, что могло бы быть... Ибо поэзия больше говорит об общем, история — о единичном. Общее есть то, что по необходимости или вероятности такому-то характеру подобает говорить или делать то-то... А единичное — это, например, то, что сделал или претерпел Алкивиад»*.

Древние историки уделяли большое внимание сбору и проверке единичных фактов, полагая, что история — это хранительница примеров, собранных для оказания читателям моральной и жизненно-практической помощи. Однако этим задачи истории не ограничивались. Занятие историей признавалось частью риторического искусства. Сбор и проверка фактов составляли лишь предварительную стадию в работе историка, искусство же его проверялось тем, как он умеет эти факты использовать. Лукиан в сочинении «Как следует писать историю» говорил, что главной заботой историка должно стать придание выразительности материалу. Историк должен обдумывать не *ч т о* сказать, а *к а к* сказать: его задача состоит в том, чтобы верно распределить события и наглядно их представить.

В античности не существовало видимых противоречий между установками на правдивое описание фактов прошлого и их связное и наглядное изложение в тексте исторического сочинения. Когда же все-таки они возникали, то решались в пользу наглядности. Пример тому — Цицерон, который считал, что первый закон истории — ни под каким видом не испытывать лжи, затем — ни в коем случае не бояться правды, а также не допускать пристрастия и злобы. Тем не менее, когда его друг, историк Лукцей, пожелал написать историю его консульства, Цицерон, заботясь о создании выразительного рассказа, посоветовал ему «пренебречь законами истории».

До конца XVIII в. история оставалась частью риторического искусства. Когда Вольтер, выдающийся историк эпохи Просвещения, в одном из писем излагал замысел своего сочинения

*Аристотель. Сочинения: В 4 т. М., 1984. Т. 4. С. 655.

о правлении Людовика XIV, можно было подумать, что он следовал рекомендациям Лукиана: ставя своей целью создать великую картину событий и удержать читательское внимание, он, с одной стороны, видел историю как трагедию, которой требуются экспозиция, кульминация и развязка, а с другой — оставлял на ее широких полотнах место для занимательных анекдотов.

С началом XIX в. историю, как и литературное творчество в целом, перестали считать частью риторики. Однако она не утратила своих художественных качеств. На смену одним изобразительным приемам пришли другие. Историк больше не старался занять привилегированную внешнюю позицию по отношению к предмету своего сочинения и читателям, воздерживался от моральной оценки героев. Более того, он стремился вообразить себя участником событий. Мелкие подробности и незначительные факты, с которыми историки Просвещения мирились как с «неизбежным злом», в трудах историков эпохи романтизма становились преимущественными объектами описания. В работе «Эффект реальности» французский философ и литературный критик второй половины XX в. Ролан Барт дал анализ изобразительных средств, которыми пользовались историки романтической школы и писатели-реалисты XIX в., и доказал факт взаимопроникновения и взаимообогащения исторического и литературного творчества.

Тесная связь этих видов творчества сохранялась и в последующее время. Трудно не заметить стилистического сходства между многотомными трудами историков-позитивистов и романами-эпопеями в духе О. де Бальзака или Л. Толстого. В первой половине XX в. историки «школы "Анналов"», по словам М. Блока, вместо «состарившейся и прозябавшей в эмбриональной форме повествования» позитивистской историографии предложили свой проект многослойной аналитической и структурной истории. Приблизительно в то же время писатели-модернисты Дж. Джойс, Ф. Кафка, Р. Музиль создают роман нового типа, особенности композиции которого не позволяют читателю обнаружить в нем единую сюжетную линию. Эти романы не имеют ярко выраженных начала, середины и конца и «живут» только в процессе бесконечного их перечитывания. Но уже во второй половине XX в. проблема взаимодействия истории и литературы получила свое теоретическое осмысление в работах «новых интеллектуальных историков».

АНТИЧНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ: РОЖДЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

> История же — свидетельница времен, свет истины, жизнь памяти, наставница жизни, вестница древности.
>
> *Цицерон*

Античная историография, с точки зрения формального определения, — это совокупность исторических сочинений на греческом и латинском языках, возникших в эпоху античности. Верхняя граница этой историографической традиции определяется временем дописьменной культуры, а нижняя — более аморфная и трудно определяемая — наступлением эпохи постримской средневековой традиции. Хронологически этот период может быть обозначен 1000 г. до н. э. — 500 г. н. э.

У истоков нового знания

В начале своего развития история была прежде всего жанром художественной прозы. Место ее рождения — малоазийская Иония, и в частности Милет, выдающийся центр греческой культуры архаической эпохи. Великие ионийские философы рассматривали мир природы (космос) как единое целое, а человеческое общество как его часть. Первоначально они писали, продолжая эпическую традицию, в поэтической форме, но вскоре возник новый литературный жанр, который более соответствовал развитию критической и научной мысли. В VI в. до н. э. подверглись пересмотру многие присущие эпосу представления о космосе, богах, об известных грекам зем-

лях и народах, и появились **прозаические описания** — произведения нового типа, противостоящие традиционной поэзии и мифологии. Интерес их авторов был направлен не только на окружающую действительность, но и на прошлое, которое помогало понять настоящее.

Основой для реконструкции прошлого служили мифы и эпос, при этом прозаическая запись традиционных преданий была не только их пересказом, но и критикой — отбором и переосмыслением. Так создавались первые хроники, этнографические описания местностей и городов. Насколько можно судить по дошедшим до нас фрагментам этих произведений, внимание их авторов было сосредоточено на родословных основателей городов, достопримечательностях и обычаях разных народов. Для всех авторов было характерно наивное представление о том, что исторические предания, старинные сказы и мифы воспроизводят подлинную, только несколько приукрашенную действительность и для установления истины достаточно устранить все сверхъестественное и неправдоподобное. Если факты казались бессмысленными, им пытались дать иное, более разумное объяснение. Главным было стремление «найти правду» и взять из предания то, что можно так или иначе проверить. Такая работа определялась словом «история», имевшим двойной смысл: свидетельство очевидца и расследование, расспрашивание. Авторов таких сочинений называли логографами (гр. *lógos* — слово, сочинение). Позднее этот термин приобрел много значений, но вначале он употреблялся для противопоставления прозаического слова поэтическому. В качестве литературного жанра рассказ-логос отличался от басни, сказки и мифа.

Логографы черпали сведения в устных и письменных источниках. Устными являлись новеллы городского фольклора, эпические предания о богах и героях, письменными — погодные списки должностных лиц и победителей Олимпийских игр, а также описания путешествий по суше и морю, которые велись для нужд торговли и мореплавания. На этой основе логографы создавали труды, более крупные по объему и широкие по кругозору: рассказы разного происхождения объединялись в них вокруг общих тем — народ, страна, город, генеалогия знатных родов.

В V в. логографами были созданы еще более масштабные произведения, объединявшие рассказы о прошлом целых стран: Харон составил описание Персии, Ксанф — Лидии. Отличительной чертой их писательского метода была фактографичность — стремление снабдить читателя точными и достоверными данными, что определяло их способ общения с материалом: механическое объединение вокруг одной темы разрозненных рассказов без попыток их синтеза и раскрытия внутренних связей между ними.

Геродот — отец европейской истории

О жизни **ГЕРОДОТА** (490/80 — ок. 425 до н. э.) известно чрезвычайно мало. Предполагают, что он родился в 484 г. до н. э. и около десяти лет (455—447 до н. э.) путешествовал по странам, с которыми греки вели торговлю. Геродот собирал сведения о природных условиях тех мест, которые посещал, об обычаях, образе жизни и истории разных народов, вел наблюдения лично, записывал рассказы очевидцев. Несколько лет в середине 440-х гг. до н. э. он провел в Афинах, где сблизился с кружком Перикла. Там же он, вероятно, читал отдельные части своего труда, в котором история Афин занимает центральное место. Последние годы жизни Геродот провел в Фуриях, греческой колонии на юге Италии.

Трудно установить, зачем Геродот путешествовал: только ли из любознательности или основной его целью была торговля. Помимо греческих колоний, он побывал в Египте, дойдя по Нилу до Элефантины, и Передней Азии, дойдя до Вавилона. Эти области были хорошо известны грекам. Здесь находились греческие фактории; сюда постоянно направлялись греческие торговцы и наемники. Все остальные места, которые посетил Геродот, представляют собой греческие поселения: это Малая Азия, Финикия, Сирия, Геллеспонт, западный берег Черного моря, Ольвия.

Геродот заимствовал многие знания и приемы изложения у своего предшественника Гекатея Милетского (рационалистическую аргументацию, универсальную карту мира, этнографические экскурсы), но в центр своих исследований он поместил человека, и в этом его главная заслуга. Геродот был первым универсальным историком, не ограничившим себя рамками какого-нибудь одного государства или народа. Например, вышеупомянутый Гекатей Милетский при всей широте и универсальности знаний был мифографом и географом, но не историком. Труд Геродота **«История»** представляет решительный переход от «описания земель» к истории в собственном смысле слова.

В отличие от логографов (которые обычно давали разрозненное описание отдельных местностей и народностей), Геродот объединил разнородный материал темой борьбы Востока и Запада. Он начинает свою «Историю» с установления причин конфликта между Азией и Европой, отыскивая виновников войны.

Историк посетил все страны современного ему культурного мира и изучил образ жизни, нравы, прошлое и религиозные обычаи древних народов. Не зная местных языков, Геродот был вынужден пользоваться рассказами посредников-переводчиков,

проводников, жрецов. Поэтому его сообщения часто относятся к области фольклора и иногда передают исторические факты в искаженном виде. В основном, однако, эти факты подтверждаются археологическими раскопками и сведениями из других источников.

Цицерон назвал Геродота «отцом истории»: с его труда начинается греческая историография, как поэзия — с Гомера. Именно он утвердил связь понятий «история», «исследование», «узнавание» с целью составления повествования о течении дел человеческих. История сформировалась как повествование о цепи взаимосвязанных событий, причинно обусловленных и приводящих к определенным последствиям, чаще всего непредвиденным.

Греко-персидские войны, вдохновившие Геродота предпринять свой труд, укладываются в четверть века, но для освещения этих событий ему понадобилась громадная историческая ретроспектива: истоки конфликта он прослеживает в глубоком прошлом втянутых в него стран и народов. Хотя тема «Истории» по сути своей военно-политическая, Геродот нагромоздил в ней массу разнообразных, нередко единственных в своем роде сведений по исторической географии, археологии, этнографии, истории мореплавания и торговли, религии и мифологии. Все эти экскурсы имели весьма отдаленное отношение к главным событиям повествования, однако в них были заданы границы предмета истории (независимо от того, в какой мере это понимал автор). Предмет истории в глазах самого Геродота великие и достойные удивления деяния, а задача историка в сохранении знания о минувшем, чтобы «прошедшие события с течением времени не пришли в забвение»*.

Геродот выступил первооткрывателем и в области исторического метода: он впервые подошел к историческому сюжету как проблеме, ставя перед собой конкретную познавательную задачу — поиск ответа на вопрос: почему эллины и варвары воевали друг с другом?

Заранее определенная познавательная цель диктовала необходимость установления истинности собранных сведений, а также отбора и упорядочения событий, т. е. элементов исторического повествования. У Геродота причудливо сочетаются два различных принципа историописания — *рациональный* и *мифологический*. Первый основывается на фактах, очевидцем которых был сам историк, второй — на сведениях о далеком прошлом, почерпнутых преимущественно из устной традиции. Геродот иногда подвергает сомнению некоторые рас-

*Геродот. История: В 9 кн. Л., 1972. Кн. 1. С. 11.

сказы о чудесах, но факт божественного вмешательства в человеческую жизнь остается для него очевиденым. В мире, по мнению Геродота, царит неодолимая божественная сила. Божество, с одной стороны, карает людей за неправду и заносчивость, а с другой — завидует человеческому счастью. Кара и зависть богов — реальные факторы исторического процесса. Главный принцип миропорядка — закон меры, границы (мойры)*, которая определяет линию жизни человека. Нельзя допускать чрезмерность, нарушать границу отпущенного. Персам была отведена в удел Азия. Однако они ослушались и посягнули на Европу, отданную богами эллинам. Из этого следовало, что им не миновать поражения. Ксеркс, напав на Элладу, проявил высокомерие, заносчивость и стремление захватить больше, т. е. подняться выше предписанного ему непостижимой судьбой уровня. Он совершил преступление, за что и понес божественное возмездие. С точки зрения Геродота, непререкаемость слепого рока, наказывающего каждого, кто захватывает больше, чем ему отведено, есть основной закон истории.

«История» в дошедшем до нас виде делится на девять книг, из которых каждой дано имя одной из муз; поэтому и все сочинение иногда называется «Музы». Первая половина труда Геродота (кн. I—IV) представляет введение, в которое включены эпизоды-новеллы фольклорного характера. Во второй части «Истории» (кн. V—IX) автор дает описание греко-персидских войн с рядом вставных новелл и несколькими большими историческими отступлениями. Своим рассказом о деяниях эллинов и варваров историк, следуя эпической традиции, стремится доставить слушателям и читателям наслаждение, но главная его цель состоит в том, чтобы события с течением времени не пришли в забвение, а великие деяния не остались в безвестности. Геродот мерит время событиями: каждый эпизод его истории выступает перед читателем пластически цельным и законченным и в то же время вписанным в широкую историческую концепцию, которая охватывает все разнообразие собранных фактов.

Когда речь идет о преданиях, Геродот приводит по возможности все существующие версии и при этом указывает, какая из них ему кажется предпочтительней («существует еще и третье сказание, ему я больше всего доверяю»). Многое он отвергает как маловероятное, неправдоподобное. Однако считает необходимым передавать «все, что рассказывают». В ряде случаев автор отделяет собственные наблюдения от того, что знает только

*М о й р а (гр. *Moira*) — в древнегреческой мифологии: каждая из трех богинь человеческой судьбы.

по слухам. Других методов отбора материала и исторической критики Геродот еще не использует.

Нередко он ссылается на хорошо знакомые его современникам предания вовсе не для того, чтобы согласиться с ними: они нужны ему как контрастный фон, оттеняющий его личный взгляд на события.

Геродот чужд всякой заносчивости и враждебности по отношению к варварам. Он бесстрастно и спокойно повествует о странных для грека обычаях и в отдельных случаях (например, под впечатлением древних памятников египетской культуры) даже признает превосходство «варваров» над эллинами.

Фукидид: история как свидетельство очевидца

Исторический жанр достигает высочайшего развития к концу V в. до н. э. у **ФУКИДИДА** (ок. 460 — ок. 396 гг. до н. э.). Он происходил из знатного фракийского рода и получил риторическое и философское образование. В 424 г. до н. э. Фукидид был избран в коллегию десяти стратегов (т. е. членом афинского правительства) и получил под свое командование афинские военные силы во Фракии, но после их поражения от спартанцев был осужден в Афинах за измену и приговорен к пожизненному изгнанию. Оставшуюся часть жизни провел во Фракии, посвятив весь досуг написанию исторического труда.

В отличие от Геродота Фукидид, определяя предмет исследования, не выходит за границы эллинского мира. Его труд — **повествование о Пелопоннесской войне** (394/3—391/390 до н. э.), т. е. о недавней, «современной» истории. Названия это сочинение, по-видимому, не имело.

Историк начал свой труд, по его собственным словам, сразу же после начала войны, убедившись в ее исключительном значении, и продолжал собирать материалы на протяжении всей войны. Фукидид писал современную историю как очевидец. Он приводит подлинные тексты договоров, надписи и другие источники, ссылается на поэтов и логографов, полемизирует с Геродотом, правда, не называя его имя. Фукидид, в частности, писал, что он не считает правильным передавать услышанное от первого встречного.

Труд Фукидида сохраняет свойственный всей античности характер художественного повествования, за исключением так на-

зываемой «Археологии», своеобразного введения, в котором говорится о важности выбранной темы, а также о предыстории Пелопоннесской войны. Его цель — пояснить точку зрения автора на неизбежность войны, имеющей «глубокую причину» — страх Спарты перед ростом афинской мощи после персидских войн.

Композиция труда Фукидида обусловлена принципом изложения военных событий по летним кампаниям. Автор достигает драматизма повествования с помощью контрастной группировки событий и разработки отдельных эпизодов: надгробной речи Перикла, описания эпидемии чумы, сицилийской катастрофы. Последние два эпизода считаются шедеврами мировой литературы.

Прямая речь персонажей, включенная в историческое повествование, — характерная особенность сочинения Фукидида.

Речи, часто субъективные, — средство исторического осмысления событий, своеобразный психологический комментарий к ним. Иногда в речах излагается концепция автора, причем и здесь он верен своему принципу максимального самоустранения, высказывая собственное мнение от лица разных персонажей, чтобы осветить вопрос с противоположных точек зрения. В таких случаях позиция автора скрыта, его цель — лишь показать, ч т о его персонажи могли или должны были сказать. Здесь важна историческая правда, а не точность изложения. В речах своих персонажей Фукидид дает блестящие образцы политического красноречия.

Автор противопоставляет собственную версию истории, метод и тему трудам, темам и методу предшественников: Гомера, логографов и Геродота. Свой метод Фукидид определяет словом «описывать», а метод логографов и Геродота — словом «слагать». Он подчеркивает этим, что логографы чисто механически, без критической проверки «составляют вместе» добытые ими сведения, заботясь только о занимательности информации, а не о ее надежности. Фукидид заявляет, что не будет приукрашивать и преувеличивать события, и исключает из своего труда все мифическое и анекдотическое.

Фукидид считает события, отстоявшие от него всего лишь на одно поколение, отдаленными, а сведения о них — не заслуживающими доверия. Ограничивая свою тему историей Пелопоннесской войны, современником и участником которой он был, автор отказывается от описания истории и этнографии варварских племен, чему посвятили свои труды Геродот и логографы. В сочинении Фукидида задача историка сводится главным образом к изучению недавнего прошлого в поиске причин событий настоящего.

Фукидид — родоначальник прагматической, научной историографии, основанной на рационалистических методах объяснения событий и тщательном отборе достоверных свидетельств.

Для нее характерны две особенности. Первая заключается в понимании истории как цепи событий, в которых отражена борьба индивидов за власть и государств — за преобладание и господство. В качестве общего провозглашался вывод: все люди как в частной, так и в публичной жизни действуют из стремления к власти и почестям, к богатству, наконец, из страха. Иначе говоря, поскольку человеческая природа всегда равна себе, то и побудительные мотивы в политике неизменно будут тождественными. Второй чертой прагматической истории является «практическая полезность», заключенная в непреходящей ценности ее уроков.

Поглощение внимания историков событийным уровнем имело для историографии по крайней мере три последствия:

• превращение политической и военной истории в единственный объект изучения;

• осмысление государства как единства двух неравнозначных частей: активного меньшинства (должностных лиц), определяющего исторические судьбы страны, и инертного большинства («народа»), выступавшего либо послушным инструментом, либо помехой на пути замыслов и дел первых;

• объяснение исторического процесса психологическими мотивами действующих лиц.

Стремясь сделать понятным ход событий, Фукидид отказывается от биографических и политических подробностей. Психологические, моральные и социальные качества человеческой натуры являются для него последними причинами событий. Если враждующие партии в Элладе возлагали ответственность за начало войны друг на друга, то Фукидид ставит вопрос о возникновении войны иначе. Он различает причины и непосредственные поводы, из-за которых разразилась война (так, античная медицина различала «истинную причину» болезни, «внешнюю», возбуждающую ее причину и простые симптомы). Как ученик Гиппократа, Фукидид устанавливает «диагноз» явления и дает точную картину «болезни» полиса, имеющей свойство повторяться.

Объективная причина войны — это тайная борьба противоположных сил, приведших политическую жизнь Эллады к болезненному кризису. Познание этой причины поднимает историка над борьбой партий и снимает вопрос о виновниках войны. Отсюда возникают требования наибольшей точности в исследовании событий прошлого и современности, а также критической оценки показаний свидетелей. Последних нужно выбирать не случайно, но принимая во внимание их предубеждения и силу памяти во избежание ошибок и воздерживаясь от собственного мнения.

Фукидид заявляет, что его цель — «отыскание истины», но, несмотря на провозглашаемое стремление к точности и беспристрастности, он часто субъективен. Мы находим у него односторонний подбор событий и даже намеренное замалчивание некоторых фактов (например, договоров афинян с персами). Духовное превосходство Афин дает им право на гегемонию в Элладе — таково убеждение Фукидида, которое он хочет внушить читателю. Почему же все-таки война была проиграна? Преемники Перикла не справились с поставленными перед ними задачами. Результатом длительной междоусобной войны стало, по словам Фукидида, вырождение человеческой натуры. Честолюбие, жадность, корыстолюбие наследников Перикла сделали Афины самым ненавистным из греческих государств: теперь вся Эллада единодушно желала уничтожения афинской мощи.

В неизменности свойств человеческой натуры Фукидид видит залог пользы от своего труда в будущем. Он ставит себе практическую задачу: сообщить государственным деятелям необходимые знания о психологии и поведении отдельных личностей и политических групп. Человеческая натура, независимо от племени, рода, пола и возраста ее носителей, имеет некоторые общие черты: стремление к свободе, эгоизм, зависть, мстительность, жестокость, безрассудные надежды и стремления, желание властвовать над другими. Человеческая натура — неизменно эгоистична. Она развивается с возрастом и незаметно приспосабливается к обстоятельствам, под давлением которых либо изменяется в направлении к «зверству» и вырождению, либо облагораживается под влиянием стремления к свободе, как в перикловых Афинах. Свойство человеческой натуры угнетать окружающих (сильный всегда господствует над слабым) — вот психологический принцип истории, устанавливаемый Фукидидом.

В политической истории (так же как и в космосе) господствуют стихийные силы (непредвиденные стечения обстоятельств, землетрясения, эпидемии и т. д.), которые нарушают каузальные, или причинные, связи исторических событий. «Слепой случай» проявляется не только во внезапных ударах судьбы, но и в человеческом поведении. Он иррационален и не подчинен этическим нормам. Эта безличная сила оказывает решающее влияние на успех человеческих замыслов, она может вредить или помогать людям. Напротив, все то, что в истории восходит к людским планам и решениям, историк выводит из законов человеческого мышления, расчетов и воли. События, представлявшиеся современникам трагическими несчастьями, он раскрывает как необходимые и неизбежные. Однако великие люди, выдающиеся государственные деятели могут, с точки зрения Фукидида, предвидеть ход исторических событий и влиять

на них. Если им на время удается обуздать «заносчивость» демоса и «раздражение» толпы, то наступает краткий период процветания. Но затем события вновь набирают силу, достигая кульминации во время войн и междоусобиц, за чем следуют возмездие и катастрофа.

Заслугой Фукидида как историка считается использование им документальных источников (текстов договоров, официальных постановлений и других документов), установление хронологии, а также применение открытого им метода реконструкции прошлого путем ретроспективных заключений, опирающихся на характеристику сохранившихся пережитков. Во введении к истории Пелопоннесской войны Фукидид подтверждает свои соображения о культурном состоянии Древней Эллады ссылками на обычаи наиболее отсталых племен, могильные находки, местоположение эллинских городов. Фукидид отказывается от традиционных представлений о древности, почерпнутых главным образом из эпоса, и смело ставит на их место собственные «обратные заключения», сделанные на основании определения роли Афин в эпоху греко-персидских войн. Истоки могущества Афин он видит в их исторической заслуге спасения Эллады при Марафоне и Саламине. Фукидид излагает историю соперничества Афин и Спарты и показывает, как усиление Афин привело к роковому конфликту двух держав. В знаменитой надгробной речи (эпитафии), посвященной Периклу, Фукидид рисует картину «золотого века» афинской демократии под руководством ее великого вождя. Этот исторический момент — вершина духовной мощи Афин, с которой Фукидид обозревает весь ход войны, взгляд на светлое прошлое перед лицом грядущих трагических событий.

Греческая историография эпохи эллинизма

Если греческое историческое сознание классической эпохи было сосредоточено на осмыслении вражды между греками и варварами, то в эллинистический период оно направлено на понимание единства человеческого мира как исторического целого. В результате завоеваний Александра Великого вся основанная им огромная империя приобщилась к единой истории греческого мира. Знакомство с яркими картинами прошлого, созданными Геродотом и Фукидидом в V в. до н. э., существенно расширило горизонты исторической мысли всех последующих поколений, и это подготовило появление ис-

тории нового типа, идея которой воплотилась в знаменитом труде **ПОЛИБИЯ** (210—128 до н. э.) **«Всеобщая история»**.

Полибий понимает историю не в первоначальном, геродотовском значении описания событий прошлого, а в современном смысле — и как исследование особого рода, посвященное делам человеческим, и как форму мысли, имеющую универсальную ценность для человеческого духа. По его мнению, познание прошлого более всего способно послужить на пользу людям.

Полибий происходил из знатного и богатого рода. Его отец был крупным политическим и военным деятелем Ахейского союза, четыре раза занимал высшую должность союзного стратега. Не удивительно, что и сам Полибий сделал блестящую военную и политическую карьеру. В 167 г. до н. э. он в числе тысячи других своих соотечественников был интернирован в Рим, где пробыл 17 лет до возвращения на родину. Военные знания Полибия высоко ценились в Риме, и он неоднократно выполнял роль военного эксперта. Известно, что он принимал участие в осаде Карфагена и присутствовал при завершающем штурме ненавистного римлянам города (146 до н. э.), а затем, после поражения Ахейского союза, способствовал умиротворению своих соотечественников. Известно также, что он прожил долгую жизнь и умер в возрасте 82 лет, хотя даты рождения и смерти Полибия восстанавливаются лишь гипотетически.

Основная часть «Всеобщей истории» посвящена периоду 220—146 гг. до н. э., а две первые книги представляют собой введение ко всему сочинению и охватывают 264—220 гг. до н. э. Таким образом, античный автор был свидетелем большей части изложенных им событий. При чтении сочинения Полибия не следует упускать из виду то, в какую эпоху он творил. Необходимо также помнить, что его главная цель — оправдать римские завоевания в глазах эллинов. Подчинение Риму эллинистического мира, свидетелем и участником которого стал сам Полибий, создавало, с одной стороны, новую, отличную от всего предшествовавшего, политическую и культурную реальность, а с другой — требовало иного подхода к осмыслению и изображению этой реальности. Мир вокруг Полибия постоянно менялся: на смену разрозненным и обособленным эллинистическим монархиям и союзным образованиям, которые постоянно враждовали между собой, пришла монолитная и стабильная политическая система римской государственности. Установление римского господства, безусловно, вело к подчинению свободолюбивых эллинов и оскорбляло их патриотические чувства, однако имело далеко идущие последствия. Происходило объединение прежде разрозненного мира, устранялись раздиравшие его противоречия, вызванные борьбой отдельных государств за политическое

преобладание. Множество отдельных земель всего за несколько десятилетий превратились в единое государство. Все это, с одной стороны, отвечало симпатиям Полибия, воспитанного на объединительных принципах греческой федерации, с другой — приводило его к мысли о том, что методы, которыми пользовались его предшественники в изложении истории миниатюрных государств прежней Эллады, уже не соответствовали масштабам и внутренним закономерностям грандиозного объединения Средиземноморья.

Создавая во «Всеобщей истории» собственный канон написания исторического произведения, Полибий выдвигает следующее принципиальное требование: история должна иметь всеобщий характер, т. е. охватывать в своем изложении события, одновременно происходящие как на Западе, так и на Востоке. При этом изложение должно быть синхронным. Свидетель эпохи мирового господства Рима, Полибий создал новый тип исторического сочинения — **всеобщую историю**. И хотя предмет истории был ограничен для него военно-политической темой, в центре внимания находится уже не событийная история войны, а динамизм столкнувшихся в ней политических сил.

Так вырисовывался образ всемирной истории, «частями» которой были истории отдельных этнополитических организмов. Полибий видит смысл истории в так называемых естественных циклах. Государство в этом случае уподобляется индивиду: оно проходит последовательно через юность, зрелость, затем стареет, приходит в упадок и исчезает. Полибий близок к осознанию истории как науки, открывающей регулярные закономерности, которые управляют жизнью общества. И это позволяет ему уточнить и развить понимание предмета и цели историописания. Более того, Полибий впервые выразил идею круговорота в истории, ибо, опираясь на естественные циклы в жизни человека и проецируя их на историю государства, он предвидел, что за возвышением Рима когда-нибудь неизбежно последуют его закат и падение.

Полибий считал, что большинство как прежних, так и современных ему историков злоупотребляют драматическими эффектами и риторическими приемами, в то время как историческое повествование имеет задачи, совершенно отличные от задач поэзии и риторики. Он видит цель историописания в пробуждении патриотизма и обучении искусству политики, в пользе, приносимой тем, кто стоит у кормила власти — ведь им особенно важно знать, по какой причине и из какого источника проистекает каждое событие.

Полибий развивает понятие деловой, *прагматической*, истории, которое связывает прежде всего с историей во-

енной и политической. Он требует, чтобы историк был современником, а еще лучше — участником изображаемых событий. Государственный и военный опыт историка — очень важное условие полезности его труда. Лучше всего, если историю пишут сами государственные деятели. Важный признак прагматической истории — последовательное изложение событий с учетом каузальных связей. Только такая история отвечает на вопросы: что, почему и для чего происходит. События, считает Полибий, соединены между собой некой внутренней связью и взаимно обусловливают друг друга. При этом Полибий допускает лишь внутриисторическую причинность, коренящуюся в самих событиях. Подобные связи между событиями существовали всегда, но они были менее очевидны, и большинство историков их либо не замечали, либо оставляли без должного внимания. Полибий неоднократно отмечает, что в его время сцепление событий стало не только намного очевиднее, но и полностью определило характер исторического процесса сближения политических интересов римско-карфагенского Запада и греко-македонского Востока.

Однако, чтобы правильно понимать ход исторических событий, необходимо, как считает Полибий, владеть приемами углубленного анализа причинно-следственных связей. Эти связи автор определяет, как соединение причины, предлога или повода и непосредственного начала событий, чаще всего военных действий. Эта последовательность звеньев причинно-следственной цепи, по мнению Полибия, является неизменной. Многие историки, говорит он, пытались объяснить связь событий, но делали это неправильно, путая указанные компоненты. Однако Полибий вынужден признать, что не все события поддаются такому анализу. Он отказывается, например, искать причины неурожаев, внезапных эпидемий, стихийных бедствий.

Не следует, однако, переоценивать меру рационализма в истолковании Полибием проявления «закона природы» в рамках событийной истории. Именно об этом предупреждают его пассажи, посвященные всемогущей мистической силе фортуны. Очевидно, что ее непредсказуемое вмешательство в течение событий и судьбы людей плохо сочетается с концептом «закона природы». Представление о судьбе является существенным элементом мировоззрения Полибия. Если грекам архаической и классической эпохи она представлялась индивидуальным предопределением, которое можно узнать с помощью оракулов и гаданий, но нельзя изменить, то в эллинистическую эпоху понятие судьбы усложняется, а ее функции становятся разнообразнее. Она может выступать в качестве полновластной прави-

тельницы мира, дарительницы, судьи, помощника в человеческих делах, наставницы или источника испытаний.

Но главное — судьба, по мнению историка, решает значительнейшие из дел вопреки расчету, она постоянно обновляет мир и изменяет ход событий. И все же в ряде случаев Полибий не признает решающую роль судьбы и ищет причину в действиях людей. Римляне достигли успехов не благодаря судьбе и не случайно, а совершенно естественно. Читателям следует знать, почему римляне обычно одерживают верх в сражениях, дабы не приписывать их успех судьбе. Полибий считает, что допустимо относить к сфере судьбы только те явления, причины которых невозможно или трудно распознать. Когда причина ясна, средство помочь делу находится в руках самих людей. С точки зрения задач прагматического историописания, Полибию важно было сузить сферу необъяснимых явлений, для обозначения которых он пользовался понятием судьбы, правящей миром, и максимально расширить область применения причинно-следственного метода.

Греческое наследие в римских исторических сочинениях

Большое влияние на формирование римской историографии оказали способы историописания, выработанные в древнегреческой и эллинистической культурах. Вместе с тем, у римлян идея истории была напрямую связана с понятиями традиции и места: они вели счет времени от основания города, и Рим мыслился как центр всего известного мира. Римляне воспринимали историю как непрерывный процесс, связанный с традициями предков — полумифических этрусских царей, сената, императоров.

В основе римской историографии — история Вечного города, с которым соотносились идея республики, а затем империи, гражданские добродетели, традиции, обычаи. Прошлым всей Италии и провинций Империи авторы долгое время не интересовались.

Самым старым жанром исторических сочинений, существовавших в Риме, были **анналы** (лат. *annus* — год) — ежегодные записи событий, которые составлялись в Риме жрецами-понтификами (членами высшей жреческой коллегии) с древнейших времен. В особых календарях отмечались имена высших санов-

ников, приводились тексты государственных документов и важнейшие события, произошедшие за год. В своих записях понтифики ограничивались тем, что только называли события, не прибавляя к ним собственных описаний или комментариев. В более поздние времена анналами стали называть исторические записи, составленные по годам, в хронологическом порядке. Около 123 г. до н. э. собранные за много лет материалы были помещены в «Великих анналах» (в 80 книгах). Анналы имели большое значение для формирования римской историографии.

Помимо летописной постепенно возникла и собственно историческая традиция. Многие сочинения не сохранились, но известны в отрывках или ссылках более поздних авторов. Самые ранние исторические римские труды — сочинения «старших анналистов» — были написаны в III—II вв. до н. э. на греческом языке. За ними последовали работы «младших анналистов».

В Древнем Риме история как литературный жанр пользовалась большим авторитетом. Авторы исторических сочинений часто принадлежали к верхушке общества, были политическими деятелями, военачальниками. На их произведения нередко сильное влияние оказывала политика. Хотя основным постулатом оставалось выяснение истины, для римских авторов весьма важной была проекция событий прошлого на современность.

В последние десятилетия существования Республики были написаны «сообщения» (комментарии) Юлия Цезаря о покорении Галлии и о гражданской войне, где оправдывались его военные и политические действия; после смерти Цезаря — сочинения знаменитого Саллюстия, историка эпохи упадка Республики.

ГАЙ САЛЛЮСТИЙ КРИСП (86—35 до н. э.) долгое время занимался государственной деятельностью, был квестором (ведал финансовыми и судебными делами), народным трибуном, сражался во время гражданской войны на стороне Цезаря, назначен им претором (высшим должностным лицом) в провинцию Африка. После убийства Цезаря ушел с государственной службы и посвятил себя написанию исторических сочинений. По словам Саллюстия, из всех возможных дел, которые он мог выбрать после многих несчастий и испытаний, он предпочел занятия историографией, как наиболее достойные.

Саллюстию принадлежат такие труды, как **«Заговор Катилины»** (ок. 41 до н. э.), **«Югуртинская война»** (после 39 до н. э.) и незавершенная **«История»**, охватывающая период 78—66 гг. до н. э. (до наших дней дошли лишь фрагменты).

Сочинения Саллюстия, непосредственно связанные с традицией анналистики, представляют новые для римской историографии формы написания истории.

Они посвящены отдельным эпизодам недавнего прошлого или современной автору политической ситуации: заговору римского патриция Катилины с целью ликвидации Республики и установления единоличной власти в 63 г. до н. э., войне с нумидийским царем Югуртой в 111—106 гг. до н. э. Подобно многим своим предшественникам и последователям, он декларировал, что занятия историей требуют не допускать лжи и не бояться правды, а также не испытывать пристрастия или злобы. Однако беспристрастность не подразумевала для Саллюстия отсутствие гражданской позиции по отношению к описываемым сюжетам.

Выбор темы о заговоре Катилины он объяснял желанием написать о преступлении, опасном для государства. События, сопровождавшие Югуртинскую войну, также представлялись автору большим потрясением для Рима. В основе работ Саллюстия лежало ощущение общей тревоги за состояние дел и за будущее «Великого Рима». Историк попытался представить собственное философское толкование этих событий.

Разрыв между славным прошлым государства и его настоящим с потрясениями, войнами и бедствиями беспокоил многих граждан Рима, его государственных деятелей, мыслителей и историков. При этом обнаружить причины такого положения вещей и обосновать их получалось не слишком убедительно. Рассуждения, которые можно было найти на этот счет у авторитетных писателей — Фукидида, Полибия, — не устраивали тех, кто обращался к их трудам. В сочинениях Саллюстия была сформулирована версия, объяснявшая общий упадок. Она стала весьма популярной у его современников и последователей.

Римскую республику, согласно Саллюстию, постепенно подтачивали внутренние силы. От процветания и наилучшего устройства гражданская община прошла путь до «сквернейшего и опозорившегося» государства. Со времени разрушения Карфагена в 146 г. до н. э., когда был побежден последний сильный враг Рима, внутренний кризис стал особенно явным.

В качестве примера автор приводил историю Катилины, человека знатного происхождения, больших дарований, но злого нрава, со склонностью к преступлениям, стремлением к наживе и власти. В другом сочинении Саллюстий показывал, как война с Югуртой намеренно затягивалась из-за горделивости и продажности знати. В «Истории» была представлена еще более пессимистическая картина: внутренний распад Рима начался сразу после изгнания царей. Этот процесс прерывался лишь однажды, когда во время Второй Пунической войны весь народ сплотился перед опасностью.

Таким образом, в сочинениях Саллюстия была представлена теория, согласно которой все беды и постепенный упадок Рима

были вызваны общей порчей нравов. Основной конфликт происходил в сфере общественной морали. Отсюда следовало, что одним из важнейших назначений истории было нравственное назидание современникам и предостережение потомкам. Констатация постоянного упадка не означала, что автор был убежден в неискоренимости зол или предвидел скорую гибель Рима. Сам Саллюстий долгое время поддерживал Цезаря, надеясь, что тот укрепит республиканско-демократические устои. В понимании образованных римлян город и государство представлялись созданными на века. Историк должен был обнаружить пороки современников и призвать сограждан к сознательному моральному совершенствованию.

Произведения Саллюстия вполне отвечали этой цели. Они были ориентированы на сочинения Фукидида, Полибия, основоположника латинской прозы Катона Старшего — с описанием политической и военной истории, раскрытием событий через характеристики основных действующих лиц. Тексты сочинений Саллюстия были построены так, что основной сюжет повествования то и дело прерывался экскурсами — отступлениями, в которых автор более подробно говорил о предшествующих событиях или о фактах, помогающих лучше понять суть описываемого. К ним относились, к примеру, экскурсы о возникновении римской гражданской общины, о неиспорченных древних нравах, о сравнении Цезаря и Катона, о землях и народах Африки, о характере Суллы и т. д.

Внимание Саллюстия привлекали не столько сами факты, сколько герои истории, люди с их добродетелями и пороками. Автор мог допускать неточности в датировке событий, но при этом давал яркие и живые портреты их участников. Важным средством для раскрытия характера человека служили речи, которые произносили от первого лица герои Саллюстия.

В римских исторических сочинениях прием характеристики героев с помощью вымышленных автором речей был достаточно распространен. Однако историки не придумывали их от начала и до конца. В Риме долгое время бытовала практика записи и распространения своих речей самими государственными деятелями, так что их тексты были широко известны. Поэтому авторы историй часто отталкивались от сюжета речи, переписывая ее по-своему, придавая ей яркость и силу убеждения. К этому Саллюстий добавлял письма и отрывки из документов, составленные им самим, переписанные или пересказанные.

По мнению римского автора, деяния надо описывать подходящими словами. Изощренный литературный стиль Саллюстия, его богатый язык, с архаизирующими выражениями и лаконичностью высказываний оказали немалое влияние на историков

и писателей средневековья и нового времени, для которых его труды были образцом римской прозы. Современные исследователи отмечают, что Саллюстий поднял римскую историю на уровень высокого литературного искусства.

До времен Цезаря и Саллюстия еще не существовало единой истории Римского государства, созданной его подданными. Замысел такой истории воплотил в своем труде Тит Ливий, живший на рубеже Республики и Империи.

Жанр всемирной истории

ервым крупным римским историком, не обладавшим опытом политического деятеля или военачальника, был **ТИТ ЛИВИЙ** (59 до н. э. — 17 н. э.) — прославленный писатель эпохи Августа. Он родился в Падуе, получил хорошее философское и риторическое образование, свое сочинение писал в Риме. Несмотря на то что он не занимал государственных должностей, Ливий был близок к императору.

Знаменитый труд Тита Ливия **«История Рима от основания города»** (ок. 27 — ок. 9 н. э.) состоял из 142 книг. В этом сочинении рассказывалось об истории Рима от Ромула до Цезаря. Сохранилось лишь 35 книг — с 167 г. до н. э. до времен самого Ливия.

Ливий впервые попытался создать полную историю Рима. Этот огромный труд снискал автору славу во многих поколениях. По мнению читателей разных эпох, главное достоинство этой книги заключалось в том, что она характеризовала не частные события, а передавала общий дух Империи. Однако такая точка зрения не исключала серьезной критики «Истории» профессиональными историками XIX в. Нарекания исследователей вызывало то, что в своем сочинении Ливий приводит множество недостоверных сведений, не анализируя их.

Большинство авторов придерживалось убеждения в том, что историк должен выявлять истинное положение дел и правдиво писать о событиях прошлого. Однако у многих из них были собственные представления об истинном изложении событий. Само понятие достоверности наделялось при этом различными смыслами той культуры, к которой принадлежал исследователь. Историческую достоверность можно понимать как соответствие текста, который пишет историк, его представлению об истинном знании, а также устойчивым правилам литературного изложения, закрепленным в культуре.

Таким образом, истина историка — это не обязательно правда факта. Историческую достоверность было предложено понимать так лишь в XIX в., с момента определения критериев научной истории. Для авторов других времен и культур данная проблема выглядела по-иному.

Можно говорить о разных способах познания прошлого. Аналитический способ предполагает реконструкцию фрагментов прошлого с опорой на критику разнородных источников. Художественный способ призван создавать художественными средствами достоверный по своему духу образ истории (недаром покровительницей истории считается одна из муз — Клио). Современники и последователи Тита Ливия ориентировались на разные подходы к описанию прошлого. При этом для самого Ливия был важным именно второй подход — художественная правда истории.

В предисловии к своему сочинению Ливий подчеркивает, что задача автора — знакомить читателя с событиями минувшего с целью извлечь пользу из «поучительных примеров». Труд Ливия задумывался как история моралистическая, призванная убеждать и учить. По словам историка, он хотел отвлечься от «зрелища бедствий» века нынешнего и обратить взгляд к славной истории, показав ее через противопоставление величественного прошлого недостойному настоящему, мужества и доблести предков — нравственному вырождению современников.

Представление о том, что процветание государства и накопление богатств привело римлян к порче нравов, вызвало гражданские войны и ускорило падение Республики, стало общим местом для римских историков. На теории «порчи нравов» основывали свои рассуждения Саллюстий и Тацит. Но для Тита Ливия становление, расцвет и падение римского гражданского государства стали главным стержнем повествования. Помимо этого, Ливий стремился показать римский народ «в обрамлении величественного целого». Историк видел свою задачу не в поисках новых сведений, а в воссоздании близких к идеалу картин жизни предков, с их гражданскими добродетелями и воинской доблестью.

В труде Ливия излагалась история, давность которой значительно превосходила память поколений его современников. Такое повествование не могло строиться только на основе расспросов очевидцев минувших событий. Бóльшую часть текста составили извлечения из книг предшественников, разнообразных записей, преданий и легенд о ранней римской истории. На основе этого материала автору было необходимо составить связный рассказ — со своими героями, сюжетом, внутренней структурой.

В труде Ливия названы двенадцать писателей, работами которых автор пользовался. Однако, компилируя материал из более или менее надежных источников, историк не считал необходимым сопоставлять свидетельства для выяснения точной версии происходивших событий. Ливий излагал различные суждения, не пытаясь примирять их друг с другом. При этом он предупреждал читателя, что не уверен в истинности приводимых свидетельств. Ливий, как правило, не истолковывал и не критиковал предания и чужие мнения, сознательно отказываясь от вынесения событиям собственной оценки. Подбор свидетельств и фактов служил иллюстрацией определенной идеи, и поэтому историк мог использовать менее достоверные источники, не ссылаться на известные ему документы.

В тексте Ливия прослеживаются отсылки к разным способам исторического письма. Прежде всего это понтификальная традиция и анналистика, что сказалось не только на уровне используемых источников, но и на манере построения частей текста. Так, в большинстве дошедших до наших дней книг Ливий заканчивает описание событий каждого года рассказом о выборах магистратов и ритуалах жрецов; следующий год открывается вступлением магистрата в должность, распределением провинций, приемами посольств и перечнем прочих официальных дел.

Из работ анналистов Ливий заимствовал не только фактический материал, но и установку на то, чтобы, говоря словами одного из этих авторов, показать, каким образом событие произошло и какие намерения за этим стояли. Для этого требовалось создавать яркие и живые литературные описания. Большое влияние на труд Тита Ливия оказало сочинение Полибия.

Темы повествования — «меч и тога» — военные действия и институциональная история, рассказы о воинах и основателях устоев. Тит Ливий следовал скорее традиции Фукидида, чем Геродота: его рассказ был наполнен событиями, людьми, драматическими действиями, с непременной моральной оценкой.

«История Рима от основания города» представляет собой выдающееся литературное произведение. Ливий стремился к художественному совершенству, описывая события в эпическом стиле, используя возвышенный слог, приемы риторики, драматизации повествования. Особую выразительность его рассказу сообщали исторические портреты действующих лиц. На основе речей героев, а также тщательно выбранных эпизодов, незначительных на первый взгляд, Ливий демонстрировал величие духа и добродетели римлян — их преданность семье и государству, стойкость и готовность к самопожертвованию. В хронологически выстроенное повествование вплетались рассказы о простых

и суровых нравах в семьях древних римлян, сцены единения и патриотического подъема народа в моменты опасности.

Ливия не слишком интересовали происхождение и обычаи выходцев из чужих земель. История, по его убеждению, должна увековечить подвиги первенствующего на земле «Римского народа».

Законы римлян мыслились автором как существующие с древнейших времен. По словам Ливия, легендарный Ромул созвал толпу на собрание и дал ей эти законы. По мнению историка, Рим самой судьбой был превращен из обычного государства в могущественное и великое. Таким образом, вся история сосредоточивалась вокруг Вечного города. В изложении Ливия история Рима предстает не одной из многих других историй, а как единственная и всеобщая, поскольку Рим воплощал в себе весь известный мир.

Благодаря такому подходу сочинение Ливия послужило в более поздние времена моделью, образцом для историй других народов, впоследствии — национальных историй. В своем сочинении Тит Ливий описал и закрепил «Римский миф», созданный на закате Республики. Суммирование прошлого было необходимо в тот момент, когда оно было готово стать коллективной историей, целостным образом. Как правило, подтверждение традиций требуется тогда, когда сама традиция нарушается, и поэтому становится видимой, превращается в предмет рефлексии.

Историки Ранней империи

Никто из последователей Тита Ливия не пытался переделывать его труд. Хотя римляне не утратили интереса к истории, в целом ее рамки были сужены. Во многом это было связано с особенностями политической ситуации в имперском Риме. В I в. н. э. исторические произведения, носившие оппозиционный Принципату (Ранней империи) характер, были враждебно встречены властями, и из них сохранилось мало сочинений. Писать историю с независимых позиций было трудно и небезопасно. Большое впечатление на современников произвел пример историка эпохи правления Тиберия Кремуция Корда, который из-за прославления Брута и Кассия как последних республиканцев был вынужден совершить самоубийство, а его сочинение публично сожгли. Оставалось писать официальную историю в честь правящей династии Юлиев-Клавдиев (Веллей Патеркул), сообщать о древних событиях (Квинт Курций

Руф, книга «О деяниях Александра Великого») или собирать исторические анекдоты («Девять книг достопамятных деяний и изречений» Валерия Максима).

ПУБЛИЙ КОРНЕЛИЙ ТАЦИТ (ок. 55 — ок. 120) начал писать только после убийства тирана Домициана в 96 г., когда эпоха «дурных цезарей» завершилась. Происходивший из аристократической семьи, Тацит получил обширные познания в области риторики, что позволило ему в молодости стать известным оратором. Тацит исполнял должности претора, консула, проконсула римской провинции Азия. Не принадлежа к сенаторской знати от рождения, Тацит был близок по оппозиционным настроениям к ее представителям.

Основные исторические труды Тацита — **«История»** (105—111; из 14 книг сохранились только 1—4 и начало 5-й) и **«Анналы»** (после 111; из 16 книг до нас дошли 1—6 и 11—16), повествующие о прошлом Римской империи — от смерти Августа (14) до убийства Домициана (96). Сочинениям Тацита свойствен глубоко пессимистический взгляд на события, происходившие в государстве. Это объединяет их с произведениями Саллюстия, которые оказали на Тацита большое влияние.

Писать, согласно намерению Тацита, следовало sine ira et studio — без гнева и пристрастия. Эта установка говорила скорее о стремлении к непредвзятости, чем об отсутствии личного переживания и опыта, поскольку Тацит был свидетелем многих событий. Кажется, что Тацита как историка сопровождало чувство вины — не только за государственную службу при императоре, но и за то, что его сограждане вообще могли допустить преступления таких императоров, как Нерон и Домициан.

По мнению Тацита, при единовластной форме правления свободе и добродетели всегда угрожает опасность. Трагедия общества заключалась в том, что императорская власть и свобода оказались несовместимыми, хотя падение Республики и было предопределено. Историку, по мысли Тацита, следовало честно описать для наставления потомков недавнее прошлое с его преступлениями и позором. При этом надлежало прославить подвиг немногих граждан, кто не побоялся бросить вызов тиранам.

Такое ви́дение задачи повлияло на композицию, отбор сведений для «Истории» и «Анналов». Тацит писал о событиях, происходивших в государстве год за годом. В конце каждого описания следовали перечни посольств, избранных официальных лиц, упоминания о кончинах известных людей, процессах и судах, природных бедствиях. Но историк не стремился фиксировать все происходящее, а подходил к материалу выборочно. Жизнь

огромной империи и ее провинций оставалась за пределами повествования. Основное внимание было приковано к самому Риму — императорскому двору, верхушке армии, сенату.

Центральное место в истории Тацит отводил отдельным личностям, людям, определявшим ее ход. Прежде всего это относилось к тем, кто стоял у власти. В сочинениях была представлена последовательность их дел и речей, но дела, как правило, оказывались злодеяниями и бесчинствами, а слова ничего не значили. По сравнению с прежними временами, когда государством управляли наиболее мудрые люди, власть утратила и мудрость, и нравственные основания. Пороки римлян в настоящем и прошлом становились более очевидными при их противопоставлении нравам и порядкам других народов, в частности суровых и мужественных германцев (в трактате «Германия»).

Историк пытался узнать не только внешнее течение событий, которое по большей части зависит от случая, но также их смысл и причины. В объяснении причин беззакония и рабства Тацит следовал за своими предшественниками — Саллюстием и Ливием. Гражданский дух и общественную мораль уничтожило богатство; жадность, роскошь испортили и вождей, и народ. Хотя Тацит как историк осознавал неизбежность такого изменения в структуре власти Рима, как гражданин, он не мог с этим мириться.

Все ли зависит от человеческих усилий? В текстах Тацита боги вмешиваются в жизни людей не для награды и дарования счастья, а только для наказания. Неясными представлялись влияния фортуны и судьбы. Кажется, со времени Саллюстия римским историкам становилось все сложнее объяснять ход событий.

История в изложении Тацита обладала чертами драмы. Важное место в тексте занимали портреты, речи, изображения характеров высоких и низких духом людей, императоров, интриганов, оппозиционеров. Отчасти его история прочитывалась как столкновение личностей. При этом Тацит рассматривал своих героев будто извне, как воплощение порока или добродетели. Характеры людей — как для Тацита, так и для его предшественников — представали как нечто неизменное. Они раскрывались в разнообразных ситуациях. Будущий преступник лишь до поры до времени скрывал свой истинный облик. Поступки героев прямо следовали из таких черт характера, как подозрительность, жестокость, стремление к власти.

Язык сочинений Тацита ярок и узнаваем благодаря необычным словосочетаниям, архаическим выражениям, иногда — очень кратким предложениям.

На закате античной традиции

Последним крупным представителем римской историографии считают **АММИАНА МАРЦЕЛЛИНА** (ок. 330 — ок. 400). Марцеллин писал в эпоху Домината, Поздней империи, когда на территории Римского государства начинали складываться новые общности. Постоянным фактором римской истории стали германские племена. Все возрастающую роль в государстве играло христианство. Несмотря на это, дух древнего языческого Рима еще не исчез окончательно.

Грек по происхождению, уроженец Антиохии, Марцеллин служил в римском войске и участвовал в походе императора Юлиана Отступника против персов. Он много путешествовал, а с 380-х гг. обосновался в Риме, где им было написано историческое сочинение под названием «**Деяния**».

Марцеллин был близок группировке просвещенных римлян-язычников из сената. Подобно им, он высоко оценивал личность и деятельность императора Юлиана, для него много значила история Рима с древними обычаями, традиционными ценностями, язычеством.

Марцеллин взял за образец «Историю» Тацита, продолжив ее с 96 г. — начала правления императора Нервы (из 31 книги до наших дней дошли книги 14—31, с описанием событий 353—378 гг.). История императоров, выстроенная в хронологическом порядке, была соединена с многообразными отступлениями, научными экскурсами. В сочинении можно найти различные сведения о событиях внутренней и внешней политики, о положении дел в Римской империи, у балканских народов, германцев, в Передней Азии. История у Марцеллина по-прежнему разворачивается вокруг Вечного города, но интерес историка привлекают и соседние территории. «Обзоры состояния города Рима» перемежаются рассказами о событиях в провинциях, разбросанных по всему миру.

Герой труда Марцеллина — не отдельная личность, а Империя, государство, сочетающее римскую организацию и греческую образованность, место, где встречаются выходцы из разных народов и племен. В его истории на передний план выходят и новые герои — варвары, противостоящие цивилизованности римлян. Все повествование у Марцеллина заканчивается гибелью императора Валента в битве при Адрианополе (378). Для Марцеллина характеры его героев неизменны.

В трудах римских историков отчетливо видна некая константа. Суть ее в том, что авторы ощущали себя последними свиде-

телями Рима на фоне постоянной порчи нравов, угрозы перемен и упадка. При этом они сами не верили в падение Вечного города. Те же настроения отразились и в «Деяниях» Марцеллина. Риму, по словам историка, при всех его пороках и недостатках, суждено жить, пока будет существовать человечество.

Романизированный грек Марцеллин не мог испытывать тоски по утраченной Республике уже потому, что живая память о ней ушла: свидетелей событий не осталось. Для него Поздняя империя переживала состояние не столько упадка, сколько зрелости и скорой старости. Однако при этом не было и речи о ее грядущей гибели.

Марцеллин, как и его предшественники, пытался объяснить причины деморализации Римского государства порчей нравов отдельных личностей, стоявших у власти.

Единственная цель историка — правда. Следовать этому завету особенно трудно, когда свободомыслие ограничено. По словам Марцеллина, он сомневался в необходимости описания современных ему событий из соображений собственной безопасности.

Стиль Марцеллина, сформировавшийся под влиянием греческого языка, сильно отличается от стиля Тацита: ему свойственны вычурность, метафоричность, художественная образность. В своем письме Марцеллин допускал множество заимствований из трудов других писателей.

Аммиан Марцеллин ощущал себя язычником, эллином. Сторонник неоплатонизма, историк был весьма терпим в религиозных вопросах, в противовес христианству с его спорами о ересях и чистоте веры.

Марцеллин — последний из плеяды великих римских историков. Он творил в то время, когда в культуре Римской империи появились принципиально новые способы видеть и объяснять мир и историю в связи с христианским вероучением и когда западной части Империи оставалось существовать уже меньше века.

Античное историческое сознание и историописание

В чем же заключается своеобразие исторического сознания эпохи античности?

Прежде всего, парадоксальным для современного человека представляется взгляд античных авторов на исторический процесс. Сознание человека новоевропейской культуры восприни-

мает историю отдельного индивида, общества или природы как путь развития и изменения, хотя и трактует характер этого динамизма по-разному. Античное историческое сознание, напротив, было чуждо восприятию прошлого как процесса развития. История мыслилась как совокупность событий и явлений, предшествующих современности во временно́й перспективе, однако принципиально не отличающихся одно от другого. Ситуации и происшествия, разделенные временем, представлялись подобными друг другу, а история выглядела как цепь воспроизводящихся однотипных событий. Для античного понимания истории — в равной степени и для греков, и для римлян — было характерно отношение к традиции, наследию предков как к благу. Любые преобразования и новации означали изменение существовавшего порядка вещей и в целом наделялись негативным смыслом. Задача историка заключалась в том, чтобы сохранить смысл повествований предшественников, оставляя за собой право исправлять в рамках этой концепции преемственности стиль и манеру их письма.

Допустимым новшеством считалось освещение событий и фактов, которые не затрагивались предшественниками, главным образом того, что случилось в течение жизни самого историка.

Существование во времени не воспринималось как динамический и линейный процесс: качественное состояние общества оценивалось как изначально заданное и неизменное, отмеченное циклическим повторением сходных событий. *Неподвижность и цикличность в восприятии истории позволяют современным исследователям сделать вывод об отсутствии идеи историзма в историческом сознании античного общества.* Вместе с тем они признают, что именно античная историография смогла впервые осмыслить и выразить идею важности прошлого для общества и отдельного индивида. У античных историков задача сохранения памяти о прошедших событиях была реализована в практической деятельности по их воспроизведению в литературных текстах, которые были адресованы современникам. Именно это дает право говорить, что *история как процесс и область знания — продукт античной культуры.*

Необычным является и взгляд античных историков на взаимосвязь событий. Их сочинения изобилуют разнообразной информацией и подробностями, однако изолированными друг от друга: конгломерат сведений не сливается в органическое единство, целостную картину ушедших эпох. Восстанавливая ход и причины отдельных событий, античные историки находят им рациональные объяснения, видят их истоки в действиях и особенностях характера отдельных исторических деятелей или целого народа. Их взгляд, однако, скользит по поверхности, их не инте-

ресуют глубинные процессы социальной или культурной жизни, которые, собственно говоря, и порождают отдельные события и явления. Античный историк всегда находится вне описываемого прошлого и над ним, не ставит перед собой задачи вникнуть в смысл происходящего.

Античные исследователи описывают смысл тех или иных событий в категориях морали и этики, ищут их причины в сфере человеческого поведения. Добродетели и пороки, успехи и ошибки, следование должному или отступление от него — предопределяют ход истории. Не случайно столь значительное место в античной историографии занимают образы политических лидеров — вождей, правителей, полководцев. От их поведения и личных качеств в значительной степени зависит благополучие или крах направляемых ими сообществ, исход событий и судьбы людей. Античный историк является в первую очередь моралистом, а не беспристрастным исследователем прошлого. Он ищет в событиях тот смысл, который был бы полезен и поучителен для его современников. Античная историография выводит в портретах исторических деятелей образцы поведения, достойного подражания, либо видит в них примеры дурных и губительных качеств, которые демонстрируют, чего человеку следует избегать и опасаться. События прошлого толкуются как поучительный пример того, как следует себя вести в будущем. Можно сказать, что *античная историография была не столько формой научного исследования, сколько жанром дидактической, морально-назидательной литературы.*

Описывая масштабные события или массовые выступления, античные историки не интересуются их реальными причинами. Мы не найдем здесь исследования или сколько-нибудь подробного реалистического воспроизведения условий жизни населения, специфики его экономической, духовной или повседневной жизни. Этот уровень существования общества находится за пределами предмета, достойного описания в античном историческом сочинении. А значит, столь важное для античной исторической мысли требование объективности, полноты и беспристрастности обладает глубоким своеобразием. В нем изначально сужен круг тех фактов, из которых складывается воспроизводимая историческая реальность. Следовательно, понятия исторической правды и объективности в античной трактовке только внешне могут быть соотнесены с их современным содержанием: за формальным сходством терминов стоит принципиальное различие подразумеваемых под ними явлений.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

> Кто пишет историю минувших времен, тот или говорит, что диктует ему Дух святой, или следует за авторитетом древних авторов, и прежде всего тех, кои повествуют о своем времени.
>
> *Лоренцо Валла*

Христианская концепция истории

Средневековые исторические сочинения были многочисленны и разнообразны по своей тематике и жанрам: это анналы, хроники, биографические и автобиографические произведения, истории отдельных светских и церковных сообществ, генеалогии правящих и аристократических династий. По своему смыслу и функциям с собственно историческими смыкались агиографические сочинения (жития): они содержали повествование не только о самих святых, но и более широкий очерк истории того сообщества или местности, с которыми святой был связан при жизни или после смерти. Специфической формой сохранения социальной памяти была литургическая практика поминовения усопших: на регулярных ежегодных церемониях члены социальной группы (семьи, рода, монастырской общины и т. д.) вспоминали своих предков и предшественников, поддерживая идею преемственности и единства прошлого и настоящего. В понимании целей исторических сочинений средневековые авторы были во многом продолжателями античной традиции, добросовестно фиксируя события, достоверность и правдоподобность которых могли быть подтверждены свидетелями или показаниями, заслуживающими доверия.

Средневековые историки были столь же неисторичны (в современном значении этого слова) в восприятии прошлого, как

и их античные предшественники. Прошлое порождало настоящее, однако не отличалось от него по существу. Смысл событий и поведение людей могли быть объяснены теми же причинами, что и в современной авторам социальной реальности. Опыт предшественников поучал и предостерегал людей от ошибок, он воспринимался как живая реальность и практическое руководство к действию. Не случайно в искусстве средневековья существовала традиция изображения людей минувших эпох в облике, типичном для современников: они наделялись узнаваемой одеждой, прической, атрибутами повседневной жизни. Эти внешние признаки рассматриваются современными исследователями как свидетельства принципиального анахронизма исторического сознания.

Средневековые авторы, вслед за античными, воспринимали прошлое как сокровищницу примеров, демонстрировавших образцы достойного или недостойного поведения, выявлявших типические ситуации трагического или счастливого хода событий. Прошлое осмысливалось в категориях морали и этики, служило источником поучения и назидания. Средневековые авторы искали в нем подтверждения идей, актуальных для сообщества, к которому сами принадлежали: исторические сочинения должны были свидетельствовать о великом прошлом народов и отдельных династий, доказывать эту идею отсылкой к образам великих предков и значительным деяниям предшественников. Память о прошлом могла подтверждать права на определенные земли, имущество, легитимировать претензии на власть и социальный авторитет. Одним словом, историческое повествование не было просто собранием более или менее достоверных сведений, но использовалось как средство поучения, источник самосознания и инструмент для решения актуальных проблем.

Преемственность античной и средневековой историографии предопределила их сходство во многих аспектах, однако не носила абсолютного характера. Средневековое историческое сознание было отмечено рядом принципиальных особенностей: его своеобразие коренилось в системе христианских религиозных представлений, предопределивших общую концепцию развития человечества — его смысл, цели и движущие силы. Понимание истории, которое отличало ученую историографию латинского средневековья, сложилось в сочинениях святого Иеронима, заложившего основы христианской хронологии, Павла Орóзия, создавшего модель политической истории христианского Запада, и Аврелия Августина, разработавшего концепцию борьбы двух миров — Града Небесного и Града Земного, в которой он усматривал главное содержание истории человечества. В своих

главных чертах созданный ими образ истории оставался неизменен на протяжении всего средневековья.

Становление христианства как развитой религиозной и мировоззренческой системы привело к формированию новой, существенно отличавшейся от античной, традиции исторического сознания. Заложенная первыми и наиболее авторитетными христианскими теологами — Отцами Церкви — философия истории вобрала в себя опыт античной историографии, отказавшись от ее основополагающих принципов или изменив их до полной противоположности. Исторические сочинения язычников рассматривались как несопоставимо менее ценные, чем предание иудеев, воплотившееся в Ветхом Завете. Библейская модель истории была положена в основу христианского понимания развития человечества. Интерпретация событий прошлого и настоящего по преимуществу ориентировалась на принцип веры, признавала решающее значение сверхъестественного вмешательства всемогущего Бога в человеческую жизнь и ограничивала возможности рационального объяснения событий.

Признание абсолютного авторитета Библии вызывало отказ от применения к ней принципов критической оценки информации, который применяли античные авторы. Библия и ряд иных текстов, созданных в течение столетий развития христианства, оценивались как абсолютно истинные, содержание которых не могло подвергаться сомнению.

Достоверность и ценность информации оценивались с точки зрения степени авторитетности сообщавшего ее источника. Понятие авторитетного источника было одной из важнейших категорий средневекового сознания, усвоенных историографической традицией. Отказавшись от принципов рациональной критики библейских текстов, ранняя христианская историография усматривала в них иные, аллегорические смыслы. В фактах и событиях видели лишь внешнее выражение универсальных моральных и мистических идей, которые раскрывали истинное содержание отношений между Богом и людьми и делали явным глубинный смысл происходящего.

Отрицая рационализм античных мыслителей, христианские теологи использовали достижения и идеи античной философии, прежде всего позднеантичного неоплатонизма, усматривавшего в простых и обыденных вещах переплетение различных смыслов. Эта система сложного и многозначного истолкования событий Священной истории, изложенной в Библии, приобрела значение важнейшего метода средневекового мышления и распространялась на все события человеческой истории и современной жизни. Разработанный христианскими теологами подход к пониманию истории означал, что метод последовательного, но по-

верхностного объяснения событий как цепочки причин и следствий был вытеснен практикой истолкования истории как сложного процесса, в котором события и действия людей составляли лишь внешний слой.

Что же лежало в основе человеческой истории и составляло ее истинное содержание? Первые христианские теологи дали ответ на этот вопрос, который не подвергался сомнению на протяжении средневековья, пережил Ренессанс и в значительной степени сохранял свою бесспорность в историческом сознании Европы вплоть до середины XIX в. Смысл человеческой истории, ее истинное содержание, глубинная причина всего происходящего мыслились как отражение воли Бога. Реальная история государств и народов представала как цепочка взаимосвязанных событий, отражающих осуществление Божественного замысла. Христианство восприняло ряд важнейших особенностей иудейского религиозного сознания, в котором неразрывно соединялись два аспекта: собственно религиозный, отсылавший к сверхъестественным мистическим отношениям Бога и человека, и прагматический, апеллировавший к обыденному существованию людей. С точки зрения христианства, отношения Бога и человечества совмещают в себе два, казалось бы, противоречивых качества — они осуществляются как в вечности, так и в земном, «историческом» времени. Динамизм человеческой истории, выражающийся в смене эпох, возвышении и упадке отдельных держав и народов, определяется вечной и неизменной борьбой добра и зла, Бога и дьявола. Приверженность тому или другому проявлялась в истории империй, государств, во взаимоотношениях индивидов.

Человеческая история впервые приобрела значение необходимого элемента космического процесса, стала своего рода грандиозным эпосом, видевшим за внешними событиями и отдельными человеческими поступками отражение неизменной борьбы универсальных сверхъестественных сил. В полной степени подобное понимание истории как глобального религиозного процесса было сформулировано главным теологом латинской церкви **АВРЕЛИЕМ АВГУСТИНОМ**, епископом Гиппонским (354—430) в сочинении **«О граде Божием»** (413—426). Согласно созданной им концепции человеческой истории, противостояние добра и зла, Бога и дьявола находило свое отражение в борьбе града Божьего — мистического сообщества всех праведников и истинно верующих — против града Сатаны — совокупности всех живших ранее и живущих ныне язычников и врагов веры. Эти два сообщества разделены в вечности на два противостоящих лагеря, однако и избранные, и грешники сосуществуют во времени реальной истории, в земном сообществе — граде Земном. Борьба

праведников и грешников — это не только духовное столкновение, но и воплощенное в истории и человеческих деяниях противостояние двух лагерей. Августин, подобно другим христианским мыслителям, верил, что человеческая история имеет свой финал и свою цель — окончательную победу праведников и поражение грешников, воплощенные во Втором пришествии и Страшном суде.

Средневековая концепция исторического времени

Оригинальная концепция исторического времени явилась наиболее впечатляющим достижением средневековой историографии, во многом определившим ее облик. *Принцип хронологической организации повествования — последовательного расположения фактов во времени — стал определяющим для средневековой историографии, отличавшим ее от античной, которая руководствовалась преимущественно принципом причинно-следственных связей.* Характерное для средневековья понимание исторического времени имеет в своем основании три различные модели: *античную, библейскую* и *древнегерманскую.* Две первые были восприняты и переосмыслены уже в сочинениях ранних теологов и Отцов Церкви, положив начало средневековой христианской концепции истории. Последняя, иллюстрировавшая понимание времени, свойственное архаической германской культуре, была вытеснена ученой *христианской* интерпретацией истории, однако отдельные ее элементы сохранились как в массовом переживании времени, так и в литературной традиции.

Парадигма христианского исторического сознания, сформированного ученой церковной культурой, покоилась на двух фундаментальных идеях: Божественного предопределения и линейного развития исторического времени.

Античное повествование о прошлом всегда было историей конкретного политического сообщества, время существования которого и было временем истории. Времясчисление в соотносимых единицах велось от произвольно избранной точки отсчета — как правило, от деяний властителя, олицетворявшего собой сообщество как политическое тело. Так, в Риме счисление велось от основания Вечного города. С римскими политическими институтами были связаны также и дополнительные системы

счисления — по периодам консульских правлений, годам правления императоров, налоговым индиктам. Время одного политического сообщества никак не соотносилось с временем другого — это были разорванные и автономные периоды. Исторической памяти германцев вообще было чуждо понятие даты как рубежа на шкале времени. В германских исторических преданиях время осмысливается и переживается как череда поколений предков или периоды правления отдельных королей, завершение каждого из которых означает окончание времени, разрыв в его непрерывном течении.

Иудео-христианская традиция, которой наследовала средневековая историография, привнесла в нее идею естественного исторического времени. История мироздания имела началом Божественное творение и получит конец — Второе пришествие. Если содержание истории — спасение праведных, время богоизбранного народа предстает абсолютным временем мироздания, временем вообще.

Средневековое восприятие истории основывалось на признании абсолютной значимости предопределения, направлявшего жизнь человека, отдельных народов и человечества в целом. Существование людей во времени приобретало особый глубинный смысл, поскольку за ним стояла воля Бога и завершенный план существования человечества. Божественный замысел обладал качествами завершенности и абсолютной обязательности. Эта теологическая идея разрушала представление об истории как конкретном явлении, которое всегда связано с определенным сообществом (народом, городской или территориальной общиной, родом). История стала восприниматься как универсальный процесс, в котором участвуют все народы, существующие ныне или когда-либо существовавшие ранее.

Уже в период раннего христианства предпринимались попытки представить всю историю человечества как единый взаимосвязанный процесс. В центр этого процесса помещалась история иудеев и христиан — избранных народов, хранителей истинной веры. История других народов воспринималась как второстепенное явление, значимое лишь в той степени, в какой они входили в соприкосновение с иудеями и христианами. Вместе с тем основное внимание всемирной истории христианского образца было направлено на то, чтобы представить именно христиан как избранное сообщество, сменившее в этом качестве иудеев, отступивших от истинной веры после пришествия Христа. Парадигмой средневекового исторического сознания была Священная история — история существования и распространения веры среди народов.

В III—V вв. создаются первые христианские **хронографии**, которые должны были согласовать известные по языческим сочинениям исторические события с образом библейской истории и собственной историей христианства. Создателями образцовых схем всемирной истории были епископ **ЕВСЕВИЙ КЕСАРИЙСКИЙ** (263—339) и один из крупнейших теологов латинской церкви **ИЕРОНИМ** (347—419/420). В их хронографиях представлен вариант членения человеческой истории от Авраама до современных дней, причем в качестве поворотных трактовались как библейские, так и реальные события. Это было началом традиции деления истории на пять эпох, а также ее разграничения на Священную историю иудеев, а затем христиан и историю других народов.

Первым автором универсальной христианской истории стал преданный ученик Августина **ПАВЕЛ ОРОЗИЙ** (ок. 380 — ок. 420), создавший образцовый для всех последующих средневековых авторов труд **«Семь книг истории против язычников»**. Эта «всемирная история» появилась в критический период истории Римской империи, подвергавшейся вторжениям варварских племен, и ее целью было осмысление исторической судьбы народов в контексте религиозных представлений о всемогуществе Бога. Орозий, следует идеям Августина о непререкаемом всемогуществе Бога и его промысла, под контролем которого находятся судьбы и великих земных империй, и истинных избранников.

Сочинение Орозия представляло собой очерк истории подъема и крушения великих империй — с момента Творения до времени создания текста (первая четверть V в.). Автор исходил из представления, что великие державы, от Вавилонского царства до Римской империи, могли возвышаться и достигать величия и могущества, однако в конечном счете были обречены на крушение, поскольку целью их существования не стало утверждение истинной веры. Подобно Августину, Орозий противопоставлял мирское, временное и преходящее духовному, истинному и торжествующему в вечности. Мирское величие осуждалось им как неправедное, основанное на насилии и грехе. Судьба Рима, униженного и готового пасть под ударами варваров, была для него одним из примеров в ряду иных сокрушенных великих держав, чья история демонстрировала всемогущество Бога, наказывающего гордые и неправедные народы.

Судьбы человеческих сообществ могли быть разными, однако все они являлись элементами универсального и целенаправленного Божественного плана. Современная идея истории как единого процесса, охватывающего все человечество, — это порождение иудео-христианской концепции мироздания. Другим важным следствием толкования истории как Божественного

плана была актуализация вопроса о причинах исторических событий. Это оттеснило нейтральное отношение к прошлому как очевидной данности. Поиски морального смысла фактов соединялись у средневековых историков с истолкованием глубинных причин происходящего. Фундаментальной причиной любого события была воля Бога, однако следовало также объяснить, что именно предполагал Творец в каждом конкретном случае.

Не менее важным основанием средневековой христианской теологии истории было утверждение, что Божественный план существования человечества протекает во времени и состоит из ряда последовательно сменяющих друг друга этапов. Существование людей и народов включалось в общий процесс Священной истории, начинающейся актом Творения и имеющей свое завершение в Страшном суде. Важнейшими этапами истории человечества были грехопадение и Спасение: для христиан воплощение Бога в человеческом облике и распятие Христа были одновременно и священными событиями, и реальными фактами, открывающими новую историческую эпоху. Священные деяния Бога имели в христианском мировосприятии не только абсолютный мифологический смысл — они были историчны по своей природе, осуществлялись во времени и знаменовали начало особых периодов Понимание исторического времени как непрерывной цепи повторения и воспроизведения одинаковых по своей природе и смыслу событий было оттеснено или по крайней мере дополнено в христианской модели *схемой линейного времени.*

В структуре линейного времени каждое событие было уникально и единично. События прошлого предшествовали событиям последующих эпох, были связаны многими нитями. Но отдельные явления не могли быть воспроизведены в своем буквальном и точном содержании. Свойственный современному историческому сознанию подход к фактам как уникальным и неповторимым имеет свои истоки именно в ученом христианском толковании истории. Более того, представление, что замысел Бога осуществляется во времени и неотделим от земного существования человечества, породило *идею развития,* согласно которой каждая новая эпоха отличается от предыдущей целями и задачами и вместе с тем связана с ней, поскольку новый период может начаться лишь по завершении предыдущего. Кроме того, идея развития несла в себе представление о совершенствовании человечества во времени, поскольку Бог давал ему возможность не только для греха, но и для исправления. Не случайно начинающаяся с воплощения и распятия Христа история спасения человечества осмысливалась не просто как продолжение истории грехопадения, но и как ее преодоление.

Вместе с тем христианская теология истории ни в коей мере не была рациональным учением о развитии и прогрессе. Смысл человеческого существования она усматривала исключительно в воле и замысле Бога.

Представление о линейности процесса развития человечества, уникальности событий и внутреннем различии отдельных эпох не было абсолютным. Между фактами Священной истории, отраженной в библейском предании, и событиями собственно человеческой истории видели типическое сходство. Минувшее интерпретировалось как прообраз последующих явлений: персонажи и события Ветхого Завета не только предшествовали новозаветным событиям и героям, но и являлись их прототипами. Метод *аллегорической типологии* — соотнесения одних персонажей и событий с иными, более ранними и бесспорными, — стал одним из главных приемов средневековой исторической интерпретации. Он распространялся не только на действующих лиц Священной истории (в первую очередь, на Христа, прототипами которого считались многие персонажи Ветхого Завета), но и на реальных людей. В исторических и биографических сочинениях короли, правители, религиозные деятели и подвижники сравнивались с персонажами Писания и других авторитетных текстов. По существу подобная типизация основывалась на признании фундаментальной повторяемости героев и событий.

Предмет и методы работы средневекового историка

В сознании историографов латинского средневековья события прошлого по существу отождествлялись с рассказом о них. Один из первых ученых-энциклопедистов латинской Европы **ИСИДОР СЕВИЛЬСКИЙ** (ок. 570—636) считал историю рассказом, сообщающим о том, что было в прошлом. Слова «деяния», «события» нередко помещались в заглавия исторических сочинений и обозначали описание жизни отдельных народов. Историография мыслилась скорее как рассказ о событиях прошлого, нежели как их исследование в современном смысле слова.

В средневековье не было создано универсальной классификации историографических жанров. Довольно часто делалось различие между историей (деяниями) и хроникой (анналами). В историях (деяниях) приоритет отдается повествованию. Здесь

излагаются события, интерпретируются причинно-следственные связи. Истории (деяния) пространны, хроники (анналы) кратки, ориентированы на фиксацию событий во временно́й последовательности. Это погодные записи, призванные фиксировать лишь «голые факты». Сочетать две последовательности, логическую и хронологическую, долго не находили возможным даже историки позднего средневековья. С течением времени развивались смешанные жанровые формы — произведения, соединяющие широкую хронографическую перспективу и точность датировки с литературной выразительностью связного исторического повествования. Чаще всего этот синтез истории и хронографии так и называли: «история и хроника». Более дробная спецификация жанров средневековой историографии носит весьма условный характер и отражает скорее своеобразие конкретных предметов исторического описания.

Самосознание средневековой историографии выражалось в четкой идентификации ею своего предмета и предназначения. Они описывались чрезвычайно широким понятием «достойное памяти», которое подразумевало намерение помнить из прошлого нечто важное, обладающее значением. В поле зрения средневековых историографов практически не попадали вопросы социальной или хозяйственной жизни. Следуя античной традиции, некоторые историографы предпосылали своему изложению этногеографические введения, иные имели вкус к картографии. Ни то и ни другое, однако, не сделалось правилом. Подобные сведения черпались из книжной традиции, даже если, на взгляд современного исследователя, противоречили собственной осведомленности автора. Предметом исторического повествования было прежде всего историческое существование политических сообществ. Историк описывал события (войны, взаимоотношения представителей светской и церковной элиты, факты истории церкви), за которыми стояла картина возникновения, развития и преемственности институтов власти — светских или церковных. Авторы ориентировались на отыскание в истории неизменного — преемственность с прошлым представлялась наилучшим оправданием существовавшего порядка вещей, тогда как перемены рисовались обманчивыми и опасными. Ход истории персонифицировался в деяниях королей, князей, епископов, которые действовали не как отдельные личности, но воплощения общественно полезных функций, олицетворения неких институтов или общества в целом.

Историография латинской Европы определяла свою оригинальность двояким образом: как через совокупность унаследованных от античности представлений об исторических сочинениях, так и в контексте религиозной *э к з е г е т и к и* — прак-

тики прочтения и истолкования библейских текстов. Библейская экзегеза выделяла историю государств и народов как особый уровень событий Священной истории, а исторический смысл — как особый способ их понимания. Историческое толкование библейских текстов сводилось к выявлению их буквального значения. Историческая интерпретация была отлична от аллегорической (иносказательной), тропологической (моральной) и анагогической (мистической). Историческое прочтение библейских событий и образов предваряло собой все последующие, являясь, по словам теологов, фундаментом духовного познания (Иероним) и всякой науки (Гуго Сен-Викторский).

Содержащееся в Ветхом Завете историческое предание, понятое как изложение вполне реальных и датируемых фактов, стало для христиан их собственным — даже в большей мере, чем воспоминания о римской предыстории латинского Запада. Ветхозаветная традиция служила образцом средневековых исторических сочинений, она воплощала в себе абсолютный образец истории как таковой. Это история Божьего народа на пути к Спасению. Божественное откровение дается ему в перипетиях истории, причем вмешательство Бога в ход земных дел влечет последствия вселенского масштаба и всемирно-исторического значения. Христианский Бог предстает и богом истории; следовательно, знание истории для богопознания отнюдь не безразлично. Средневековая историография во многом явилась побочным продуктом ученого христианского благочестия.

Включенная в качестве особого и необходимого компонента в систему библейской экзегезы, история была признана ученой культурой средневековья как род научной практики, что было чуждо античной традиции. Однако историческая интерпретация занимала низшее место в ряду иных возможных истолкований смыслов событий и явлений. Анализ исторического процесса в средние века — зачастую не что иное как приложение к историческому материалу аллегорического, тропологического и анагогического способов понимания священных текстов, и единственный его смысл — историческая теология. Вместе с тем религиозно-теологическая спекуляция, целью которой было расположение реальных событий в процессе осуществления Священной истории и действия Провидения среди людей, не могла вытеснить и иные уровни рассуждения о прошлом и настоящем. В частности, речь идет об установлении последовательности отдельных событий и выявлении причинных взаимосвязей между действиями их участников, движимых вполне конкретными «земными» мотивами.

Христианская концепция истории как линейного (протянувшегося от дней Творения до Страшного суда), конечного и уни-

версального процесса, охватывающего все народы, отразилась в отдельных памятниках средневековой историографии. Их авторы стремились включить истории отдельных народов и правителей в контекст этой всемирной истории. Грядущее казалось им столь же реальным и очевидным, как прошлое и настоящее. Один из выдающихся историков средневековья епископ **ОТТОН ФРЕЙЗИНГЕНСКИЙ** (после 1111—1158), изложив в семи книгах своей **«Хроники»** (1143—1146) всемирную историю от Адама до 1146 г., в восьмой повествует о грядущем конце света.

Средневековой историографией было воспринято учение Августина о шести периодах истории: от Адама до потопа, от потопа до рождения Авраама, от рождения Авраама до воцарения Давида, от воцарения Давида до Вавилонского пленения, от Вавилонского пленения до страстей Христовых; о наступивших последних временах, предел которым положит только Второе пришествие. К ветхозаветному преданию (Книге пророка Даниила) восходит представление о четырех царствах, или империях: Иероним определял их как вавилонскую, персидскую, македонскую и римскую. В средневековой историографии последняя была отождествлена с империей германских государей, легитимность которой подтверждалась идеей прямой преемственности с Римской империей. Падение Рима должно было означать завершение истории человечества и канун Судного дня, а потому ожидания гибели или краха средневековой Германской империи время от времени приобретали актуальность религиозного характера.

Подобные универсальные историко-теологические схемы, как правило, не находили прямого отражения в практике историописания. Относительное летосчисление, характерное для античной традиции, сохранялось и в средние века. Хронология событий определялась по годам правления императоров либо от даты введения городского консулата (в анналах городов Северной и Средней Италии). Однако постепенно Рождение, Крещение, Страсти Христа утверждаются в качестве фундаментальных вех мировой истории, задающей шкалу летосчисления. Отсчет времени от Рождества Христова вводится в историографию первым английским историком **БЕДОЙ ДОСТОПОЧТЕННЫМ** (672/673 — ок. 735) в 731 г. и получает распространение в XI в. Обычно историческое повествование имело своего рода хронологический каркас, внутри которого произвольно группировались факты прошлого. Действительное отображение развития мира и общества не входило в число притязаний большинства историков средневековья.

Определение истории как правдивого рассказа о минувшем отражает ее положение в сфере средневековых наук и литературы. Написание исторических сочинений не было включено

в систему «семи свободных искусств» — устойчивого образовательного канона средневековья — в качестве особой дисциплины, однако осознавалось как форма интеллектуальной деятельности. Не располагая собственными формальными правилами, средневековая историография подчинялась принципам, лежавшим в основе отдельных дисциплин средневекового научного знания: Гуго Сен-Викторский называл историографию «привеском» к «семи свободным искусствам». Историография, с одной стороны, заимствовала свои правила у дисциплин *тривиума* — начального цикла средневекового образования: у грамматики — идею выбора событий, достойных памяти, у риторики — требование истинности сообщаемого, у диалектики — культуру формальной организации мысли и аргументации. С другой стороны, средневековые историки руководствовались и нормами дисциплин, составлявших вторую образовательную ступень — *квадривиум*, сформированный «науками о счислении» (музыкой, арифметикой, геометрией, астрологией). Знание этих наук было необходимо при составлении хронографий как инструмент для расчета времени и определения правил его движения. Средневековая историография, таким образом, еще не сложилась как отдельная отрасль знания. Об этом свидетельствует и полное отсутствие теоретических руководств по истории вплоть до первой половины XV в.

Ни в средневековой школе, ни затем в университете история не сделалась полноценным предметом преподавания. Читая Тита Ливия, Лукиана, Саллюстия, Светония, Валерия Максима, ученики постигали грамматику, перенимали стиль, а заодно и жизненную мудрость. На протяжении столетий история воспринималась как «школа жизни». Пожалуй, лишь **ЭРАЗМ РОТТЕРДАМСКИЙ** (1466—1536) впервые был обеспокоен тем, что история учит и дурному. Между тем никому не приходило в голову сравнивать историю с «подлинными науками»: перед лицом теологии, правоведения и политической теории история оставалась лишь вспомогательной дисциплиной.

Лучшие умы сторонились истории, находя для себя более достойное поприще. Средневековые интеллектуалы считали историографов презренными людьми, а интерес к трудам древних вызывал недоверие и насмешки. Формирование среды профессиональных интеллектуалов и становление средневековых университетов имели для историографии пагубные последствия. Историография подчинялась нуждам преподавания и профессиональной (теологической и юридической) эрудиции. Образованные клирики охотно довольствовались самым поверхностным взглядом на историю, какой давали краткие учебные пособия и энциклопедии.

Комплекс произведений, получивших широкое и повсеместное распространение в латинской Европе, не был велик. Помимо «исторических книг» Библии, систематически и повсеместно копировались и использовались всего полтора десятка сочинений. Наряду с трудами римских авторов (Лукиана, Саллюстия, Цезаря, Светония, Тита Ливия) и Иосифа Флавия (автора широко распространенных «Иудейских войн» и «Иудейских древностей») в этот круг входили латинские переводы ранних христианских историков — «Церковная история» и «Хроника» Евсевия Кесарийского, «История против язычников» Павла Орозия, «Трехчастная история» Кассиодора и труды первых историков средневековья — «Хроника» Исидора Севильского, «Церковная история» Беды Достопочтенного. Все эти памятники возникли не позже VIII в. В XI—XIII вв. этот список пополнили еще несколько сочинений. Причины их популярности были различны. Так, **«История бриттов»** (до 1138) английского историка **ГАЛЬФРИДА МОНМУТСКОГО** (ок. 1100—1154/1155), повествующая о короле Артуре, привлекала занимательностью. Популярность героя и имперская пропаганда, связанная с официальной канонизацией, привели к широкому распространению вымышленной **«Истории Карла Великого»**, будто бы написанной его сподвижником епископом Турпином, упоминаемым в рыцарском эпосе. Другие исторические сочинения представляли собой энциклопедические и вместе с тем достаточно простые историко-библейские и историко-религиозные очерки. Они привлекали тем, что были удобны для использования в широкой образовательной, церковно-назидательной и теологической практике. Примечательно, что и после изобретения книгопечатания, существенно удешевившего и упростившего процесс обращения книг, именно эти два десятка латинских сочинений имели наибольший, всеобщий и долговременный успех.

Средневековые историки и их аудитория

Средневековые историки не были только историками и даже не были историками в первую очередь. Нередко в этом качестве выступали епископы и представители монашеских общин. Монастырские историки выходят на первый план около 1000 г. Особенно активно историописание развивалось в бенедиктинских монастырях, хотя клюнийские монахи относились к нему с известной опаской. Составленные в монастырских скрипториях исторические сочинения, как пра-

вило, плод усилий многих людей, демонстрируют наиболее впечатляющие достижения средневековой исторической эрудиции. В XIII в. монастырские историографы уходят с первых ролей, хотя и в позднее средневековье важными центрами историописания остаются некоторые монастыри: например, французское аббатство Сен-Дени и английское Сент-Олбанс. Члены появившихся в XIII в. нищенствующих орденов францисканцев и доминиканцев придали историческим сочинениям новое обличие. *Доминиканцы* обнаруживают больше склонности к написанию кратких наставлений и монументальных энциклопедий всех знаний. Занимавшиеся проповедованием перед массовой, как правило неграмотной, аудиторией городских жителей, *францисканцы* отходят от предшествующей книжной традиции в вопросах выбора тем, языка изложения и особенно критики источников. Тематика монастырских исторических сочинений нередко далеко выходила за границы интереса к собственной истории. Произведения, созданные монахами, приобретали характер политико-идеологических сочинений, прославлявших королевские и правящие династии. Исторические сочинения не просто удовлетворяли интерес к прошлому, но и выполняли прагматические функции: политико-идеологические и правовые. Хроники и анналы использовались как документальное подтверждение хозяйственных и политических прав монастырей и епископских кафедр, как свидетельство исторических прав династий, правящих в пределах созданных ими государств и политических образований.

Поскольку целью историка было установление истины, создание исторического сочинения представлялось занятием серьезным и ответственным. Свою работу по написанию истории авторы называли «многотрудным делом» — это определение, например, трижды выходит из-под пера **ГИРАЛЬДА КАМБРЕЙСКОГО** (1147—1223), когда он описывает разные этапы своей работы. Важнейшим условием создания правдивого труда был сбор максимально широкого круга достоверных источников. Качество отдельных источников информации не было равноценным: они заслуживали доверия в разной степени. Максимально подробно историки сообщали виденное собственными глазами. Однако даже при описании событий, современниками которых они были, авторы не могли ограничиваться личными наблюдениями и впечатлениями. Следующим по степени достоверности источником информации являлись свидетельства очевидцев, лишенные презумпции абсолютной правдивости в изложении событий. Часто упоминаемое определение «верный человек» (т. е. заслуживающий доверия свидетель) использовалось для подтверждения перед читателями надежности сообщения, записанного с чужих

слов. Очевидным недостатком личных воспоминаний было то, что они имели короткую временну́ю дистанцию и уходили в прошлое на срок, не превышавший жизни одного поколения — от 30 до 50 лет. Помимо личных свидетельств очевидцев в расчет принималась и коллективная общественная память — людская молва, слухи, предания. Эти сведения со сроком давности около 100 лет, как правило, четко отделяли от более надежных свидетельств. Столетний рубеж нередко определялся как граница «древних» и «новых» времен.

Древностью для средневековых историков являлся тот период, достоверную информацию о котором можно было почерпнуть только из письменных памятников. Неоднозначным было отношение к устным преданиям, легендам и эпическим сказаниям: историки признавали истинность некоторой части сохраненной ими информации, однако отдавали безусловное предпочтение более авторитетной письменной традиции. К устным преданиям обращались вынужденно, в том случае, если не было иного материала для воссоздания далекого прошлого.

В кругу письменных памятников различались документальные источники, собранные в местных архивах, и исторические сочинения предшественников. Работа с документами требовала особых навыков, в первую очередь умения отделять истинные памятники от поддельных. Истинность документальных свидетельств нередко определялась не результатами проверки на аутентичность, но специфическим восприятием самого феномена исторической правды. Правдивость была неотделима также от понятия справедливости, а потому документы, подложный характер которых не вызывал сомнения, использовались как достоверные исторические свидетельства. Это происходило в том случае, когда фальсификаты подкрепляли историческим авторитетом притязания определенного сообщества, представителем и защитником которого выступал историк. Нередко авторы хроник и анналов сами создавали подобные исторические подделки.

Архивы не были основным источником для средневековых историков. Письменную традицию — труды предшественников — они заменить не могли. Большие, в сотни томов, библиотеки на средневековом Западе были наперечет и подчас малодоступны. Свежие исторические сочинения обычно в них отсутствовали. Исследователь работал в полной изоляции, плохо представляя, кто еще из его современников занят историей. Положение стало понемногу меняться с расширением сети библиотек в эпоху позднего средневековья, однако реальная возможность знакомиться с многочисленными и, что немаловажно, современными сочинениями открылась перед историками лишь на рубеже XV—XVI вв.

с развитием книгопечатания. Путешествия по различным хранилищам в поисках книг были необходимой составляющей работы серьезного автора, однако эффективность подобного метода сбора информации нередко была низкой. Критика собранных с большим трудом сведений в целом не носила систематического характера и являлась по преимуществу формальной: она была обращена не столько на факты прошлого, сколько на сами источники информации. Для средневековья характерно четкое выстраивание иерархии письменных сочинений с точки зрения их истинности и правдивости: они делились на авторитетные и сомнительные. Статус авторитетного, заслуживающего доверия сочинения отдельные памятники получали на основании традиции их длительного использования, важнейшими критериями были также репутации их авторов и признание религиозной и моральной полезности.

Признание правдивости источника не означало, что автору исторического сочинения позволено его произвольное использование (подразумевавшее свободный пересказ): только дословное воспроизведение текста гарантировало от ошибок и искажений. Порой писатели стремились использовать лишь предельно краткие исторические свидетельства, подобные записям в анналах. Некоторые средневековые авторы опирались в своей работе на один единственный авторитетный текст, созданный историком предшествующего поколения. Иные — собирали свои сочинения из многих повествований о прошлом. Средневековые «истории» были компилятивными по своей структуре и содержанию, что вызвало критику со стороны гуманистической историографии и породило надолго сохранившиеся стереотипные представления о низкой интеллектуальной ценности средневековой историографии. Эта критика — явный анахронизм; она не принимает в расчет исторический контекст и правила, выработанные средневековыми историками.

На историографию в огромной степени влияла латинская образовательная и литературная традиция. Средневековая латинская школа, которую прошли все представители круга «образованных», основывалась на изучении и признании бесспорного авторитета некоторых текстов, прежде всего библейских. Полученные таким образом знания в значительной степени ограничивались набором стереотипных образов и литературных формул. Кроме того, следует помнить и об универсальном значении библейской экзегезы как метода интерпретации. Библия рассматривалась как неисчерпаемый источник параллелей, за которыми были закреплены определенные религиозные и моральные суждения. Любая попытка осмыслить реальные исторические события неизбежно выливалась в поиск библейских аналогий:

их обнаружение фактически означало наделение фактов истинным смыслом. Использование языка Библии в исторических сочинениях имело двоякие последствия: литературно-риторические и концептуальные.

Рассказывая об исторических событиях или персонажах, историк использовал готовые риторические клише: литературные формулы, образы, понятия. Открытые и косвенные цитаты, библейские реминисценции приводили к типизации реальности, ее литературному уподоблению библейским моделям. Этот процесс сравнивания реальности со священным прототипом не ограничивался лишь уровнем риторики. Библейские события мыслились как прообраз всей последующей истории человечества. В героях настоящего находили не только формальное, но и смысловое подобие библейским прототипам. Подобная типизация стала универсальным методом исторического мышления средневековья. Всякий предатель рисовался непременно Иудой, братоубийца — Каином, подвижник веры уподоблялся Христу, библейским пророкам и праведникам.

Историография никогда не отражала историческую память народа и даже явным образом ее не формировала. Она могла сохранять случайные рудименты народной памяти (мифы, предания, песни), но историческое сознание и общая картина истории, отраженные в ней, оставались достоянием узкого круга лиц, главным образом из числа образованных клириков. О функциях и значении историографии в культуре и жизни общества можно судить как по популярности у читающей публики отдельных сочинений, так и на основании их содержания: тенденциозности, совокупности историко-идеологических построений. Заслуживают внимания и такие факторы, как вариативность форм и закономерности эволюции способов подачи исторического материала.

Исторические сочинения должны были служить отдыху и развлечению людей в часы досуга, удовлетворению их любопытства и стремления к познанию. Эти функции сближали исторические сочинения с литературой, в том числе и с беллетристикой. Предназначенные для чтения вслух, почти все средневековые исторические сочинения рифмованы или ритмизированы. Широкому распространению отдельных текстов способствовали увлекательность и простота изложения, роднившие исторические сочинения с другими литературными жанрами, использовавшими исторические сюжеты: рыцарским героическим эпосом, рыцарским и авантюрным романом. Популярные исторические сочинения разных типов не требовали серьезной интеллектуальной подготовки аудитории и вместе с тем удовлетворяли ее социальные потребности, важнейшей из которых было

формирование социального самосознания. Последнее в значительной степени питалось исторической идентичностью: совокупностью мифов о происхождении и героическом прошлом.

Чтение сложных и фундаментальных исторических трудов оставалось уделом узкой группы образованного клира и интеллектуалов, обращавшихся к этим сочинениям с чисто познавательным интересом или в целях углубленного изучения истории конкретной церковной или политической институции. Подобные сочинения сохранились в незначительном числе рукописных копий, а их распространение было локальным — ограничивалось границами сообщества, видевшего в исторических трудах предшественников практическую ценность. Такова судьба большинства монастырских хроник и анналов, а также сочинений, преследовавших политические цели — прославление правящих династий и осмысление политической истории народов. Среди последних можно указать такие выдающиеся памятники историко-политической и политико-теологической мысли, как **«Деяния английских королей»** (ок. 1125) **УИЛЬЯМА МАЛЬМСБЕРИЙСКОГО** (1090/1096—1142), сохранившиеся в 35 списках, и «Хроника» Оттона Фрейзингенского, дошедшая в 38 списках. Оба сочинения не получили распространения за пределами государств, в которых были созданы — Англии и Южной Германии соответственно.

Локальное распространение большинства исторических сочинений отражает важные особенности исторического сознания средневекового общества. Интерес к истории был прагматичен и функционален: важнейшим ее назначением можно считать политическую самоидентификацию конкретного сообщества. Политической и социальной замкнутости жизни соответствовал исторический партикуляризм. Внимания сообщества заслуживала преимущественно та история, которая воспринималась «своей».

Изменение политической и институциональной структуры средневекового общества отразилось в эволюции форм историографических сочинений. В эпоху раннего средневековья, вплоть до XI—XII вв., историография, декларируя задачи создания истории народа как этнической общности, оставалась исключительно историей королевской и императорской власти. В последующие столетия интереса историков все чаще удостаиваются отдельные епископства, монастыри, города, территории, династии. Одним из наиболее ярких событий в развитии европейской историографии становится переход к написанию трудов на народных языках. Прошлое представало как источник легитимации власти, однако все более очевидной становилась и его функция социальной интеграции — выработки коллективной идентичности, сплоченности отдельных социальных и террито-

риальных сообществ. Изучая свое прошлое и создавая «миф об исторических корнях», средневековая знать творила сказание о своей древней доблести, свободах и религиозных заслугах, ставшее основой рыцарской этики. История позволяла знати вырабатывать нормы групповой солидарности, ставшей противовесом власти королей и территориальных правителей. Городские коммуны, прежде всего в Италии, апеллируя к прошлому, настаивали на исконности своего административного и политического суверенитета.

Появление первых старофранцузских переводов латинских исторических сочинений, а также оригинальных текстов о Карле Великом, римлянах и троянцах было инспирировано фландрской знатью, столкнувшейся с угрозой лишиться части своих социальных позиций в результате активной централизаторской политики французского короля Филиппа Августа. Эти сочинения выражали скрытый протест против усиления монархической власти за счет социального престижа и политической автономии знати. Создавая образ исторического величия и могущества этой социальной группы, они становятся аргументом, подтверждающим исключительную роль и заслуги аристократии.

Возникновение старофранцузской исторической прозы отражает не только практические задачи аристократической оппозиции. Оно свидетельствует о настоящем перевороте в историческом сознании светского сообщества, во всяком случае в его привилегированной части. Этот переворот связан с изменением общей структуры исторической памяти, приобретавшей все более рациональный и систематический характер. Это выразилось в переходе от ученой латыни к народному языку, от стихотворной формы к прозаической, от устного предания к его письменной фиксации. Однако ведущая роль в процессе принадлежала королевской власти.

Первым и наиболее ярким примером сознательного и целенаправленного использования историографии как инструмента упрочения монархического господства стала инициатива французских Капетингов. На исходе XIII в. создается первая редакция **«Больших французских хроник»** (1274) — грандиозного свода памятников предшествующей историографической традиции, основание которой уходит в эпоху Карла Великого. Главной тенденцией этой искусной компиляции, составленной на старофранцузском языке, становится обоснование величия королевской династии и возглавляемого ею народа и государства. Вехи истории Франции определяются в хрониках сменой династий Меровингов, Каролингов, Капетингов, связанных прямой преемственностью. В то же время в хрониках есть место не только для королей, но и для знати, которая представлена как деятельный

участник национальной истории. Однако ее роль в государственном управлении ограничена.

К концу средневековья историография утрачивает присущее ей изначально многообразие функций: теологических, религиозно-назидательных, правовых. Она все более приобретает значение источника социальной и политической идентичности, с одной стороны, и национальной интеграции — с другой. Одновременно в среде образованных людей зреет новое отношение к истории, интерес к прошлому приобретает самостоятельную ценность, не зависящую от прагматической полезности для целей христианской теологии и политической легитимации.

Гуманистическая историография эпохи Ренессанса

Эпоха Ренессанса ознаменована существенными изменениями в сфере культурной и социальной жизни. Однако эти изменения не носили характера радикального разрыва с предшествовавшей традицией. Так же как и в других сферах социального бытия, в историческом сознании Ренессанса сохранялась преемственность со средневековой практикой осмысления и написания истории. Однако исторические сочинения этого периода отмечены рядом новых черт в системе представлений об истории, методах работы историка и тематике. Литературное течение в рамках ренессансной культуры, включая сочинения на исторические темы, называют ***гуманизмом***. Это название происходит от резко возросшего внимания к человеку, его интересам, возможностям, что было своего рода реакцией на аскетическую и религиозно-назидательную традицию церковной культуры средневековья. Вместе с тем применительно к эпохе Ренессанса нельзя говорить о возникновении истории как научной дисциплины, обладающей собственным инструментарием, совокупностью методов познания и интерпретации прошлого, имеющей своей целью его правдивое отображение в исторических сочинениях.

Кроме того, европейская историография эпохи Ренессанса не была однородной. Такие важные для итальянской гуманистической историографии признаки, как подражание античным авторам, отказ от религиозного объяснения исторических событий, конфессиональная индифферентность, секуляризация и рационализация истолкования развития общества, не получили

полноценного воплощения в исторических сочинениях, созданных за пределами Италии. В рамках другого важнейшего социально-идеологического и мировоззренческого движения эпохи, каковым была германская Реформация, религиозное и теологическое истолкование истории не только сохраняло доминирующее значение, но и получило дальнейший импульс к развитию в полемике с теоретиками римско-католического лагеря. Вместе с тем и в историографии, порожденной конфессиональными движениями Реформации и Контрреформации, нашли свое развитие такие тенденции, как расширение рациональной аргументации в объяснении взаимосвязи событий и их причин, а также новые подходы к работе с источниками, прежде всего более строгий отбор и критический анализ содержавшейся в них информации.

Античность в историческом сознании и историографии Ренессанса

В ряду черт, характерных для ренессансной и гуманистической исторической продукции, можно указать в первую очередь на возрастание интереса к античности и переоценку значения этой эпохи. Впрочем, следует напомнить, что отношение историков средневековья к античности отнюдь не было однозначным и не ограничивалось осуждением ее как эпохи язычества и мирской гордыни. Память об античности была жива в средневековой культуре, вся система наук и образования основывалась на практиках обучения и интеллектуальных достижениях греческой и римской традиций. Однако античное знание последовательно встраивалось в интеллектуальный контекст христианской теологии и догматики. Представители гуманистического движения, в свою очередь, настаивали на ценности античной культуры как таковой, во всей полноте ее мирского и рационального содержания. Речь идет не только о несравненно более интенсивном, чем в средневековье, проникновении в их сочинения образов и сюжетов античной истории, но и об общей восприимчивости к культурному наследию античности.

Тезис о возрождении гуманистами античной культуры требует вместе с тем значительных оговорок. Античность гуманистов была скорее их собственным представлением об эпохе, которую они считали своим идеалом, нежели аутентичным воссозданием духа классической культуры. В гуманистической культуре не существовало принципиальных различий между историческими персонажами, героями античной истории и современниками.

Вымышленные и реальные персонажи древней истории рассматривались как дидактические образцы, опыт которых может быть не только полезен, но воспроизведен в реальной практике. Подобно средневековому, ренессансное восприятие прошлого было лишено историзма, т. е. отчетливого осознания своеобразия античности как особой эпохи, с собственной системой социальных связей и принципов организации сообщества. Не случайно в исторических сочинениях гуманистического толка авторы злоупотребляли некритическим использованием понятий и терминов античного происхождения применительно к социальным и политическим реалиям собственной эпохи. Антиисторизм ренессансной культуры особенно проявился в сфере изобразительного искусства. Героев античной истории художники представляли как своих современников — в костюмах, интерьерах, архитектурном контексте эпохи Ренессанса.

Воспринимая античную культуру как прямую предшественницу и идеал, достойный подражания, представители ренессансной историографии занимались не столько ее исследованием и достоверным воссозданием, сколько воспроизведением риторических форм и образов античной литературной традиции. Подобная тенденция имела многообразные проявления: подражание языку и манере античных повествований, использование сюжетов и героев античной истории для объяснения современной жизни, прямой пересказ античных исторических сочинений, заимствование теорий и идей античных авторов, касающихся возможных способов организации политической жизни. Обращение к античности сочеталось с различной степенью оригинальности осмысления ее исторического, культурного и политического опыта и его применимости в современной авторам действительности.

Воспроизведение и пересказ античных источников, подражание их стилю, дидактический пафос, столь характерные для многих исторических произведений Ренессанса, проявились уже в ранних историко-литературных сочинениях, принадлежащих перу основоположников и корифеев современной европейской литературы — Петрарки и Боккаччо. **ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА** (1304—1374) представил историю Рима в биографиях ее наиболее значительных политических деятелей. Написанное на латыни произведение **«О знаменитых мужах»** (после 1337) содержит жизнеописания двадцати одного великого римлянина от Ромула до Цезаря и биографии других знаменитых деятелей эпохи античности. Петрарка создавал это сочинение, отбрасывая средневековые вымыслы и опираясь на произведения Тита Ливия. Однако он не просто воспроизводил первоисточник, но редактировал его, руководствуясь задачами морально-дидактического

повествования: герои античности представлены у него в предельно идеализированном свете, они воплощают положительный образ политического деятеля и противопоставляются фигурам итальянской истории XIV в. В отличие от Петрарки, **ДЖОВАННИ БОККАЧЧО** (1313—1375) черпал из античной истории не столько опыт политической мудрости и гражданской доблести, сколько поучительные примеры из обыденной жизни. В сочинении **«О славных женщинах»** (1360—1374) им собраны анекдотические истории, заимствованные у античных авторов, пронизанные морализаторским пафосом, однако лишенные исторической ценности.

Гуманистическая историография, родиной и центром которой была Италия, первоначально носила локальный характер и фиксировала деяния и достижения местных правителей. Общей чертой сочинений было старательное подражание античным авторам (более всего — Титу Ливию), у которых заимствовались риторические схемы повествования об актуальных событиях, равно как и логические модели их истолкования. Например, подобная зависимость от авторитета античных авторов и подражательность характерны для одного из первых и крупнейших представителей гуманистической историографии флорентийского историка **ЛЕОНАРДО БРУНИ** (1370/74—1444), по прозвищу Аретино.

По мнению исследователей, с написанной им **«Истории Флоренции»** в 12 книгах (1439) следует отсчитывать начало нового периода европейской историографии. В этой работе отразилось типичное для исторической продукции новой эпохи пристальное внимание к истории отдельных народов и государств, которое имело своей мотивацией не столько умозрительный интерес к прошлому, сколько решение актуальных политических задач. В XV—XVI вв. прошлое и исторический материал о нем становятся важнейшим аргументом как в реальной политической борьбе, так и в разработке отдельных теорий и программ, описывающих справедливое устройство общества. Характерное для средневековой историографии синкретичное переплетение двух исторических перспектив — универсалистской и узко локальной — постепенно замещается концентрацией интереса на становлении отдельных политических образований: монархий, городов-государств, политических союзов. Леонардо Бруни опирался на исторические сочинения своих средневековых предшественников, но использовал главным образом фактический материал, опуская рассказы о чудесах и сверхъестественные истолкования событий. Как и у подавляющего большинства ренессансных авторов, подобный рационализм был далек от последовательно критического отношения к информации источников. Разделяя реалистические и неправдоподобные сведения, историки этой эпохи не задавались вопросом о степени их достовер-

ности. Подобно средневековым хронистам, историк-гуманист стремился использовать максимально широкий круг предшествовавших сочинений. Проявляя большую свободу и кругозор в их отборе, он вместе с тем сохранял традиционное доверие к авторитетному суждению.

Бруни демонстрирует поразительную зависимость от риторических схем и логических моделей античной историографии, подражая Титу Ливию. Описывая историю политической борьбы во Флоренции, в частности социальный переворот 1293 г., он использует понятийный аппарат римского историка, трактуя его как борьбу патрициев и плебеев, возглавляемых авторитетным и мужественным вождем. Вместе с тем Бруни не интересуют внутренние причины и обстоятельства этого события. В своем повествовании он преследует цели не столько достоверности и глубины истолкования событий, сколько литературной изысканности, занимательности и поучительности. Это проявляется, например, в риторических приемах, — драматизме повествования, обилии вымышленных речей, произносимых историческими персонажами.

С течением времени охват материала и кругозор авторов расширялись, их сочинения становились более историчными, связывали в рамках единого повествования прошлое и настоящее. Гуманисты, как в Италии, так и за ее пределами, создают целую серию «всемирных историй», которые основывались на более полном и беспристрастном отборе материала, чем это было в образцовых для средневековья трудах Иеронима и Орозия. Именно итальянские гуманисты, как правило, по заказу монархов, создавали новые версии национальной истории, в которых они обобщали сведения предшествовавших исторических сочинений и придавали им достойную литературную форму и правдоподобность. Эти труды обычно не содержали сколько-нибудь оригинальных интерпретаций событий или критических оценок исторического материала, однако представляли более увлекательное и рациональное повествование о прошлом, которое могло быть использовано как аргумент в политической и династической стратегии правителей.

Гуманистическая историография отличалась от средневековой социальным и культурным статусом авторов и потенциальной читательской аудиторией. Впервые после краха Западной Римской империи подавляющее большинство создателей исторических трудов были мирянами или лицами, прямо участвовавшими в политической либо административной жизни, не связанными со средой духовенства или монастырскими и церковными учреждениями. Эта социальная принадлежность авторов, а также сознательное желание подражать классическим образцам

привели к тому, что в гуманистической историографии значительное место заняли политические события и истолкование мотивов поведения владык и могущественных особ. Однако «подражание» античным историкам имело питательную среду и во всей специфике социальной и политической жизни Европы XV—XVI вв. Следует помнить, что это была эпоха формирования национальных монархий в Европе и расцвета городов-государств Италии. Процесс сопровождался становлением идеологии светской власти, утверждавшей ее исключительную важность и полезность в обществе и отрицавшей ее подчинение авторитету церкви, т. е. власти духовной. Таким образом, обращение гуманистов к античности, как эпохе гражданской доблести и политического величия, было в значительной степени порождено поиском образов, которые могли бы выразить и подтвердить новые идеалы и устремления.

Актуализация античной истории и риторического опыта античной историографии не была в равной степени присуща отдельным региональным и национальным традициям. В частности, эта тенденция играла незначительную роль в исторических сочинениях и исторической аргументации полемических произведений периода германской Реформации.

Секуляризация исторического сознания и приемы исторической критики

Новым и чрезвычайно важным аспектом ренессансной историографии был разрыв с церковным мировоззрением. Прежде всего, для исторических сочинений этого типа характерен отход от главной для средневековья концепции Божественного провидения и вмешательства Бога в ход человеческой истории, в котором видели основное и конечное объяснение всех исторических событий. Хотя в исторических сочинениях не содержится, как правило, прямой и принципиальной полемики с церковной исторической концепцией, в них игнорируются провиденциалистские интерпретации, а упор делается на рациональное объяснение событий и их взаимосвязи. *История рассматривается как сфера действия людей, а не Бога, и это приводит к общей секуляризации исторического сознания.*

Свидетельством интереса к античности традиционно считается внимание к светским материям и человеческому существованию вне связи с его религиозным истолкованием. Ренессансная традиция снизила значимость религиозной интерпретации событий прошлого, вывела на периферию интерес к фактам чу-

десного и сверхъестественного, вернула к жизни античную традицию интерпретации причин событий с точки зрения их собственного, а не предполагаемого мистического значения. Однако подавляющее большинство деятелей гуманизма не были противниками христианства и религиозного мировоззрения: они скорее игнорировали, чем сознательно отрицали, религиозный смысл человеческих деяний. Одним из главных достижений гуманистической историографии было возвращение античности достойного места в истории, в котором ей отказывали творцы христианской модели исторического развития, начиная с Августина и Орозия.

В произведениях ренессансных авторов вопросы церковной истории, занимавшие центральное место в средневековой историографии, обычно отходят на второй план. История церкви и роль христианства оцениваются, как правило, весьма скептически, а нередко рассматриваются и в качестве фактора социального упадка и регресса. Большое значение, напротив, приобретают проблемы политической истории: становления, упадка, гибели государств, происхождения и истоков отдельных политических образований. Обращение к прошлому становится важнейшим инструментом политической борьбы и аргументом в политических трактатах и государственно-идеологических построениях. В подтверждение собственных идей крупнейшие политические мыслители эпохи Ренессанса используют модели государственного устройства, сформулированные прежде всего в трудах Платона и Аристотеля, а также разработанные античными авторами доказательства преимуществ и недостатков различных форм правления. Не менее важной была и апелляция к конкретным примерам античной истории, представлявшим образцы достойного или негативного поведения в политической жизни. История рассматривается как опыт государственно-политического развития и одновременно как материал для дидактических и теоретических обобщений относительно государственного устройства. Интерес к античным историческим сочинениям, сочетающийся с изучением истории Флоренции и размышлениями о наилучших способах политического управления, характерен для **НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ** (1469—1527) — самого известного политического мыслителя эпохи, стоявшего у истоков политической теории и политического сознания нового времени.

В сфере общего осмысления исторического процесса обнаруживает себя парадоксальность ренессансного исторического сознания, которая определялась как зависимостью от традиционных религиозно-церковных моделей, так и стремлением преодолеть их посредством рациональных схем и истолкований.

В частности, в сочинениях итальянских гуманистов средневековая схема универсальной истории, имеющая библейские истоки, прежде всего концепции сменяющих одна другую мировых империй и последовательного воплощения Божественной воли в истории человечества, замещается иной периодизацией. Так, в рамках концепции четырех империй, последней из которых была Римская империя, доминировало представление о непрерывности исторического развития от античной империи через империю Карла Великого к средневековому государству германских правителей. Таким образом, средневековая традиция, описывавшая социальное и политическое устройство европейского общества в понятиях имперского и религиозного универсализма, находила свое место в ряду прямой и непрерывной преемственности между Римской империей и средневековым христианским миром. *В культуре Ренессанса впервые встречается деление истории на три периода: античный, средневековый и современный.* Введенное итальянскими гуманистами понятие «средний век» (medium aevum) предполагало противопоставление этой эпохи не только современности, но и античности. Последняя представала как период наивысшего развития культуры и общественной жизни. Современность должна была восстановить блистательное прошлое. В этой перспективе средневековье представлялось временем упадка и забвения великих достижений древности. Подобная характеристика «среднего века» как особого периода между античностью и Ренессансом противостояла собственно средневековой оценке места эпохи в исторической перспективе.

Характеристика средневековья как эпохи деградации и упадка заключала в себе потенциал религиозной и церковной критики. Ориентация на рациональную и светскую культуру античности как на абсолютную ценность нередко сопровождалась откровенным осуждением церкви и христианства как факторов разрушения интеллектуальных достижений и гражданских добродетелей античности. Впрочем, критический взгляд деятелей Возрождения и гуманизма на церковь и религию не был принципиальной и последовательно сформулированной позицией: их отношения с церковью и христианством редко приобретали характер открытой полемики, были конформистскими и определялись преимущественно практическими и прагматическими мотивами.

Интерес гуманистической культуры в сфере истории носил преимущественно филологическую направленность. Он выражался в резко возросшей интенсивности поисков новых текстов, прежде всего классической эпохи, а также в деятельности по их изучению и интерпретации. С этим филологическим интересом

к прошлому можно связывать становление традиции отбора, оценки и критики исторических литературных источников.

Одним из первых и наиболее знаменитых примеров аргументированной критики достоверности исторического источника, чей авторитет зиждился на многовековой традиции и церковном признании, является **«Трактат о подложности Константинова дара»**. Его автором был один из самых известных итальянских гуманистов **ЛОРЕНЦО ВАЛЛА** (1407—1457). Это сочинение, написанное в 1440 г., не было опубликовано при жизни автора, поскольку подвергало сомнению одно из главных оснований папской теократии. Вместе с тем оно создано в контексте политического противостояния правившей в Неаполитанском королевстве Арагонской династии и папской курии и должно было стать одним из аргументов в борьбе неаполитанских правителей против притязаний папского престола на право светской власти. Валла подверг критике один из главных документов, обосновывавших права папы на высший авторитет во властной иерархии христианского сообщества и таким образом поставил под сомнение саму концепцию светской власти папства.

Предметом критики Лоренцо Валлы был документ, фиксировавший акт дарения императором Константином папского сана римскому епископу Сильвестру и передачи ему власти над Римом. В грамоте, получившей название «Константинов дар», сообщалось о переносе императором столицы и центра своей власти в восточную часть Империи, в основанный им город — Константинополь. Этот юридический документ был составной частью более пространного легендарного повествования, рассказывающего об обстоятельствах крещения Константина папой Сильвестром, в результате которого император был избавлен от смертельной болезни (проказы) и, по существу, спасен от наказания за грехи. Эта легенда и сама грамота о дарении были признаны Римской церковью в качестве достоверного документа, обосновывавшего права папы на высший авторитет не только в духовной, но и светской сфере. Подлинность документа была подтверждена и в наиболее авторитетных сводах канонического права. Вместе с тем и сама грамота, и легенда о крещении Константина были позднейшими фальсификатами, составленными, видимо, в Риме не ранее VII в. и ставшими одним из элементов системы идеологических подтверждений верховенства папы как в церковных, так и в светских делах.

Сомнения в подлинности «Константинова дара» не были порождением ренессансного рационализма: они неоднократно высказывались и в средневековом обществе, и звучали не только из стана противников папства или конкурентов в притязаниях на властный суверенитет. Вместе с тем этот скептицизм не имел

достаточного веса: во-первых, в силу специфического средневекового отношения к авторитету традиции и истинности — древность документа и вера в справедливость тезиса о полноте власти папы заставляли признавать его подлинным по существу, независимо от реального времени происхождения; во-вторых, противниками подлинности «Константинова дара» не было выдвинуто убедительных и систематических доказательств.

Лоренцо Валла не только подверг документ всесторонней критике и привел убедительные доказательства его недостоверности, но и осуществил первый опыт критического анализа исторического источника, сколь бы наивными и литературно-спекулятивными ни казались его приемы с точки зрения современной науки. В целом аргументы Валлы могут быть разделены на три части. Первая — это морально-религиозные и политико-правовые спекуляции, формально обосновывающие невозможность для духовного главы обладать светской властью, равно как и неправомочность передачи императором власти другому лицу. Вторая — историческая критика фактической стороны событий, в частности недостоверности крещения Константина папой Сильвестром и самого акта «дарения» последнему власти над Римом. Третья — лингвистический и литературный анализ текста, доказывающий прямое несоответствие терминологии и стиля документа нормам классической латыни, использовавшейся в период, когда якобы был составлен документ. Именно литературный анализ — самая сильная сторона труда Лоренцо Валлы с точки зрения современной науки. Он вполне укладывается в рамки методологии критического исследования источников. Впрочем, сочинение историка-гуманиста далеко отстоит от современных историографических стандартов: аргументация, риторика и повествовательные приемы характеризуют его труд скорее как литературное, дидактическое и полемическое произведение, нежели как объективное и беспристрастное исследование.

Работа Валлы была не единственным и, возможно, не самым оригинальным примером критического анализа источника. Попытки подобного подхода можно обнаружить во многих произведениях гуманистической и реформационной историографии, однако они так и не приобрели качеств систематической и последовательной практики. Ряд новых приемов в работу по изучению истории был внесен группой ученых знатоков прошлого, получивших название *эрудитов*. Усилия увлеченных, кропотливых и педантичных собирателей свидетельств о прошлом внесли не меньший вклад в обновление средневековой парадигмы труда историка, нежели сочинения их более популярных и блистательных коллег — историков литературно-риторического направления. Историки-эрудиты сделали актуальной для до-

стоверного отображения прошлого задачу максимально полного сбора исторических свидетельств и верификации их подлинности, хотя и не разработали сколько-нибудь совершенных приемов и методов подобной работы.

Было бы неверно переоценивать роль гуманистического знания в процессе превращения эмпирической и религиозной историографии средневековья в критическую и научную. Гуманисты главным образом способствовали совершенствованию литературной стороны историописания и произвели перестановку акцентов в оценке исторического процесса, переместив их с сакрального на мирское, с истории христианства на историю античности. Подобно их античным и средневековым предшественникам, они не проводили строгой границы между историей и литературным трудом, равным образом не считали историю наукой или особой отраслью знания.

Более того, гуманистическая историография не отвергла веру средневековых историков в чудесное и их интерес к любым сведениям авторитетных свидетельств — она всего лишь заменила это не менее доверчивым отношением к преданиям и баснословным свидетельствам античных текстов. Гуманисты в не меньшей степени, чем средневековые историки, видели в прошлом примеры поучительного поведения, заменив только личности героев. Для средневековых хронистов такими образцовыми персонажами прошлого были деятели церкви, святые, подвижники веры, образцовые христианские монархи, а для гуманистов — правители городов или европейские монархи, деяния и достижения которых в сфере управления они прославляли с энтузиазмом и преувеличениями. В сфере общего понимания истории, истолкования ее смысла, причин и факторов развития общества, т. е. того, что можно определить как сферу идей и концепций, гуманизм был гораздо менее оригинален и глубок, чем позднеантичная и средневековая концепции истории.

Подлинно новаторскими стали идеи крупнейших представителей ренессансного историзма Франческо Патрици и Жана Бодена, живших в переломную эпоху западноевропейской истории, в период коренных изменений во всех сферах общественной жизни, давших толчок становлению нового исторического сознания.

Французский юрист, сторонник абсолютной монархии **ЖАН БОДЕН** (1530—1596) отводил истории функцию сбора и упорядочения материала для создания универсальной системы юриспруденции. Согласно Бодену, изучение всемирной истории дает возможность сделать точные заключения относительно управляющих человеческим обществом законов, которые должны служить основой для учреждения в данных условиях лучшей фор-

мы правления. Значительно опережая свою эпоху, Боден понимал историю как науку, обладающую собственными методами познания.

Важнейшей задачей историка Боден считал установление подлинности исторического факта, который он сравнивал с фактом природы и рассматривал как объективное и достоверное свидетельство о событии. Он подчеркивал трудность отбора фактов, придерживался принципов сравнительного критического анализа источников, ставил под сомнение право историка давать оценку людям и событиям прошлого. Боден определял предмет истории как деятельность людей, обусловленную свободной волей, жизненными потребностями, естественной природой человека и средой его обитания.

В трактатах **«Метод легкого познания истории»** (1566) и **«Шесть книг о государстве»** (1576) Боден, как и Макиавелли, отстаивал мысль о наличии в истории внутренних объективных закономерностей. В частности, он считал, что условия географической среды определяют психический склад народа и его историческую судьбу. Вместе с тем негативное влияние географического фактора могло быть скорректировано разумными законами и основанным на них государством. Бодену принадлежит и идея о прогрессе в истории, происходящем в результате развития наук, промышленности и торговли, географических открытий, совершенствования искусств и т. д.

Философ-гуманист **ФРАНЧЕСКО ПАТРИЦИ** (1529—1597) опубликовал свое сочинение **«Десять диалогов об истории»** в 1572 г. В отличие от историков риторической школы, Патрици считал, что история — вовсе не собрание конкретных примеров, иллюстрирующих предписания морали; цель истории — познание истины. Кроме того, историописание удовлетворяет важную потребность общества в самоопределении. Хотя Патрици писал, что главная задача историка — показать, как обстояло дело в действительности, он сомневался в возможности достижения полной истины прежде всего потому, что многое остается для историка недоступным (подоплека событий, скрытые мотивы), поскольку он наблюдает события с определенной точки зрения.

Патрици противопоставлял философию и историю, видя в последней науку, опирающуюся на факты. Предметом истории для него была вся действительность, а сама история понималась не как повествование, а как воспоминание, документированное отражение этой действительности. Историк, исследуя прошлое, должен был основываться на сообщениях очевидцев; если он писал о своем времени, то ему следовало держаться в стороне от враждующих партий.

Византийская историография

Становление византийской историографии было связано с прямым продолжением традиции античного историописания. Вместе с тем сама традиция в позднеримский и ранневизантийский период (IV—VII вв.) претерпела значительные трансформации в сравнении с временем классической античности. Параллельно с бытованием античной исторической традиции происходило формирование нового направления историописания — **христианской церковной истории**. Эти две традиции первоначально существовали независимо одна от другой, причем специфика отдельных сочинений, т. е. принадлежность их к жанрам светской или церковной историографии соответственно, не была прямо обусловлена религиозными пристрастиями и мировоззрением авторов. В дальнейшем сохранение навыков античной литературно-риторической практики и приемов исторического труда наложилось на идеологические модели христианской теологии и церковной истории.

Первые столетия византийской истории были отмечены переплетением разнообразных факторов, повлиявших на культурную ситуацию в целом. В ряду этих факторов следует отметить конфессиональное многообразие, а именно сохранение наряду с христианством традиционных языческих религиозных верований, приверженцы которых были весьма многочисленны в среде социальной и интеллектуальной элиты. Превращение христианства в господствующую, а позднее и монопольную мировоззренческую и идеологическую систему предопределялось политикой имперских властей, придавших ему после эдикта 313 г. статус официальной, а затем и государственной религии. Однако этот процесс не был одномоментным.

Особенности культурного развития Византии, в том числе и в сфере исторического сознания, определялись тем, что в отличие от западных провинций Римской империи она не прошла через коренной слом политического устройства и крушение всей системы социальной организации. Влияние варварских народов на формирование византийской культуры и ее институтов было незначительным, да и вообще на протяжении всей своей истории византийское общество оставалось в высшей степени закрытым и маловосприимчивым к влияниям извне. Примечательно, что сама Византия оказала существенное влияние на развитие культур и народов, находившихся с ней в отношениях политического и культурного взаимодействия. В первую

очередь речь идет о членах так называемого Византийского сообщества — странах, принявших христианство константинопольского образца, в число которых входила и Древняя Русь, и усвоивших ряд византийских культурных моделей и форм. Кроме того, значительное влияние византийской традиции, выступавшей в роли сокровищницы аутентичного античного знания, испытали и развивавшиеся параллельно культуры латинской Европы и исламского Востока.

Византийская культура во многом была прямым продолжением культуры античной — римской, греческой, эллинистической. Вместе с тем ее содержание и своеобразие определялись прежде всего влиянием христианства, ставшего мировоззренческой и идеологической парадигмой византийского общества. Представления о мире и людях облекались в образы, клише и понятия, почерпнутые из Библии и авторитетных религиозных сочинений, принадлежавших Отцам Церкви. Христианство оказало значительное влияние и на истолкование смысла исторических событий. Рациональное объяснение взаимосвязи явлений прошлого и мотивов человеческого поведения было потеснено историко-теологическим пониманием Божественного провидения как высшей и изначальной причины любой социальной реальности. Кроме того, христианство принесло и существенное изменение всей системы этических представлений: античный идеал мудрости, гражданских добродетелей и личной доблести был замещен христианской моделью религиозного подвижничества, основой которого были благочестие, смирение и стремление к личному спасению.

Характерной чертой византийской культуры был ***традиционализм***. Он выражался, в частности, в глубокой убежденности, что власть императора и само государство являются прямым продолжением Римской империи, а византийская ученая культура прямо наследует античной учености. Источником истинного знания считались ученая традиция и авторитетные сочинения, в то время как непосредственный опыт воспринимался лишь в качестве способа познания отдельных внешних и частных явлений. В развитии византийской культуры, как правило, выделяется несколько периодов. Первый (IV — первая половина VII в.) характеризуется как время перехода от собственно античной культуры к византийской; второй (середина VII—XII в.) — это эпоха становления и расцвета византийской культуры как особого типа; третий (XIII — середина XV в.) завершает историю Византии и связанную с ней культурную традицию. Развитие Византийской историографии в целом укладывается в рамки этой периодизации.

Начальный период византийской историографии характеризуется устойчивым сохранением традиций античных по-

вествований об истории. Приверженность им проявляется вне зависимости от религиозной принадлежности авторов. Влияние христианской теологической концепции истории, разработанной ранними христианскими теологами и церковными историками, отсутствует не только в сочинениях историков-язычников, приверженцев традиционной римской религии, но и у авторов-христиан. Крупнейшие византийские историки IV—VI вв., такие как Аммиан Марцеллин или Прокопий Кесарийский, рассматривают историю как результат человеческих усилий, видят в действиях людей отражение моральных добродетелей или пороков. В центре их повествований стоят фигуры правителей, политические акции которых становятся смысловым и сюжетным стержнем истории Римской империи. Современность оценивается историками в контексте представлений о величии и могуществе Империи, а смысл собственно политических действий описывается и оценивается в категориях моральных добродетелей и грехов. Доминирующие черты византийской историографии этого периода — исключительное внимание к светским и политическим событиям, наследию Римской империи, моральная риторика и дидактический пафос исторических сочинений, наконец, забота о литературной выразительности и драматизме повествования — делают ее прямым продолжением античной традиции. Не случайно Аммиана Марцеллина именуют одновременно последним античным и первым византийским историком.

Аммиан не был единственным апологетом древних римских традиций и языческого прошлого. Однако изображение исторических событий с точки зрения идеалов наследственной сенаторской аристократии, защита гражданских доблестей и моральных ценностей Древнего Рима были связаны не только с языческой оппозицией христианству, которое приобрело статус господствующей религии. Скептическая оценка современного состояния государства и его правителей, рассмотренных в перспективе сопоставления с идеализированным образом прошлого, была характерна и для христианских историков.

Если творчество Аммиана Марцеллина и ряда менее значительных историков-язычников скорее завершает античную историографическую традицию, то сочинения светских историков VI в. уже принадлежат собственно византийской историографии.

Крупнейшим историком этой эпохи признают **ПРОКОПИЯ КЕСАРИЙСКОГО** (500 — после 565), сирийского грека, получившего прекрасное светское образование и преуспевшего на дипломатической и политической службе при константинопольском дворе. Очевидец многих важнейших событий, хорошо знавший подоплеку византийской политики, Прокопий оставил ряд исто-

рических сочинений, посвященных периоду правления императора Юстиниана. Два из них — **«История войн Юстиниана с персами, вандалами и готами»** (553) и **«О постройках Юстиниана»** (553—555) — носят официальный характер, подчинены прославлению императора, его военных акций и политической деятельности. Однако наиболее важным и поразительным произведением Прокопия считают **«Тайную историю»** (ок. 550), где автор излагает иной взгляд на состояние Империи, облик ее правителей и политической элиты. Прокопий подвергает Юстиниана и его окружение критике и резкому моральному осуждению, изображая его правление как тиранию, а результаты его политики считает вредными и губительными для государства. Подобно Аммиану, Прокопий не отделяет собственно политическую характеристику деяний правителей империи от их моральной оценки. Более того, морально-этические аспекты являются определяющими для всех сторон общественной и политической жизни: отрицательная характеристика Юстиниана и пессимистический взгляд на реальное состояние дел и перспективы государства прямо вытекают из упадка нравов и морального разложения правящей элиты во главе с императором. Пессимистическое и даже катастрофическое мироощущение Прокопия подчеркивается тем, что наблюдаемое им состояние общества он описывает в резком противопоставлении славному прошлому, идеализированному образу великого Рима.

Как у Аммиана Марцеллина, так и у Прокопия образ Империи приобретает значение важнейшей категории, становится своего рода парадигмой исторического и политического сознания. Смысл этой категории определяется ими через ностальгическое обращение к идеализированному прошлому: они апеллируют к традиционным ценностям и нормам социальной и политической жизни, считая отступление от последних причиной бедствий и неизбежной гибели государства. Они не просто канонизируют великое прошлое, но, в сущности, мифологизируют и сам феномен империи как единственно возможной формы исторического и политического существования. Изменение пессимистического взгляда на судьбу Империи принесет с собой традиция церковной историографии, в которой концепт священного государства соединится с идеей его религиозного предназначения — защищать христианство и воплощать земной образ божественного мироустройства.

Живая и прочная связь с традициями античной историографии характерна и для младших современников Прокопия — историка и поэта **АГАФИЯ МИРИНЕЙСКОГО** (ок. 536 — ок. 582) и **ФЕОФИЛАКТА СИМОКАТТА** (конец VI — первая половина VII в.). Преемственность творчества этих авторов античной традиции

написания истории проявляется во многих аспектах: социальных, концептуальных, литературно-стилистических. По своему происхождению они были связаны с кругами традиционной провинциальной аристократии, получили блестящее светское образование, включавшее обучение риторике и праву, по роду профессиональной деятельности были связаны с политической и интеллектуальной элитой Константинополя. Мировоззрение историков определялось концептуальными построениями античной философии: это отражалось как в представлениях о времени, судьбе, культуре и варварстве, так и в совокупности моральных и этических категорий, которыми они пользовались для оценки общества и отдельных персонажей. Используемые ими приемы написания исторических сочинений основываются на традициях античной рациональности, проявляющейся как в логике, так и в риторике литературного дискурса. Выстраивая свои повествования, они следуют принципу установления причинно-следственных связей между отдельными событиями, объяснение смысла тех или иных действий или происшествий ищут в земных явлениях (целях, устремлениях, выгоде, моральных установках), а не во влиянии каких-либо сверхъестественных сил. Труд историка они воспринимают как разновидность литературной деятельности, своеобразие которой определяется задачами дидактического характера, с одной стороны, и целью сообщить достоверную правду о прошлом — с другой. Не случайно сочинения ранневизантийских историков сочетают интенсивную моральную риторику с широким использованием выразительных приемов собственно литературного характера. Это пристрастие к созданию портретов исторических персонажей, драматизм повествования, обилие вымышленных посланий и прямой речи. Агафий и Феофилакт придерживаются принципа авторского труда: описывают главным образом те события, современниками, свидетелями и участниками которых они были, не скрывают собственных оценок и личного отношения к излагаемому. К концу этого периода все более очевидным становится влияние христианства, прежде всего в сфере моральных и этических приоритетов и в оценке предназначения государственной власти, что наиболее явно отразилось в «Истории» Феофилакта Симокатты.

Традиция светской историографии не была единственной в этот период: параллельно с ней формируется церковная христианская историография, оперирующая библейскими и теологическими моделями описания исторического процесса. Расширение влияния христианства и церкви в идеологической и социальной жизни вызвало появление новых исторических жанров: к их числу относятся **церковная история** и **всемирная**

хроника. После того как христианство стало официальной, а затем и государственной религией Империи, а церковь заняла свое место в структуре административных и политических институтов, актуальной становится задача создания исторических произведений, основанных на христианской исторической мифологии и догматике. Как говорилось выше, создателями целостной христианской концепции истории были Аврелий Августин и Евсевий Кесарийский. «Церковная история» последнего сыграла важнейшую роль в развитии византийской историографии.

Сочинение Евсевия Кесарийского стало первым опытом написания истории христианской церкви как органической части универсального исторического процесса. Исследователи отмечают, что сочинение Евсевия покоится на двух религиозных и философско-мировоззренческих традициях: ближневосточно-библейской и неоплатонической. В отличие от Августина, Евсевий Кесарийский воспринимает историю человечества как процесс последовательного совершенствования, объясняя реальное воплощение христианства в земной жизни его признанием имперскими властями. Религиозное просвещение, следование истинной вере и возможность спасения он связывал с тесным сотрудничеством церкви и государства — подобное единство сакрально-религиозного и политического порядков, определяемое как «симфония», стало одним из фундаментальных понятий византийской имперской идеологии и религиозной мысли. Если историко-религиозная концепция Августина основывалась на решительном разделении земного государства и мистического сообщества избранных, а путь к спасению лежал вне и над рамками политических образований и мог определяться только духовным руководством церкви, то византийская доктрина видела в христианском государстве земной образ божественного порядка и праведного устройства жизни. Священная империя, возглавляемая константинопольским государем, осознавалась не только как единственно возможная форма земного существования христианского сообщества, но и как прямое воплощение религиозного миропорядка.

Труд Евсевия Кесарийского послужил толчком к развитию жанров церковной истории и всемирной хроники. Церковные истории создавались как в рамках официальной церкви, так и представителями религиозных христианских течений, отклонявшихся от ортодоксии. В IV—VI вв., ставших эпохой выработки официальной доктрины, идеологическая борьба в церковной среде приобрела характер интенсивной полемики. Приверженцы учений, признанных еретическими, таких, как арианство и монофиситство, защищали свою правоту не только в доктри-

нальных спорах, но и с помощью исторических сочинений. Жанр всемирной хроники получил широкое распространение в Византии и был воспринят в качестве историографической парадигмы в некоторых регионах византийского культурного влияния. Идеологически он основывался на представлении об истории человечества как целостном и универсальном процессе, начавшемся с момента Творения, центральным событием которого было воплощение Бога и принятие христианства народами. Изложение строилось строго в соответствии с хронологическим принципом и доводилось до современных хронисту событий. В сущности, всемирные хроники представляли собой более или менее примитивные компиляции библейских сведений и сообщений, почерпнутых из античных авторов. Целостность исторического процесса определялась не реальным установлением взаимосвязи событий и явлений, но их механическим объединением в едином повествовательном и временно́м ряду, а также декларацией основополагающих историко-религиозных идей. К тому же хроники играли роль своего рода просветительского дайджеста, призванного сохранить определенный набор исторических сведений и донести до читателя основы христианского вероучения. Одной из первых и наиболее популярных за пределами Византии стала хроника **ИОАННА МАЛАЛЫ** (VI в.). В сопоставлении с историографией светского направления хроники имеют упрощенные интеллектуальную и риторическую структуры, кроме того, они оказались в значительной степени открыты для влияния простонародной и массовой культуры.

Второй этап в развитии византийской историографии приходится на VII—XII вв. В этот период практически прекращается создание исторических сочинений светского характера, написанных образованными мирянами и отмеченных выраженной авторской позицией. Основным жанром становится **всемирно-историческая хроника**, ориентирующаяся на библейскую модель истории человечества, начиная с сотворения мира. С этого времени историческое сознание византийских авторов подчиняется системе общих мировоззренческих и исторических представлений, сформированных христианством. Большая часть исторической продукции создается в церковной и монашеской среде. Хроники этого времени компилятивны и, как правило, охватывают обширные исторические периоды. Хронисты по существу игнорируют задачу установления взаимосвязи событий и оценки степени их значимости. Они широко используют всевозможные легенды и баснословные рассказы, не отделяя их от достоверных сведений. Стилистически сочинения этого периода просты и далеко отходят от стандартов классической риторики. В них отразились бурные события, всколыхнувшие

церковную и религиозную жизнь Византии, прежде всего борьба против иконопочитания. Приверженность или негативное отношение авторов к практике почитания икон отражались во многих произведениях, придавая хроникам смысл полемического и политически ангажированного сочинения. Кроме того, хроники оставались открыты для выражения взглядов различных церковных сообществ: монашества, провинциального духовенства, константинопольской патриархии.

В X в. происходит подъем временно подавленной традиции античной образованности и интеллектуальной культуры, что приводит уже в XI в. к возрождению университета в Константинополе, ставшего общеимперским центром светского образования. В дальнейшем высшие школы появляются и в других крупных городах Византии. Интерес к античности приобретает вполне очевидный и даже обостренный характер. Ведущими культурными тенденциями этого периода становятся преимущественно компилятивное использование античных произведений и соединение, нередко искусственное, элементов античного мировоззрения с идеологией христианства. В IX—X вв. создаются обширные компиляции, призванные сохранить и систематизировать литературную продукцию предшествовавшего периода. В **«Мириобиблионе»** («Множестве книг») собраны фрагменты нескольких сотен произведений как античных, так и ранневизантийских авторов. Создателем этой грандиозной компиляции был патриарх **ФОТИЙ** (IX в.), стремившийся сохранить тексты в интеллектуальном обращении и образовательной системе. Тенденция кодифицировать и обобщить сведения, накопленные предыдущей традицией, характерны и для энциклопедических сочинений императора **КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНОГО** (913—959), сочетающих исторические, этнографические и политико-идеологические сведения.

В XI—XII вв. византийская историография переживает подъем, что выражается в появлении ряда выдающихся авторов и создании значительного числа ярких произведений, выходящих за рамки канона всемирно-исторической хроники. Наиболее заметным явлением, свидетельствовавшим о возобновлении светской исторической традиции, стали произведения историко-мемуарного характера, оттеснившие на задний план всемирные хроники и иные церковно-исторические сочинения (прежде всего жития).

Один из наиболее заметных памятников исторической мысли эпохи — **«Хронография»** (ок. 1078) **МИХАИЛА ПСЕЛЛА** (1018 — ок. 1096), посвященная столетнему периоду византийской истории (976—1077). Пселл, известный знаток и ценитель античной философской и литературной культуры, в полной мере воспро-

изводит ее стилистические и риторические приемы: он создает многочисленные портреты императоров, правлению которых посвящено его сочинение, и людей из их окружения; автор субъективен и пристрастен в своих оценках, не боится морализаторства и назидательных заключений. Пселл, подобно значительному числу своих предшественников и последующих историков, сочетал занятия наукой, риторикой, политикой, что отразилось и в его «Хронографии».

В XI—XII вв. возобновляется и жанр историй, в которых основное внимание уделяется событиям, очевидцем которых был их создатель, авторской оценке персонажей и явлений. Примечательным и выдающимся примером этого типа произведений является **«Алексиада»** (ок. 1148) **АННЫ КОМНИНОЙ** (1083 — ок. 1155), посвященная прославлению образа и деятельности ее отца — императора Алексея I Комнина. Завершение этого периода, отмеченного интересом к античным образцам и подражанием им, связано с завоеванием Константинополя крестоносцами (1204), на несколько десятилетий (до 1261 г.) прервавшим политическую самостоятельность Империи и последовательное развитие византийской культуры.

Третий, завершающий период византийской истории (до 1453) отмечен развитием предшествующих тенденций, однако не породил новых оригинальных явлений. В целом историографическая продукция отражает сосуществование двух достаточно обособленных традиций: светской и церковной. Представители первой принадлежат к кругу эрудитов и приверженцев классической образованности, сочетающих в своем творчестве занятия различными видами литературной и интеллектуальной деятельности. В их сочинениях, например в **«Ромейской истории» НИКИФОРА ГРИГОРЫ** (ок. 1295 — ок. 1360), отразились весьма напряженные отношения с ортодоксальным духовенством и между отдельными кружками византийских интеллектуалов. Особую остроту конфликт церковной и гуманистически-рациональной среды приобрел в процессе развития исихазма и его утверждения в качестве религиозно-мистического учения, совместимого с церковной доктриной. Вместе с тем в течение XIV—XV вв. складываются и приобретают достаточно устойчивый характер связи византийских эрудитов с деятелями итальянского Возрождения, которые черпали в византийской ученой традиции утерянные или забытые Западом знания об античной, прежде всего греческой, культуре. Последним аккордом византийской историографии стало создание ряда сочинений, посвященных истории завоевания Константинополя турками и падению Империи.

Древнерусские исторические сочинения (XI—XVII вв.)

Практика создания исторических сочинений была следствием принятия христианства и вписывается в контекст зарождения и последующего развития древнерусской письменной культуры. Вероятно, до этого существовала традиция сохранения памяти о прошлом в виде устных преданий, которые затем вошли в состав древнейших письменных сочинений. Основным типом древнерусских исторических произведений вплоть до середины XVI в. были **летописи**. Наряду с ними имели хождение и переводные исторические сочинения византийского происхождения — **хронографы**, которые не только были источником сведений для летописцев, но и послужили примером для собственных русских хронографов, ставших наиболее популярными в XVII в. Помимо летописей и хронографов, к группе исторических могут быть причислены, так же как и в средневековой Европе, сочинения иных жанров, сохранявших сведения об отдельных событиях или людях, — жития святых, повествования о князьях, сказания о битвах. Значительное число этих сочинений, созданных, видимо, в качестве самостоятельных памятников, включалось в состав летописей.

Летописание велось в русских землях с XI по XVIII в. и представляло собой погодные записи об отдельных событиях. Эти записи были, как правило, краткими, ограничивались формальной фиксацией произошедшего. Пространные нарративные фрагменты, посвященные отдельным лицам или излагавшие ход событий, были обычно результатом прямого или переработанного включения в состав летописи отдельных литературных повестей или сказаний. Дошедшие до наших дней рукописи не отражают исходного содержания отдельных летописей: они представляют собой летописные своды, составлением которых занимались авторы, продолжавшие их новыми записями. Понятие «летописный свод» адекватно определяет специфику работы древнерусских авторов. Свою деятельность они мыслили не как отдельную задачу письменной фиксации памяти о тех или иных событиях, но как продолжение труда, начатого их предшественниками. Вместе с тем материал предшественников зачастую не заимствовался механически, но подвергался редактированию — сокращению или, напротив, дополнению сведениями из иных источников. В качестве последних могли выступать не только другие летописные своды и хронографы, но и повествовательные или официальные памятники. Летописи составлялись и при дворах

князей, и в церковных учреждениях — монастырях, митрополичьей канцелярии. Составление летописей, насколько об этом позволяет судить их содержание, было не частной инициативой, но своего рода заказом со стороны церковной или политической элиты. Летописи нередко противоречили друг другу как в изложении фактического содержания, так и в оценке отдельных событий, что, вероятно, отражает позицию заказчиков.

Несмотря на наличие обширной исследовательской литературы, посвященной русскому летописанию, нерешенным остается ряд принципиальных вопросов относительно его происхождения, природы и социальных функций. Исследователи отмечают такие существенные признаки летописей, как жанровая неоднородность (гетерогенность), типичная для древнерусской литературы в целом, многообразие функций и литературная универсальность. Летописцы, включая в состав своих сочинений произведения самых разных типов (жития, проповеди, исторические повести, дипломатические документы), не делали различия между летописанием (сухими погодными записями) в собственном смысле слова и иными типами литературной продукции. Летописи, по существу, становились литературными сборниками, которые могли произвольно расширяться и дополняться за счет текстов или устных преданий, доступных отдельным авторам или редакторам. Не случайно летописание называют основным и наиболее универсальным типом древнерусской литературы.

Летописи воспринимались как универсальные, всеохватывающие произведения, видимо, и самими авторами. Каждый летописец выступал лишь в роли продолжателя и редактора предшествовавшего сочинения. Записывая сведения о событиях и персонажах, представлявших локальный интерес, т. е. связанных с определенной территорией, церковной институцией или княжеским домом, летописцы неизменно вписывали их в контекст предшествовавшей «истории». Переделки ранних произведений, зачастую весьма значительные и тенденциозные, не выходили за рамки признания абсолютного авторитета традиции и не претендовали на создание отдельного сочинения, особого по своей тематике и взгляду на прошлое. В этом заключалось принципиальное отличие древнерусского летописания от античной или современных ему византийской и европейской практик историописания. В этих историографических традициях существовала, реализуясь в разных формах и с разной степенью осознанности, модель авторского исторического сочинения, в котором использование трудов предшественников и порой весьма высокая степень зависимости от них не препятствовали созданию собственной версии прошлого и интерпретации его связей с настоящим.

Древнерусский летописец, напротив, всегда был лишь анонимным продолжателем предшественников, вносившим свой вклад в создание одного единственно возможного, универсального по смыслу и содержанию исторического текста.

По своим функциям древнерусское летописание далеко выходило за пределы прагматической задачи создания правдивого рассказа о прошлом и достоверной фиксации настоящего. Эта задача истории, осознанная античной традицией, подчиняла себе иные функции — моральные, дидактические, занимательные. Как говорилось выше, подобный взгляд на написание истории как на создание особого типа литературной продукции был воспринят и латинской Европой. Это позволяло более или менее точно соблюдать жанровые границы исторических сочинений и не смешивать их с произведениями религиозно-назидательного или литературно-занимательного типа, равно как и с официальными документами. Иную картину представляет собой система функций древнерусского летописания. Правдивое повествование о прошлом синкретически переплетается в нем с функциями религиозного, дидактического и прагматического характера.

Исторические сочинения, включая и компиляции, созданные на основе переводных византийских хроник, рассматривались как вероучительные. Они содержали очерк основных событий библейской истории, вводя читателя в проблематику эсхатологического процесса — движения человечества от дней Творения к Страшному суду. Начиная с первой русской летописи, получившей название **«Повесть временны́х лет»** (начало XII в.), в практику историописания вошло предварять повествование о реальных событиях кратким изложением библейской истории. Эти очерки ставили в общий ряд события, описанные в Ветхом и Новом Завете, с теми, что имели отношение к местной истории. История русских земель являлась, таким образом, продолжением и органической частью Священной истории, смысл которой заключался в создании образов народов, избранных или отвергнутых Богом. Идея избранного народа — инструмента и объекта Божественного провидения и всемогущества — стала центральной для историко-религиозной идентификации Руси в древней литературе. Характеристика «Русской земли» и «народа русского» как избранных была сформулирована уже в первых оригинальных памятниках домонгольского периода (вторая половина XI — начало XII в.) — **«Слове о законе и благодати»** митрополита Илариона, **житиях Бориса и Глеба**, «Повести временных лет».

В отличие от укоренившейся в латинской Европе практики последовательного различения собственно исторического, религиозно-мистического и морального смыслов библейской истории, древнерусская летописная традиция не фиксировала подоб-

ных смысловых расхождений. Любое событие библейской истории было для нее сакральным актом, сходство с которым придавало священный смысл актуальным событиям отечественной истории. Для русских летописей характерен поразительный буквализм в уподоблении реальных персонажей или отдельных происшествий национальной истории библейским, главным образом ветхозаветным, героям и событиям. Прямые и косвенные цитаты из Библии или текстов, посвященных ее толкованию, нередко замещали непосредственное изображение реальных событий. Последние воспринимались в качестве буквального воспроизведения библейских прототипов, что свидетельствует о мифологической парадигме исторического сознания древнерусской ученой традиции.

В связи со спецификой древнерусского летописания возникает вопрос о его происхождении, то есть о генетических связях с какой-либо предшествовавшей традицией, непосредственным продолжением которой оно и стало.

Едва ли летописание имело своим источником византийскую историографию, отдельные памятники которой были переведены в Болгарии на церковно-славянский язык еще до становления древнерусской литературы и попали в Киевскую Русь в составе комплекса религиозных и литературных текстов. Возможно, что перевод некоторых византийских исторических сочинений был выполнен уже в XI в. на Руси. Эти произведения имели главным образом форму компиляций, излагавших всемирную историю. Возникновение летописей связано со становлением древнерусской письменной и литературной традиции, начало которой было положено переводами византийских памятников. Черпая сведения из хронографов, летописи не были прямым продолжением данной традиции, о чем свидетельствует длительное параллельное существование этих типов исторических сочинений. Упадок летописания, связанный с завершением в конце XVI в. практики исторических записей, совпал с превращением хронографов в основную форму исторических сочинений.

Истоки русского летописания следует искать, скорее всего, в местной письменной традиции. Таковой, с одной стороны, могла быть практика сухих деловых записей, практиковавшихся церковными институциями — монастырями и епископскими кафедрами. С другой стороны, летописание могло развиться в продолжение традиции составления монотематических повествований о начальных событиях русской истории. В частности, высказывались предположения, что первая русская летопись возникла на основании подобного сказания (созданного в первой половине XI в.), которое условно называют то **«Древнейшим сводом»** (А. А. Шахматов), то **«Повестью о начале Русской земли»** (М. Н. Ти-

хомиров), то **«Сказанием о первоначальном распространении христианства на Руси»** (Д. С. Лихачев). Этот древний рассказ интерпретируется либо как запись устных преданий о возникновении Киева и первых русских князьях, либо как целостное повествование о введении христианства, ядро которого составляют рассказы о первых христианских князьях, от Ольги до Ярослава. Гипотеза о таком изначальном повествовательном ядре не объясняет механизмов формирования на его основе летописания как особой формы фиксации исторической памяти.

В истории летописания можно выделить несколько периодов. Первый из них — период киевского летописания — был связан с составлением первой летописи в Киеве в конце XI в., переработанной в начале XII в. в первое устойчивое летописное сочинение — «Повесть временных лет», которым начинается большинство дошедших до нас сводов. Второй период начинается во второй половине XII в., когда происходит становление местного летописания, связанного с отдельными городами и землями Киевской Руси. Составлявшиеся тогда летописи отличались повышенным интересом к событиям и персонажам местного значения, чем определяется специфика, полнота и достоверность содержащейся в них информации. Вместе с тем они сохраняли характер общерусского летописания, поскольку местная история не осознавалась в них в своей собственной специфике и не была обособлена по отношению к прошлому и настоящему всего древнерусского культурного и политического пространства. Точно так же, как Киевская Русь, распадаясь на бесчисленное множество отдельных политических образований, была плохо структурирована как совокупность отдельных политических единиц и продолжала осознавать себя как органическое единство, русское летописание мыслило себя только в системе единой и общей исторической памяти. Третий период отмечен усилением великокняжеской власти в Москве и началом формирования московского политического и государственного мира, что привело к превращению московского летописания в официальное повествование о русской истории. Москва и ее правители изображались прямыми преемниками киевских князей, а созданное ими государство — органическим продолжением древней Киевской Руси. Важнейшими памятниками официальной истории Московского царства являются созданные при Иване Грозном многотомный летописный «Лицевой свод» и «Степенна́я книга» — династическая история московских правителей, возводимая к первым киевским князьям.

Монументальным произведением московской и общерусской летописной традиции стал **«Лицевой свод»**, созданный в 1568—1576 гг. по повелению Ивана Грозного. Он представлял собой

грандиозную компиляцию, содержавшую рассказ о всеобщей истории от Сотворения мира до XV в. и изложение истории русской от ее начала до времени правления Ивана Грозного. «Лицевой свод» вобрал в себя (в извлечениях или в буквальном воспроизведении) важнейшие бытовавшие на Руси переводные исторические сочинения (от исторических книг Библии до многочисленных хронографов), механически соединив их в последовательном развертывании исторической картины с материалами русских летописей. Осознание истории как источника укрепления власти — инструмента политической и государственной идеологии — отразилось в факте прямого участия Ивана Грозного в редактировании повествования о его царствовании.

«Лицевой свод» фактически подвел черту под историей общерусского летописания, которое уступило место хронографам и продолжило свое угасающее существование в форме местного провинциального летописания.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Просветители смотрели на историческое сочинение прежде всего как на упражнение свободного разума в критике власти, политических установлений или предрассудков. Изменилось представление и о роли историка. Отныне его задача заключалась в том, чтобы предлагать интерпретации, основанные на свободном применении разума, отважно сеять антитрадиционалистские, крамольные, а порой и реформаторские идеи, подкрепленные убеждением, что настоящее познается лишь в историческом континиуме.

Гвидо Аббаттиста

Научная революция и историческое знание XVII в.

Современные исследователи описывают период европейской истории XVI—XVII вв. как ***раннее новое время*** — эпоху становления новых форм политической, социальной, экономической, культурной жизни, время глубоких перемен в системе миропонимания, расширения пределов известного и возможного. По словам Р. Тарнаса, «Запад увидел рождение нового человека, заново осознавшего себя самого и свою свободу, любознательного ко всему, что касается мира, уверенного в собственных суждениях, скептически взирающего на любую ортодоксию, восстающего против авторитетов, ответственного за свои верования и поступки, влюбленного в классическую древность, но еще больше преданного своей великой будущности... убежденного в способности своего ума постигать природу и подчинять ее себе»*.

В XVI—XVII вв. в европейской культуре формировались принципы познания, отличные от традиций средневековой и ренессансной учености. Широкое интеллектуальное движение, благодаря которому трансформировалась система представлений о мире и человеке, были заново определены основания ес-

*Тарнас Р. История западного мышления. М., 1995. С. 237.

тественных дисциплин, исторических, политических, общественных, философских систем, получило название научной революции. Границы этого периода условно соотносят с 1543 г., датой выхода в свет работы Николая Коперника «Об обращении небесных сфер», и со временем открытий Исаака Ньютона, опубликовавшего в 1687 г. «Математические начала натуральной философии». Благодаря трудам Коперника, Галилея, Кеплера, Декарта, Ньютона и других ученых в интеллектуальной культуре раннего нового времени была создана целостная естественнонаучная картина мироздания. Постепенно она сменила средневековые представления о движении планет вокруг неподвижной Земли, основанные на физике Аристотеля и астрономической теории Птолемея. Изменялись сами принципы построения умозаключений: символы, подобия, аллегорические и моральные смыслы уступали место опыту, эмпирическому рациональному объяснению причин и следствий.

В Европе складывался новый образ науки — знания, принадлежавшего не отдельному «просвещенному астрологу» или комментатору Аристотеля, но независимому сообществу ученых, которые руководствовались строгим методом исследования и открыто демонстрировали результаты своих трудов. Научное познание понималось как экспериментальное изучение мира природы, процесс разыскания истины, приносящей пользу. Наука, которая была бы автономна от религии, опиралась на метод, поддавалась проверке и являлась бы коллективным предприятием ученых, требовала создания новых институтов — обществ, академий, таких, как Академия Линчеи в Риме, Лондонское королевское научное общество, Королевская академия наук во Франции и др.

Философы раннего нового времени уделяли особое внимание самим принципам построения знания, обоснованию новых методов исследования в разных сферах — физике, математике, медицине, социальных науках. При этом история как знание, связанное с моралью и политикой, редко включалась в контекст этих дисциплинарных переопределений. В сочинениях английского философа, историка, ученого, государственного деятеля **ФРЭНСИСА БЭКОНА** (1561—1626), в частности в его **«Новом органоне, или Великом восстановлении наук»** (1620), предпринималась попытка переоценить всю систему знаний, доступных человеку той эпохи, дать руководства к систематизации наук и предложить метод отыскания истины. По мысли Бэкона, деятельность философов и ученых предшествовавших эпох строилась на ложном фундаменте. Подлинные цели исследования заключались в овладении тайнами природы. Если в древности Сократ соотносил знание с добродетелью, то английский философ писал о той

силе, которую дает человеку обладание знанием. Научное знание должно было принести человеку практическую пользу и могущество, преображение обыденной жизни, а также духовное продвижение к новому христианскому золотому веку. Эмпирический метод исследования возвышал значение наблюдения и опыта, эксперимента с отдельными явлениями и предметами, чувственного и рационального проникновения в естественную сущность вещей.

В своих трудах Бэкон писал о единстве истории и опытного естественнонаучного знания, рассматривая их, подобно философии и науке, как единое понятие. В пользу этого союза Бэкон приводил следующие аргументы: и та, и другая области деятельности соотносились со способностью человека запоминать. Память же имела дело с индивидуальным и единичным. И гражданская, и естественная история занимались изучением единичных событий, описанием их вневременны́х свойств. Между исследованием явлений природы и событий прошлого, таким образом, не делалось принципиальных различий. За наблюдениями следовали выводы и рассуждения. Знание, извлеченное из частных, документально подкрепленных фактов, представляло, по словам философа, подлинную ценность для практики, в отличие от знания, в котором примеры лишь иллюстрировали абстрактные постулаты.

В Англии труды Бэкона оказали огромное влияние на характер и облик новой науки. Многие ученые желали продолжать его дело. Но исследователей прошлого, использовавших аналитические и экспериментальные методы в историографии, оказалось немного.

На континенте большой популярностью пользовались сочинения французского математика, философа **РЕНЕ ДЕКАРТА** (1596—1650) **«Рассуждения о методе»** (1637) и **«Начала философии»** (1644). Труды Декарта внесли существенный вклад в формирование рациональной механистической картины мира. Сам Декарт и его последователи — *картезианцы* (фр. *cartésien* — латинизированная форма фамилии Декарта — Cartesius) скептически относились к практикам историописания и возможности получения достоверных знаний о прошлом. Тем не менее одна из основных идей Декарта — о разделении разумного познающего субъекта-исследователя и находящегося перед ним, открытого для прочтения объекта изучения — великой книги мира — впоследствии сыграла важную роль в формировании того способа познания, на котором основывались и науки конца XVIII—XIX в., и профессиональное историческое знание. Такая умозрительная картина стала возможной, поскольку в философии к тому времени все более прочно укоренялась мысль о двух раз-

личных истинах — откровения и знания, — обоснованная Галилеем и данная в образах двух книг — Священного Писания и Книги природы. Согласно этой логике, наука и вера — совместимы, но их предмет, смыслы, языки, методы — автономны.

Новации в философии и естественных науках — физике, математике, астрономии, анатомии, механике — оказали значительное влияние на интеллектуальную культуру XVII в. Многие принципы исследования природы стали рассматриваться как универсальные для понимания общества, его истории. Естественные науки, с их стремлением к эмпирическому, точному знанию, послужили прообразом других дисциплин. В XVII в. социальные философы выдвинули ряд идей о так называемых естественных законах. Эти законы, подобно законам природы, могли быть познаны и использованы людьми. Отталкиваясь от идеи материального единства природы и человека, философы пытались создать науку об обществе, ориентирующуюся на математику и физику, — *социальную физику*. Исходным пунктом таких теорий было представление об отдельном, изолированном человеке, взятом вне исторического контекста; само же общество трактовалось как сумма индивидов, которые наделялись свойствами, вытекавшими из человеческой природы. Так, по мысли голландского философа и юриста **ГУГО ГРОЦИЯ** (1583—1645), люди изначально стремились к общению, в результате чего стало возможным их объединение. В рассуждениях английского философа **ТОМАСА ГОББСА** (1588—1679) аргументировалось противоположное утверждение о том, что людям было свойственно взаимное отталкивание, отчего в догосударственном, «естественном» состоянии они вели беспрерывную «войну всех против всех». Из свойств индивида выводились следствия и законы *социальной механики*, дававшей ключ к объяснению государственного устройства и его истории. Создание общества трактовалось философами XVII в. как результат *общественного договора*, некогда заключенного людьми между собой. Законы государства должны были строиться на основе *естественного права*, следующего из природы человека. Несмотря на распространенность этих теорий в социальных и философских трудах, в исторические сочинения XVII в. подобные идеи проникали медленно. Только в следующем столетии эти теории оказали существенное влияние на знание о прошлом.

История еще не отделилась полностью от других областей знания о человеке, обществе, мире и не сложилась в качестве самостоятельной дисциплины. Изучение прошлого в большой мере рассматривалось в контексте учености гуманистов — в связи с литературой, риторикой. В университетах освоение ис-

тории часто носило прикладной характер по отношению к изучению древних языков. На волне интереса к античной литературе возросло внимание к классическому прошлому. Рассказы о событиях греческой и римской истории нередко фигурировали в качестве комментариев к произведениям античных писателей. Из исторических сочинений извлекались моральные уроки, типические истины, примеры политических решений. При этом XVII в. был отмечен своеобразной модой на изучение истории. Последняя трактовалась как кладезь мудрости и понималась прежде всего как политическая или политико-юридическая. В Оксфорде и Кембридже были открыты первые кафедры гражданской истории. В XVII в. знание о прошлом сделалось важным фактором в политической борьбе. Так, в период Английской революции и сторонники короля, и те, кто поддерживал парламент, искали в документах прошлого обоснование неограниченной власти монарха или «древних вольностей» Англии.

Классифицируя науки, Бэкон характеризовал сложившиеся направления исторического знания как «совершенную» и «несовершенную» историю. К *«совершенной»* истории относилась политическая историография — хроники, жизнеописания и повествования о великих личностях, их государственных деяниях с моральным, дидактическим подтекстом. Источниками служили средневековые хроники, устные свидетельства, воспоминания. Позднее в русле этого течения началось изучение средневековой истории государственных и общественных институтов. Авторы сочинений по политической и политико-юридической истории иногда соотносили свои труды с естественнонаучным и математическим знанием, ориентируясь на эталон опытных и точных наук. Однако нередко они демонстрировали большую приверженность образцам гуманистической историографии.

Сам Бэкон был автором сочинения такого рода — **«Истории Генриха VII»** (1621). Бэкон задумывал этот труд как начало истории Англии в период между завершением войны Алой и Белой роз и объединением Англии и Шотландии под властью единого монарха Якова I. Автор стремился возвеличить династию Тюдоров в лице ее первого представителя, Генриха VII, рассмотреть принципы мудрого правления короля. Историческое повествование строилось вокруг личности правителя. Бэкон несколько расширил рамки традиционной для Ренессанса истории, включив в нее материалы по истории права.

В Британии середины и второй половины XVII в. был составлен ряд историко-политических трудов, воспоминаний и трактатов, посвященных событиям недавнего прошлого — революции, гражданской войне, реставрации монархии, таких, как «История мятежа» графа Кларендона, «История моего времени» Г. Барне-

та, «Два трактата о правительстве» и «О религиозной терпимости» Дж. Локка и др. Впоследствии эта линия была продолжена в историографии XVIII в.

Такая «совершенная» история существовала в контекстах интереса к национальному прошлому, формирования национальных государств в Европе. Но другое направление знания о прошлом соотносилось с теми же процессами. «*Несовершенную*» историю, согласно Бэкону, писали авторы первоначальных и необработанных набросков, комментариев и перечней, те, кто изучал древности, уцелевшие фрагменты прошлого. Интеллектуальное течение, связанное с поиском, коллекционированием, систематическим описанием и классификацией исторических документов и памятников, получило название ***антикварианизма*** (лат. *antiquus* — древний). «Несовершенная история», по мнению Бэкона и самих антикваров, носила подготовительный характер. Результатами труда антиквара могли воспользоваться авторы политической истории.

Сами антиквары и знатоки документов прошлого, эрудиты, не считали себя подлинными историками, а видели в качестве собирателей и хранителей древностей, компиляторов. Под древностями они понимали разнообразные свидетельства прошлых эпох — римские и средневековые монеты, девизы, гербы, надписи, вещи, документы, руины, памятники и т. п. Кроме этих рукотворных остатков прошлого в сферу внимания антикваров часто попадали редкости и диковины природного мира.

Историк был в первую очередь писателем, а сама история — повествованием, основанным на письменных данных, хрониках. Антиквары, опираясь на те же нарративные источники, широко использовали нетекстовые свидетельства. Это потребовало от них разработки новых методик критики источников (впоследствии положенных в основание новых дисциплин — археологии, нумизматики, палеографии, сфрагистики и т. п.).

Предметом изучения антикваров была не столько история, сколько прошлое, однородное и недифференцированное. В их трудах слабо выражалось чувство дистанции, отделявшей современность от прежних эпох. Внимание антикваров привлекали черты странного и трудно объяснимого, но ответы на вопросы они, как правило, подбирали исходя из логики современной им культуры. Одним из популярных жанров исследования для этих авторов была **хорография** — описание земель страны по областям, своеобразная регистрация природных особенностей и богатств, а также замечательных событий прошлого и любопытных древностей.

В Англии основы антикварианизма были заложены еще в XVI в. коллекционерами и исследователями прошлого У. Кем-

деном, Дж. Леландом, Дж. Стоу, основавшими в 1585 г. в Лондоне Елизаветинское общество антикваров. Членами этого общества был предпринят первый опыт коллективной работы по сбору древностей и публикации исторических памятников.

Английская антикварная история расцвела в последней трети XVI в. Интерес к славным, героическим отдаленным эпохам в истории государства и церкви выразился в изучении документов, гражданских записей, в описаниях графств и городов Британии, в беспрецедентной работе по поиску и сбору разнообразных вещественных свидетельств. По словам антиквара Дж. Обри, исследователи, намеревавшиеся реконструировать ранние периоды истории Британии, как и он сам, «пробирались ощупью во мраке», и иногда им удавалось «хотя и не пролить на них яркий свет... но превратить полную темноту в легкий туман»*. Эта «темнота» окутывала периоды бриттского прошлого, римского владычества на острове, англосаксонской Англии, нормандского завоевания. Пытаясь углубиться в эти вопросы, авторы так или иначе сталкивались с мифологическими сюжетами о происхождении бриттов от троянцев, о Бруте как предке современных правителей, о короле Артуре и древних героях, воспетых в книге Гальфрида Монмутского. Многие исследователи не стремились оспаривать в своих работах эти предметы национальной гордости.

В отличие от историков-гуманистов, предпочитавших писать о деяниях прославленных людей прошлого, антиквары сосредоточили внимание на изучении следов коллективной истории, от прошлого отдельного города или рода до истории страны. Историки конца XVI—XVII в. постепенно воссоздавали из фрагментов источников римскую или англосаксонскую Британию. При этом на облик национального прошлого наложили отпечаток сочинения классических авторов и итальянских антикваров.

В XVII в. стали печататься большие серии средневековых источников. Общества, занимавшиеся их поиском и изучением, часто учреждались католической церковью с целью изучения христианского прошлого и истории римской церкви. Во многом такая деятельность мыслилась как ответ на реформационные движения в Европе.

Одним из самых известных обществ-публикаторов был коллектив *мавристов* во Франции — монахов конгрегации святого Мавра из ордена бенедиктинцев (с 1627) в аббатстве Парижа Сен-Жермен-де-Пре. В 1648 г. ими был подготовлен план изданий, куда вошли рукописи по истории бенедиктинского ордена, церкви, документы, содержавшие сведения о прошлом фран-

*Aubrey J. Monumenta Britannica / Ed. by Fowles J., Legg R. Boston—Sherborn. 1980. P. 25.

цузских провинций. Мавристами было собрано множество средневековых манускриптов. Каждый из них публиковался на основе тщательного сопоставления всех списков документа, сверки разных вариантов текста. Эрудиты-мавристы издавали и руководства по датировке и установлению достоверности рукописей. В 1668—1701 гг. ими были напечатаны **«Жития святых бенедиктинского ордена»** в девяти томах, включавшие источники до XII в. Основная работа по критике текстов была проделана Ж. Мабильоном.

В это же время, с 1643 г., началось издание средневековых источников в Антверпене. Оно осуществлялось *иезуитами-болландистами*, названными так в честь своего главы Ж. Болланда. Публикуемая ими серия **«Жития святых»** содержала средневековые легенды и предания о деяниях христианских святых. Жития располагались по дням календарного года: рассказы о каждом святом были приурочены к его дню. Этот труд насчитывает несколько десятков томов.

Издание хроник и документов предпринималось в Германии, Италии, Англии, Польше, Чехии, Испании. Благодаря деятельности публикаторов-эрудитов вырабатывались правила критического анализа текстов рукописей, сыгравшие впоследствии важную роль для развития вспомогательных исторических дисциплин (палеографии, хронологии, дипломатики) и исторического знания в целом.

«Философская история» эпохи Просвещения

Новый импульс историография получила в последней трети XVII—XVIII вв. Исследователи называют это время веком Просвещения, понимая под термином широкое интеллектуальное движение в странах Европы, Северной Америки, России, со своеобразным духовным центром во Франции. Это движение было тесно связано с рядом существенных перемен в социальной, политической, экономической, культурной жизни, с процессами становления и модернизации гражданского общества, трансформациями в системах мировоззрения. Идеи Просвещения нашли выражение прежде всего в философии, а также в науке, историографии, общественной и политической мысли, литературе, искусстве. Среди деятелей этой эпохи такие прославленные авторы, как

Вольтер, А. Руссо, Ш. Монтескье во Франции, Д. Локк, Д. Юм, Э. Гиббон в Британии, И. Кант, И. Гердер в Германии, М. В. Ломоносов, В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин в России.

Взгляды философов, историков, писателей и ученых Просвещения были весьма разнообразны. Однако в их сочинениях поднимались сходные проблемы и высказывались близкие суждения. В интеллектуальной культуре этого периода была предпринята попытка пересмотреть такие ключевые понятия, как «человек» и «общество». Что такое человеческая природа? Благодаря чему возникает общественное устройство? Что объединяет и отличает множество народов мира? Почему, несмотря на успехи наук и усовершенствование нравов, люди несчастны? Можно ли изменить нынешний порядок таким образом, чтобы и государства, и народы жили в гармонии? На эти вопросы предполагалось найти ответы на основании рациональной философии и экспериментальных наук.

Взгляды деятелей Просвещения характеризовало критическое отношение к власти и традиции. В предложенной новой системе ценностей высшим критерием были разум и здравый смысл, противостоявшие предрассудкам, сословному неравенству, верховенству церкви. Глубокие изменения в экономике, социальной сфере, повседневной жизни, связанные с промышленным переворотом, позволили идее прогресса приобрести вес в философских системах того времени. Вера в силу разума давала надежды на быстрый культурный прогресс человечества — избавление от собственных ошибок, невежества, суеверий, угнетения.

Согласно идеям просветителей, все в природе подчинялось единому познаваемому порядку. Человеческая природа мыслилась как универсальная и неизменная у всех людей мира, все были созданы изначально равными и свободными. Общество следовало построить по законам разума, в соответствии с естественными правами человека. Задачей настоящего и ближайшего будущего было рациональное преобразование общества и переосмысление прошлого. Большой ценностью в глазах философов обладало знание, приносившее пользу и ставшее достоянием многих людей.

Одним из наиболее крупных трудов французских просветителей стало коллективное произведение под руководством **ЖАНА Д'АЛАМБЕРА** (1717—1783) и **ДЕНИ ДИДРО** (1713—1784) **«Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел»** (1751—1772), которое включало 17 томов текста и 11 томов гравюр. В «Энциклопедии» публиковались статьи с описаниями важнейших принципов и положений философии, разнообразных наук и «механических искусств», разъяснением сути открытий и полезных изо-

бретений, применяемых в промышленности. В этом своде знаний важное место занимала история. По Д'Аламберу, история человека имеет предметом либо его действия, либо его знания, и, следовательно, делится на гражданскую и научную.

История, которую писали просветители, находилась под сильным влиянием философии. Однако просветительская «философская история» XVIII в. не исчерпывала всех способов исторического повествования. В эти годы европейская публика зачитывалась «историями», которые часто составлялись как компиляции, с множеством ошибок, где описывались войны, деяния королей, полководцев и епископов, чудеса и легенды. В XVIII в. история не считалась областью научного знания, а оставалась особым жанром изящной словесности. В университетах историю преподавали филологи, знатоки древних языков и текстов, правоведы.

Между тем единый христианский взгляд на прошлое, настоящее и будущее постепенно распадался. Этому способствовал ряд факторов: влияние гуманистической критики текстов, знакомство со многими трудами античных авторов-язычников, радикальное изменение образа мира в связи с географическими открытиями, пошатнувшийся авторитет церкви в эпоху Реформации, новые философские и научные теории.

В сочинениях XVIII в. нередко звучали сомнения в том, что в Ветхом Завете была воспроизведена точная история древних народов, а прямое Божественное вмешательство в события часто случалось в человеческой истории. Важнейшие вехи Священной истории — Творение, жизнь и смерть Христа, ожидание Страшного суда — использовались для описания прошлого все реже. И хотя теологическое объяснение истории еще применялось, все больше предпочтения отдавалось нейтральным рассказам об античном, средневековом и современном периодах. Важной чертой сочинений философов-просветителей было разделение рационального знания и христианской веры.

Авторы XVIII в., следуя традиции антикваров-публикаторов XVII в., большое значение придавали критическому изучению документов прошлого. Достоверность исторических свидетельств подвергалась оценке с позиций здравого смысла. В XVIII в. исследователи прошлого нередко приходили к заключению, что история состояла не только из политики, дипломатии и военных сражений, а историография была чем-то большим, нежели простым накоплением фактов. События культурной и социальной жизни стали включаться в историческое повествование наряду с политическими.

В разнообразии исторической литературы изучаемого периода можно выделить как минимум два больших направления —

труды историков-эрудитов и сочинения историков-философов. Рассмотрим их более подробно.

Историки-эрудиты как наследники ученых-коллекционеров предшествовавшего столетия продолжали свою деятельность на протяжении всего XVIII в. Основную задачу они видели в сборе свидетельств прошлого, их сохранении и изучении. Эрудитами был проделан огромный труд, включавший не только коллекционирование, но и критический отбор, систематизацию вещественных источников, публикацию разнообразных документов. Как правило, внимание исследователей было сосредоточено на изучении прошлого своего народа и государства или на реконструкции локальной истории графств, княжеств, провинций, городов.

Эрудиты разрабатывали методы критики текстов рукописей, способы изучения археологических находок, надписей, монет, эмблем, генеалогических и хронологических таблиц и других видов источников. В европейских странах на основании коллекций древностей открылись первые общественные музеи — как, например, Британский музей в Лондоне (1753), Национальный музей древностей в Эдинбурге (1780) и др. Важную роль в развитии исторического знания сыграли многотомные публикации средневековых источников, подготовленных к изданию эрудитами.

Во Франции продолжали выходить в свет тексты, собранные членами конгрегации святого Мавра. В 1737 г. маврист Буке начал издавать серию **«Собрание историков Галлии и Франции»**, включавшую источники до 1328 г.

В Италии одной из самых известных подборок средневековых текстов была серия Л. А. Муратори **«Итальянские историки»** (1723—1751) в 21 томе. Сходные труды появлялись в Испании, Австрии, Скандинавии, хотя по своей известности они уступали этим изданиям.

В Британии возрос интерес антикваров к недавнему прошлому страны — периодам Английской революции и Реставрации. В 40—70-е гг. XVIII в. здесь издавались парламентские акты, документы и памфлеты предшествовавшего века.

В Германии эрудиты интересовались вопросами политического устройства раздробленного государства со слабым центральным управлением и сильной властью местных князей. Изучались главным образом правовые документы и их значение в жизни страны. История часто рассматривалась как свод казусов, примеров для демонстрации тех или иных выводов. В этих условиях было сложно создать научное общество, публикующее тексты по единой немецкой истории или истории католической церкви (ее позиции в протестантской Германии тоже не были прочными). Известный немецкий ученый **ГОТФРИД ВИЛЬГЕЛЬМ ЛЕЙБНИЦ** (1646—1716) в качестве историографа герцогов Бра-

уншвейгских в одиночку предпринял издание трехтомника «**Брауншвейгские историки**» (1707—1711), куда поместил не только местные документы, но и тексты, относящиеся ко всей германской истории. В 1764 г. профессор Геттингенского университета И. К. Гаттерер основал Исторический институт, намереваясь осуществить в нем большую программу публикации средневековых немецких рукописей и перевода произведений античных авторов. Однако через несколько лет институт был закрыт из-за финансовых затруднений.

Со второй половины XVII в. по всей Европе распространились научные общества, в которых «наука» понималась в единстве естественнонаучного и социально-гуманитарного знания. Историки-эрудиты заняли в них достойное место. Они участвовали в создании таких учреждений, как Французская академия (1635), Лондонское королевское научное общество (1660), новое британское Общество антикваров (1686). В них высоко оценивалось стремление к знаниям, подчеркивалась способность знания служить человеку в раскрытии тайн природы. История, в свою очередь, могла дать полезные советы по устройству государственной и гражданской жизни. Ученые сообщества создали собственный интеллектуальный мир. Большинство сочинений эрудитов представляло собой прекрасно сделанные, выверенные работы по местной истории, генеалогии, вопросам права.

Таким образом, деятельность историков-эрудитов опиралась на достаточную методологическую базу, что являлось, скорее, результатом расширения исследовательских практик, чем применения генерализирующих философских теорий. В течение XVII—XVIII вв. эрудитами был накоплен массив сведений о прошлом. Хотя в XVIII в. собиратели и публикаторы древностей еще не считались «настоящими» историками, история эрудитов оказалась успешной в эпоху господства философских теорий, а в XIX в. сделалась важной частью формирующейся исторической науки.

В университетах XVIII в. историки могли преподавать на факультетах свободных искусств — классическую и всеобщую историю в контексте курса красноречия, теологии — церковную историю, права — правовую и политическую историю. Но преподаватели чаще всего не были вовлечены в производство нового философско-исторического знания или эрудитской истории. Университеты готовили кадры для государственной службы и церкви, истории же надлежало давать моральные и политические уроки, но курс с таким названием пока отсутствовал.

Историки-философы XVIII в. предприняли попытку решить проблему универсальных исторических законов. Подчиняются ли многообразные события какому-то порядку, по-

добно тому, как явления природы — ее общим законам? Прежде связующую роль между эпохами играло Божественное провидение, наделяя смыслом разрозненные эпизоды человеческой истории. Философы Просвещения предложили обществу новые универсальные схемы, которые объясняли события, заново соединяя прошлое, настоящее и будущее. Большой авторитет среди интеллектуалов XVIII в. приобрели концепции прогресса и исторических циклов.

Эти теории сложились в контексте интереса к естественным наукам, математике, физике, сочинениям И. Ньютона. Для изучения истории общества и устройства мира предполагалось применять единый метод познания. При этом вопросы об обществе часто трактовались механистически. В основе рассуждений философов лежали представления о неизменной и единой для всех человеческой природе. И в древности, и в настоящее время человек оставался одним и тем же, был равен самому себе. Не случайно у историков Просвещения не возникало потребности отделить взгляды своих современников от систем ценностей людей других эпох. В каком-то смысле прошлое мыслилось внеисторически. Согласно распространенным взглядам, люди всех эпох изначально обладали общими добродетелями и пороками, чувствами и способностью рассуждать. Общество рассматривалось как сумма рациональных от природы индивидов. Просвещение и воспитание граждан создавали необходимые условия для преобразования всего общественного устройства.

Особый интерес философов Просвещения вызывали универсалии — большие умозрительные конструкции, с помощью которых можно было объяснить все разнообразие исторических явлений и процессов. Такой взгляд решительно отличал авторов философской истории от исследователей-эрудитов, для которых более важным было внимание к частностям, к отдельным «голосам» прошлого. Преобладающим было стремление показать единство человеческого разума, по-новому представить весь процесс истории.

Как ни парадоксально, такой подход прекрасно сосуществовал с интересом интеллектуалов к народам других стран и культур. Со времени Великих географических открытий перед европейскими мыслителями возникли непростые вопросы. Как объяснить разнообразие народов, с их непохожими обликом, языками, обычаями, нравами, законами? Почему опыт Запада был реализован только в Старом Свете? В XVII—XVIII вв. в обществе были популярны теории, согласно которым и внешние черты обитателей разных стран, и особенности их быта, форм управления, верований, устоев, искусств зависели в первую очередь от географических факторов климата, ландшафта, почвы, воздуха.

Эти взгляды подробно обосновывались в известном трактате французского философа, историка, писателя **ШАРЛЯ ЛУИ МОНТЕСКЬЕ** (1689—1755) **«О духе законов»** (1748). Стремясь понять внутренние закономерности, воздействующие на жизнь людей, автор приходил к выводу, что самое большое влияние на формы хозяйства и управления у того или иного народа, на его обычаи, традиции оказывали природные условия. Климатические особенности также формировали и национальный характер. Наилучшее, по мнению Монтескье, государственное устройство существовало в Англии, что, в свою очередь, зависело от особенностей умеренного климата на островах, определившего характер их жителей. Просвещая людей, стремясь сделать их более счастливыми, государственным деятелям следовало ввести новые законы в тесном соответствии со свойствами народа, для которого они установлены.

В XVIII в. более широко стали применяться понятия «культура» и «цивилизация». Заимствованные из латинского языка, эти слова наделялись новыми смыслами. Слово «культура» в употреблении немецких просветителей стало выступать как синоним французского понятия «цивилизация», обозначая светский процесс становления «культурности», или «цивилизованности»: улучшение условий жизни, выработку справедливых законов, смягчение некогда грубых нравов, усовершенствование вкусов и манер. Использование слов «культура» или «цивилизация» для описания народов подразумевало их сравнение между собой, соотнесение с неким общим эталоном «культурности» (под которым часто подразумевалось современное состояние европейских государств).

Другое понимание культуры — как способа жизни общества — было предложено немецким философом **ИОГАННОМ ГОТФРИДОМ ГЕРДЕРОМ** (1744—1803) в сочинении **«Идеи к философии истории человечества»** (1784—1791). Согласно ему, каждый народ имел собственную, неповторимую форму культуры. Поэтому имело смысл говорить не об одной, нормативной, но о множестве непохожих и самоценных культур.

Однако в таком значении это понятие стало более употребляемым позднее, в романтической историографии конца XVIII — начала XIX в. Философы-историки Просвещения придерживались первой трактовки культуры, которая позволяла рассматривать множество народов с точки зрения общности человеческой природы.

Характерный пример дает сочинение знаменитого французского просветителя **ВОЛЬТЕРА** (1694—1778) **«Опыт о нравах и духе народов и о главных исторических событиях»** (1756—1769). В этом произведении Вольтер одним из первых попытался представить

не только европейское прошлое, но историю всего человечества. Такой подход был противопоставлен теологической концепции, в которой излагалась история народов, упомянутых в Библии, а их единство рассматривалось как следствие происхождения от потомков Адама и Евы. Согласно «философской истории», люди не были изначально грешны, они обладали особым даром — разумом. В древности силы природы, а также инстинкты и страсти не позволяли людям в полной мере воспользоваться этой способностью. Но в новое время, по убеждению Вольтера и многих других просветителей, человечество достаточно повзрослело для того, чтобы определять свою судьбу.

В сочинении Вольтера положение о неизменности человеческой природы вступало в противоречие с идеей поступательного движения цивилизации — становления культуры, смягчения нравов и выработки «храбрости» народа. По мысли автора, человечеству удавалось всего четыре раза на короткий срок зафиксировать равновесие между высоким моральным духом и кротостью нравов — во времена Александра Македонского, римского императора Августа, правления Медичи во Флоренции и Людовика XIV во Франции.

Вольтер последовательно писал о цивилизациях Древнего Китая и Индии, Японии, Ближнего Востока, Африки, Америки и Европы. Приведенные примеры должны были свидетельствовать о непрерывности процесса цивилизационного развития. Однако у разных народов прогресс осуществлялся не одинаково; вот почему при единстве разума сохранялось многообразие традиций и укладов жизни. Согласно Вольтеру, Запад опережал Восток, Америку и Африку в утверждении рационального взгляда на мир. Философы Просвещения представляли историю прогресса как постепенное освобождение разума от суеверий и ошибок на протяжении веков. «Отставание» неевропейских обществ было связано с тем, что в них еще сохранялись предрассудки, законы, обычаи и верования, подавлявшие свободу мысли.

Большинство людей, как полагал Вольтер, едва ли станет полностью рациональным в своем поведении и способе рассуждать. Но тем, кто уже пришел к этому, следовало выработать правильные законы и дать народу разумных правителей. В результате все люди смогли бы прикоснуться к счастью как высшей цели прогресса. Такая «философская история» предлагала общие объяснительные модели для истории всего человечества, демонстрируя при этом небольшой интерес к деталям, разнообразию, которое вначале так завораживало философов. Вольтер писал о разных народах с сочувствием и интересом, но сохраняя большую дистанцию и ориентируясь на систему ценностей «своей» цивилизации.

Теории прогресса и исторических циклов

Многие философы-историки, объясняя общественное развитие, строили рассуждения на основе *теории прогресса*. Ее главная идея заключалась в том, что все человечество в разные периоды своей истории — во времена процветания и нищеты, войн и мира и т. п. — постепенно совершенствовалось. Прошлое, настоящее и будущее были связаны идеей направленного развития.

Концепцию прогресса обсуждали во многих трудах, и вера в него поддерживалась общественными ожиданиями. Эта теория более детально была представлена в сочинениях двух французских авторов: незавершенном наброске экономиста, государственного деятеля **АННА РОБЕРА ЖАКА ТЮРГО** (1727—1781) **«Рассуждения о всемирной истории»** (1750) и произведении **ЖАНА АНТУАНА НИКОЛА КОНДОРСЭ** (1743—1794) **«Эскиз картины прогресса человеческого разума»** (1793—1794).

Известный французский математик, философ-просветитель Ж. А. Н. Кондорсэ написал свой труд во время Французской революции. История человеческого рода трактовалась им как линейный закономерный процесс, последовательное и ускоряющееся движение ко все более разумному порядку вещей. В качестве критерия прогресса рассматривалось развитие научных знаний о мире, освобождение от «тирании» природы, угнетения и гражданского неравенства в обществе. Кондорсэ подразделял всю историю на девять эпох. Первые пять охватывали период от древности до гибели Римской империи. Шестая эпоха — средневековье — характеризовалась как мрачное время варварства. Седьмая и восьмая — от XI до конца XV в. и «от изобретения книгопечатания до периода, когда науки и философия сбросили иго авторитета» (т. е. до середины XVII в.) — понимались как время возрождения и освобождения разума. Наконец, в девятую эпоху (от Декарта до образования Французской республики) разум «окончательно разбивает свои цепи». В этот период неизбежны великие революции: одна из них произошла в Северной Америке, другая в Европе, во Франции.

В целом все изменения в обществе должны были вести к возрастанию счастья. Согласно Кондорсэ, человечество готовилось к вступлению в последнюю, десятую эпоху. Благодаря триумфу разума, дальнейшему постижению тайн природы и законов, управлявших жизнью общества, распространению просвещения были выполнены все условия для построения счастливого общества. Главными его признаками были названы мир,

справедливые принципы общественного устройства, процветание торговли, равенство между людьми и народами.

Такие взгляды были новыми для европейской исторической мысли. Вековые традиции направляли человеческие действия в настоящем и давали надежды на будущее. В рассуждениях просветителей ожидание лучшего будущего позволяло понимать настоящее и выносить оценку прошлому. Но при этом светская концепция прогресса прямо соотносилась с традиционным христианским видением истории как направленного линейного движения человечества к цели — если не к Царству Божьему, то к торжеству разума.

Хотя, согласно таким взглядам, человечество развивалось по восходящей линии, история знала и периоды варварства. Представление о прогрессивном движении преуменьшало ценность ранних эпох, понимаемых в лучшем случае как «детство» человечества. Так, эпоха европейского средневековья — время, когда доминировала христианская религия, — по логике многих просветителей, не принесла ничего, кроме религиозного фанатизма и ущемления свободы разума.

Что же тогда могло дать изучение истории? Философы не стремились к пониманию прошлого, объяснению особенностей более ранних культур в их собственных терминах. История должна была учить человечество, просвещать его. Кондорсэ полагал, что знание о пройденном пути позволяло представить правдоподобную картину будущих судеб человеческого рода по результатам его истории. Рассказ о средних веках мог показать, куда заводят людей предрассудки и невежество. Чтобы такие сочинения читались, их следовало писать, обращая внимание на литературную форму, на красноречие и изящество стиля. Так, история давала уроки философии на ярких примерах из прошлого.

Не все философы-просветители придерживались оптимистических взглядов на развитие цивилизации. Французский писатель, философ **ЖАН ЖАК РУССО** (1712—1778) не считал, что прогресс наук и искусств пошел на благо людям. Совершенствование одной из сторон человеческой природы — разума — было достигнуто за счет подавления способности чувствовать и переживать. В своей работе **«Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми»** (1755) Руссо доказывал, что свободными, здоровыми, добрыми и счастливыми люди были лишь в древности, во времена своего «естественного состояния». Затем идея частной собственности вызвала к жизни разнообразные пороки, породила рабство и нищету. Таким образом, цивилизация была продуктом разложения «естественного состояния». История человечества могла прочитываться как процесс старения и упадка.

Наряду с теориями прогресса философы-историки разрабатывали и концепции культурно-исторических циклов. Этим концепциям, не обещавшим ни усовершенствования разума, ни всеобщего счастья, не удалось достичь той общественной популярности, которую приобрели идеи прогресса. Последователи прогрессистского взгляда представляли то направление в знании, которое господствовало в XVIII в. Оно опиралось на картину мира, сформированную воззрениями Ф. Бэкона, Р. Декарта, И. Ньютона. В ее основе лежали точные и естественные науки, с помощью методов которых объяснялась не только природа, но и жизнь человеческого общества в прошлом и настоящем. Сторонники теории циклов придерживались таких представлений о мире, в которых наряду с разумом признавалась важность человеческих чувств — эмоций, интуиции. Это направление соотносилось в значительной мере с традициями Ренессанса и гуманизма.

В 1725 г. **ДЖАМБАТТИСТА ВИКО** (1668—1744), неаполитанский профессор риторики, напечатал первое издание **«Оснований новой науки об общей природе наций»**. В этом сочинении была предложена целостная оригинальная теория исторического процесса и методов познания истории.

Вико не соглашался с распространенным мнением, что только с помощью математических и естественнонаучных знаний можно постичь истину, и с тем, что истории в этом процессе отводилось подчиненное место. По мысли Вико, ошибочно думать, что исследование природы более доступно, чем познание прошлого. Природа сотворена Богом, и он один может знать что-либо о ней. А история, как мир человеческих поступков, создавалась людьми, выражалась в надеждах, страхах, желаниях, усилиях, и поэтому более важна и доступна для изучения. Надо понять, в чем люди походили и все еще походят друг на друга, и это может дать всеобщие основания для «новой науки».

«Новая наука» строилась на антикартезианских основаниях. Люди рассматривались не как исключительно рациональные индивиды, которым во все эпохи были присущи одни и те же природные черты. В отличие от сторонников теорий естественного права и общественного договора, Вико полагал, что образ мыслей людей существенно изменился. Большие трансформации произошли в коллективном сознании, в разделяемых людьми представлениях и способах рассуждать о мире. Важно было понять эти изменения, изучать их как события культурной истории человечества.

В прошлом и настоящем последовательно сменяли одна другую три эры — «божественная» (период до формирования государств, когда возникли семья, письменность, религия, основы права), «героическая» (время господства аристократии и ее борьбы с плебея-

ми) и «человеческая» (эра преобладания разума, демократии, расцвета городов). Для каждой из них характерно особое коллективное сознание. Его специфика отражалась в законах, поэзии, религии, структуре социальных институтов. Так, культура мыслилась как целостная система, изменяющаяся со временем.

Все три эпохи были по-своему ценны. В отличие от авторов, писавших о прогрессе, Вико не возвышал третью, «человеческую», стадию. Подобно цветку, который начинает увядать в самом расцвете, упадок обществ начинается в эпоху людей. Разум набирает силу, гражданское повиновение замещает слепое подчинение закону, в способах рассуждения преобладает логика, а в литературе — проза, наука объясняет природу, и равные права поддерживают демократическое устройство. Но человеческие достижения побеждают сами себя. Исторический цикл заканчивается, наступает новое варварство; за ним на более высокой стадии должен начаться следующий цикл. Общество, по Вико, может избежать этого, только если будет остановлено в своем развитии, как это случилось с индейцами при экспансии европейцев или с жителями Карфагена, разрушенного римлянами.

Концепция Вико, сочетающая прогресс и циклизм, философско-историческое построение, идею самоценности и различия эпох, возможность понимания прошлого с точки зрения присущей ему логики, не была по достоинству оценена в век Просвещения. Признание к автору пришло позднее.

Одним из немногих последователей Вико был И.-Г. Гердер. В сочинениях этого немецкого мыслителя были выражены не только идеи просветителей, но и ранние романтические взгляды. В своем главном труде **«Идеи к философии истории человечества»** (1784—1791) Гердер попытался представить широкую картину прошлого и настоящего народов мира, рассматривая человеческую историю как продолжение истории природы. Сторонник теорий о влиянии климата, Гердер считал, что именно природа установила общий и неизменный порядок человеческой истории вместе со всеми ее потрясениями и поворотами. Все люди имели единую природу, однако ее проявления были многообразны. Для анализа опыта разных народов в сочинении использовалось понятие культуры. Согласно концепции Гердера, каждый народ обладал своей культурой — то есть присущими лишь ему укладом жизни, системой ценностей, способом осмысления мира. В сочинении Гердера пересматривалось неписаное правило века Просвещения, по которому Европа, с ее традициями и стилями мышления, представала образцом для народов других стран. В этом тексте европоцентризм трактовался как проявление гордыни, а путь западных государств — как один из многих возможных.

Культуры, по мысли Гердера, подчинялись универсальному ходу вещей: они, каждая в свое время, зарождались, развивались, достигали своей вершины и затем «увядали». Каждая стадия понималась как ценная, приносящая свои плоды. Целью развития человечества было достижение «гуманности» — раскрытие душевных способностей человека, рост просвещенности и развитие разума. Устройство обществ прошлого, настоящего и будущего можно было объяснить, руководствуясь *теорией органического движения культур*. История интерпретировалась Гердером как «история перемен», в которой внимания заслуживало не только всеобщее и типическое, но и уникальное.

«Философская история»: практики историописания

Философская история в различных модификациях создавалась во многих странах. На протяжении века Просвещения ее устойчивость поддерживали такие универсальные положения, как метод естественнонаучного знания и теория прогресса (хотя среди исследователей существовали различные представления о принципах познания природы, общества и истории). В полемике были созданы более тонкие версии «философских историй», в которых человек рассматривался как существо не только рациональное, но и наделенное ценной способностью чувственного переживания, интуицией. Эта трактовка природы человека относилась и к людям, как объекту изучения историка, и к пониманию самого существа исторического исследования.

В век Просвещения в Европе сложились абсолютные монархии, сильные централизованные государства. Рост национального самосознания требовал создания новых светских историй. В них повествование о прошлом народа должно было согласовываться с историей человечества, а единые философские принципы, применимые к описанию прошлого, следовало соотносить с уникальными чертами отдельной культуры. Одним из оснований европейских национальных историй стала «философская история» Просвещения, другим — труды эрудитов, в которых внимание к античным древностям сочеталось с интересом к прошлому своей страны.

В качестве примера подобного сочинения можно привести работу Вольтера **«Век Людовика XIV»** (1751). В ней прошлое

Франции описывалось и как национальная история, и как разновидность «философской истории».

В создаваемых произведениях, как правило, история была представлена как непрерывный процесс развития общества и государства, проходящий одни и те же вехи: древность — появление первых свидетельств о народе, возникновение раннего государства, христианизация в средние века (период, часто оцениваемый негативно, однако составляющий неотъемлемую часть прошлого), новое время — правление нынешнего монарха.

Для XVII в. был актуален вопрос о роли и месте античного наследия в современной интеллектуальной культуре, получивший свое воплощение в так называемом «споре древних и новых». В XVIII в. никто не отрицал значения античного прошлого. Европоцентричная философская история содержала идею общего корня, единого происхождения народов Запада. Древняя Греция и Рим представлялись колыбелью современных европейских обществ. История Рима, по словам Вольтера, заслуживала наибольшего внимания, поскольку римляне были «законодателями и учителями» европейцев. Однако историки нуждались в доказательстве особой роли своего государства в этом наследовании. Возникал вопрос: как соотносились единое античное прошлое и ранняя история отдельного народа? Какое место этот народ занимал в общей картине мировой истории?

Отвечать на подобные вопросы отчасти позволяли труды, составленные эрудитами. Их усилиями были изданы документы, которые давали основу для аргументации в спорах об истоках государственности народов. Национальные истории создавались как политико-юридические, и публикации источников, освещавших аспекты политики и права, предоставляли возможность подкреплять позиции в рассуждениях об облике «своего» прошлого. Дискуссии о сюжетах, относившихся, на первый взгляд, к далеким эпохам, имели прямые выходы на проблему распределения власти в современных европейских странах.

Во Франции XVIII в. развернулась полемика между «германистами» и «романистами», сторонниками соответствующих теорий происхождения французского государства графа Буленвилье и аббата Дюбо. Граф **АНРИ ДЕ БУЛЕНВИЛЬЕ** (1658—1722) в сочинении **«История древнего правительства Франции»**, опубликованном после его смерти, в 1727 г., стремился доказать, что основы общества и государства во Франции были заложены благодаря германскому завоеванию Галлии. Победители — германское племя франков — стали господами, аристократией; побежденные галло-римляне составили «третье сословие», народ. Таким образом, трактовка прошлого определяла настоящее: народ (к которому Буленвилье относил и неродовитых «дворян мантии») должен был

оставаться в подчинении, а аристократия, «чистокровное» дворянство, — властвовать по праву древнего завоевания. В 1734 г. секретарь Французской академии аббат **ЖАН БАТИСТ ДЮБО** (1670—1742) издал сочинение **«Критическая история установления французской монархии в Галлии»** (1742), в котором опровергалось главное положение труда Буленвилье о завоевании Галлии. По мнению «романиста» Дюбо, галло-римляне постепенно сливались с переселившимися франками, формируя новый французский народ. Поэтому рассуждение о двух отдельных расах было ложным, и, следовательно, дворянство узурпировало права народа. Такое обращение к прошлому не было предметом исключительно эрудитского интереса: по словам Монтескье, теория Буленвилье походила на заговор против третьего сословия, а теория Дюбо — на заговор против дворянства. Дискуссии по этому вопросу были продолжены в предреволюционной Франции.

На английское и шотландское Просвещение большое влияние оказали французские философы, в частности Вольтер. В британской интеллектуальной культуре элементы рациональных философских историй соединились с традициями эмпирического знания, основанного на «здравом смысле», осторожностью по отношению к абстрактным философско-историческим схемам, вниманием к изучению источников и любовью к хорошему литературному письму.

Среди сочинений английских просветителей особое место занимают **«Письма об изучении и пользе истории»** лорда **БОЛИНГБРОКА** (1678—1751), посмертно опубликованные в 1752 г. Для государственного деятеля Болингброка занятия историей были одним из проявлений общего интереса к философии. В своих работах он развивал идеи, близкие рассуждениям Вольтера и французских просветителей или сформулированные на основе трудов английского философа Джона Локка. Разум, по мысли Болингброка, как предмет физики подлежал экспериментальному изучению. Основу своих знаний люди заимствовали из того, чему их учила природа; при этом все идеи, доступные человеку, восходили к полученным извне впечатлениям. Особое внимание уделялось вопросам этики и морали. По мнению автора, христианству следовало противопоставить рациональную религию, поскольку сверхъестественное не должно было занимать умы людей, а разума было достаточно для познания мира. В этой системе действовала этика рационального эгоизма, где из принципа любви индивида к себе выводилась необходимость соблюдения морального закона и основания гражданского общества.

В этом контексте прочитываются более оригинальные рассуждения Болингброка об историческом познании, увиденном на пересечении традиций гуманистической мысли и рациональ-

ной философии. Свои идеи Болингброк изложил в «Письмах», адресованных лорду Корнбери, правнуку графа Кларендона, автора «Истории мятежа». Одновременно это сочинение содержало предварительные наброски к труду по недавней истории Европы, который так и не был написан. В центре внимания автора находились вопросы, связанные не с философией исторического процесса, а с самим смыслом и формами изучения прошлого.

По мнению Болингброка, важной причиной, побуждавшей людей во все времена обращаться к истории, был интерес и любовь человека к самому себе, к своей неизменной природе. Существовавшие практики исторического письма представлялись автору сочинения далекими от совершенства. Эрудитским взглядам на задачи и содержание труда историка, таким, как накопление массы разрозненных фактов, иногда — некритическое отношение к ним, следовало противопоставить философский рационалистический подход.

Болингброк различал два типа исторического письма: поэтический и рационалистический. *Поэтическая* история апеллировала к чувствам и страстям человека. Вопросы истинности источников для нее были не столь важны. Правда такой истории заключалась в передаче типических черт. Вымысел давал столь же правдивые примеры, что и быль. *Рационалистическая* история пока не была достаточно освоена; но именно она могла принести подлинную пользу.

Эта польза истории заключалась, по мысли автора, в передаче социального, политического опыта эпох и поколений. Индивидуальный опыт отдельного человека мог выстраиваться только с опорой на опыт предшественников. История, таким образом, понималась как философия, основанная на примерах. Помимо этого, знание о прошлом позволяло нации увидеть свое место на мировой сцене и воздать по заслугам деятелям предшествующих времен.

В изучении истории, согласно Болингброку, важную роль играло установление истинности свидетельства прошлого — и достоверности факта, и подлинности философской истины, извлеченной из примеров. Для достижения первой требовалась тщательная критика источников. С этих позиций ставилась под сомнение достоверность библейских текстов и античной историографии. Согласно автору, имело смысл исследовать современную историю начиная с Возрождения, поскольку в этом случае предоставлялась возможность работать с источниками.

Но рационалистическая историография стремилась не только к истине отдельного факта. На основе анализа источников историку-философу следовало изучать «примеры людей» и «примеры событий», рассматривать событийные ряды, искать причины, связь внешне разрозненных фактов. Знание «общих

правил», по мысли Болингброка, было возможно благодаря общности и постоянству человеческой природы и давало урок истории. Таким образом, исследователь двигался индуктивно, от отдельных фактов до «уроков» целых периодов прошлого. Все это должно было «улучшить изучение истории в соответствии с ее подлинным назначением» — самопознанием человека.

Рассмотрим опыт создания национальных историй в Британии. В XVIII в. признание получили исторические сочинения Д. Юма, У. Робертсона, Э. Гиббона. Шотландский философ **ДЭВИД ЮМ** (1711—1776), автор **«Трактата о человеческой природе»** (1739), скептически относился к концепциям, объяснявшим мир с рационалистической точки зрения. Весь порядок, который человек видел вокруг, причины и следствия, по мнению Юма, были не открытием порядка в самой природе, а проявлением потребности ума верить в существование связей между вещами и устанавливать их. Поэтому ни выводы естественных наук, ни построения разума не могли отражать реальность. Юм призывал историков полагаться на тщательно выверенное эмпирическое знание, а не на абстрактные схемы (хотя в своих рассуждениях он сохранял такую умозрительную конструкцию, как неизменность человеческой природы).

Исторический труд Юма — восемь томов **«Истории Англии от вторжения Юлия Цезаря до революции 1688 г.»** (1752—1762) — представляет первую полную английскую национальную историю. Вначале была опубликована та часть сочинения, где рассказывалось о событиях XVII в., правлении Стюартов и Английской революции. Это произведение вызвало много споров, поскольку в нем была представлена «торийская» интерпретация недавнего прошлого («тори» — партия сторонников королевской власти; более распространенной была позиция историков-«вигов», отстаивавших правоту парламента). Юм, подобно многим авторам Просвещения, рассматривал историю как подтверждение философских построений. Индивидуальные черты английского прошлого ложились на философскую теоретическую основу (представления о развитии общества по мере распространения и углубления знаний, идей и морали, о воздействии климата на общественное устройство и т. п.). Согласно взглядам Юма, история показывала, как неизменная человеческая природа принимала разные формы под влиянием специфических условий, а ход событий изменялся из-за случайных обстоятельств.

Основное внимание в сочинении уделялось политической истории. Множество фактов, сгруппированных вокруг правления королей, обретало смысл в связи со становлением английского государства. Подобный способ организации материала, равно

как и принципы точного цитирования источников, был воспринят многими английскими авторами. Сочинение Юма, рассчитанное на широкую публику, написано прекрасным литературным языком. «История Англии» прославила Юма как автора классической истории Британии.

Шотландский историк **УИЛЬЯМ РОБЕРТСОН** (1721—1793) — автор **«Истории Шотландии»** (1759), а также сравнительных работ, посвященных народам Индии и Америки. Успех сочинений Робертсона был достигнут вопреки словам Юма, который предостерегал писателей от тем, посвященных «сухим» сюжетам или требовавших эрудитского углубления в детали. В отличие от Юма, для написания национальной истории Робертсон использовал данные источников из шотландских и английских архивов, подвергнув их тщательной критике.

Пресвитерианский священник, Робертсон называл себя учеником Вольтера. В его произведениях идея прогресса в истории сочеталась с идеей Божественного замысла, о котором, по мысли автора, повествовала Священная история. О человеческих делах говорила история гражданская. Божественные цели — совершенствование человеческого рода — совпадали с тем, о чем писали философы. Таким образом, в событиях усматривался и Божественный, и рациональный план. Оценивая европейскую историю, Робертсон, подобно другим просветителям, критически отзывался о периоде средневековья. Но при этом отмечал в нем элементы движения, готовившего переход «от варварства к утонченности» — рост городов, расширение торговли, разработку законов, становление парламента и смягчение нравов.

Поздним сравнительным работам Робертсона, рассказывавшим об истории народов Индии и Америки, также сопутствовал успех. Согласно автору, «примитивные» народы заслуживали сочувственного внимания уже потому, что составляли неотъемлемую часть мировой истории. В их настоящем положении Робертсон усматривал параллели с древними эпохами европейской истории, например, современные американские индейцы сопоставлялись с древними германцами.

Крупнейшим английским историком века Просвещения был **ЭДУАРД ГИББОН** (1737—1794). Тематика его основного труда **«История упадка и гибели Римской империи»** (1776—1788), на первый взгляд, не имела ничего общего с национальной английской историей. Однако это сочинение сыграло важную роль в британской историографии, оно считается образцом исторических трудов эпохи Просвещения.

Гиббон начинал свой рассказ со II в. н. э. и доводил его до падения Константинополя в 1453 г. В сферу внимания автора попадали в основном события политической и религиозной исто-

рии. Эпоха Великой империи трактовалась как самое счастливое время прошлого. Причины ее гибели историк усматривал в становлении и распространении христианства.

Для писателей Просвещения был характерен интерес к античному миру. В истории Древней Греции и Рима авторы находили примеры гражданских свобод и добродетелей. Классические античные культуры выступали в качестве образцов, на основе которых можно было выводить типические черты общества как такового, проецировать их на современность. Сочинение Гиббона тоже прочитывалось как непрерывная национальная история. В тексте угадывалась история Британии, с такими вехами, как рождение парламентаризма и демократии, становление, расцвет и упадок империи. Прозрачная параллель между античным Римом и Британией служила возвышению национального прошлого и настоящего.

Гиббон задавался вопросом о причинах гибели цивилизаций. Грозила ли Западу судьба Римской империи? По мнению автора, Рим был подточен изнутри собственным величием; культивация умеренности, вкуса, искусств и наук может удержать современный мир от того, чтобы скатиться к новому варварству. Произведение опиралось на обширный свод источников и, по мнению многих современников и потомков, было облечено в блестящую литературную форму.

Таким образом, в британской историографии века Просвещения соединились внимание к философским теориям, антикварианизм и литературные достоинства исторических сочинений.

В Германии создание единой национальной истории было затруднено из-за политической раздробленности государства. В работах немецких историков и философов отражался широкий спектр идей и подходов. В немецком Просвещении теории прогресса не получили такого систематического воплощения, как во Франции. Однако в Германии философы и историки обнаружили тонкость в трактовке природы человека и проблем познания. В их творчестве были намечены линии примирения способов представления истории, существовавших в XVIII в. отдельно друг от друга, — философского взгляда на прошлое и эрудитского подхода к нему. Познание трактовалось не только как деятельность человеческого разума. В этот процесс — как и в написание истории — были вовлечены более сложные механизмы — чувства, воображение, интуиция. Представление о том, что при создании философской истории и при эрудитском изучении отдельного документа срабатывали общие механизмы производства смыслов, создало необходимую основу для сближения разных версий исторического исследования.

В Р о с с и и во времена петровских преобразований были сделаны первые попытки написания светской национальной истории. В XVIII в. процессы секуляризации, постепенного утверждения рационалистического мировоззрения проходили в контексте европеизации российской культуры. Контакты с западными странами, доступ к оригинальным и переводным сочинениям европейских литераторов, философов, историков способствовали возникновению в российской интеллектуальной культуре движения, основными идеями тесно связанного с ключевыми тезисами французского, британского, немецкого Просвещения.

При Петре I был задуман обобщающий труд по политической истории Российского государства с XVI в. Однако эта задача осталась невыполненной. Принципы рационалистического взгляда на историю сосуществовали с устойчивыми религиозными воззрениями и средневековыми историософскими концепциями.

Особая роль в создании основ историографии Просвещения в России принадлежала **ВАСИЛИЮ НИКИТИЧУ ТАТИЩЕВУ** (1686—1750). Работая по поручению Петра I над составлением географического описания государства, Татищев посвятил много времени сбору, изучению, систематизации и подготовке к изданию отечественных и иностранных источников по древней истории России. Главный труд Татищева **«История Российская с самых древнейших времен»** был опубликован уже после его смерти, в 1768—1784 гг. и в 1848 г. Над этим сочинением Татищев работал около тридцати лет. В основе сочинения лежала история русского самодержавия. Рассказ о прошлом начинался с древнейших времен и заканчивался 1577 г. Татищев предпринял систематическое сопоставление и критику списков летописей, документов, разнообразных свидетельств прошлого. Первый вариант «Истории Российской» был стилистически близок к летописям: все события располагались по годам, при этом повествование велось на древнерусском языке. Но желание сделать текст доступным для читателей побудило автора начать переложение труда на современный литературный язык.

Перед российскими исследователями вставал вопрос о месте и роли отечественной истории в соотношении с западноевропейской и всемирной. Татищев рассматривал русскую историю как часть общего мирового процесса. Прежде всего, по мысли автора, следовало знать прошлое своего народа, но без истории других народов и своя история не будет ясна.

В прошлом человечества Татищев усматривал три основные вехи: появление письменности, пришествие Христа, открытие книгопечатания. Это рассуждение соотносилось с христианской идеей возрастов человечества — младенчества, юности, зрелости и старости. Движение истории объяснялось, в соответствии

со взглядами европейских философов и историков того времени, не Провидением или деяниями выдающихся правителей и полководцев, но развитием «всемирного умопросвячения», совершенствованием разума и способностей человека.

Татищева называют родоначальником **государственного** направления отечественной историографии: в его сочинении особое внимание уделялось истории сообществ и центральной власти. В основе концепции лежала распространенная на Западе идея общественного договора — добровольной передачи части естественных прав государству и определенным сословиям. Из этой идеи и из теории о влиянии климата на уклад жизни в каждой стране Татищев выводил заключение об оптимальности монархического правления для России и неизменности существовавших порядков, в том числе крепостного права.

В российской историографии XVIII в. часто воспроизводились положения, заимствованные из сочинений европейских просветителей. Теории общественного договора, просвещенной власти, прогресса разума и постепенного смягчения нравов, связи обычаев народов с природными условиями адаптировались к реалиям русской культуры и традициям историописания. Идеи философской истории развивались в трудах С. Е. Десницкого, И. Н. Болтина, А. Н. Радищева и др. Среди авторов «философских историй» были не только сторонники ориентации России на Запад. **МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ЩЕРБАТОВ** (1733—1790) в семитомной **«Истории России с древнейших времен»** (1770—1790) описывал прошлое государства, руководствуясь трудами Руссо и Юма. Просвещение и разум в его сочинениях трактовались как основные факторы процветания государств. Но при этом, по мысли Щербатова, современная эпоха, начавшаяся с правления Петра I, вызвала в России упадок прежних естественных добродетелей, свойственных людям с древнейших времен, и распространение дурных нравов. В отличие от концепции Руссо, в рассуждениях Щербатова природная неиспорченность не исчезала со становлением государства как такового. Еще в недавнем прошлом, когда сохранялись патриархальные связи, а власть царя была ограничена, Россия придерживалась более правильного пути, сойти с которого ее заставило следование Западу. Щербатова принято называть в числе ранних предшественников славянофилов, автором *русской консервативной утопии.*

Со становлением «философской истории» в российском знании закладывались основы новых подходов к изучению прошлого. В 1724 г. в России была учреждена Петербургская академия наук. В ней наряду с естественными науками была представлена и история. В этом заведении работало немало иностранных исследователей, в числе которых — немецкие историки Г.-З. Байер,

Г.-Ф. Миллер, А.-Л. Шлецер. Усилиями ученых академии древнейшее российское прошлое стало предметом пристального изучения. Этому способствовали серии публикаций источников и разработка методик источниковедческой критики летописей и документов. В 1732—1766 гг. в России издавался многотомный сборник материалов по русской истории на немецком языке.

Наиболее дискуссионным для сотрудников академии был вопрос о происхождении раннего государства на Руси. **ГОТЛИБ ЗИГФРИД БАЙЕР** (1694—1738) и **ГЕРАРД ФРИДРИХ МИЛЛЕР** (1705—1783), создатели и популяризаторы *норманнской теории*, исходили из распространенной в европейской историографии мысли о завоевании как основополагающем моменте возникновения государственности и из тезиса о первостепенной роли самодержавной монархии в российской культуре. Согласно их концепции, основанной на летописном рассказе, первыми правителями на Руси были призванные князья-норманны (варяги): их «завоевание» положило начало российской государственности.

Эта теория на протяжении многих лет оспаривалась **МИХАИЛОМ ВАСИЛЬЕВИЧЕМ ЛОМОНОСОВЫМ** (1711—1765). В труде **«Древняя российская история»**, впервые изданном в 1776 г., Ломоносов попытался написать историю не правителей, но народа. Русская история, по мнению автора, началась задолго до княжения Рюрика, славянское происхождение которого он отстаивал. Для обоснования тезиса о древности славян, о том, что русский народ сложился еще во времена Великого переселения народов, Ломоносов использовал русские источники, а также произведения античных историков и географов. Вопрос о времени и способе происхождения государственности трактовался ученым как имевший непосредственное политическое значение. Описывая современность, Ломоносов связывал надежды на преобразования в России с деятельностью мудрого просвещенного монарха, идеалом которого служил Петр I. Впоследствии сходную оценку фигуре Петра давал Вольтер, который обращался к материалам труда Ломоносова, работая над сочинением «История Петра Великого».

Полемика по вопросу о норманнском завоевании в российской историографии была сопоставима со спорами германистов и романистов. Возникновение государственности рассматривалось как краеугольный камень новой национальной истории. Подобно романистам, сторонники Ломоносова критиковали идею завоевания, или привнесения власти извне, утверждая *версию органического развития народов.*

ИСТОРИКИ И ФИЛОСОФЫ XIX в.: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОШЛОМ

> История рассматривалась как особый тип существования, историческое сознание — как особый образ мысли, а историческое знание — как автономная сфера в спектре гуманитарных и естественных наук.
>
> *Хейден Уайт*

Историческая культура романтизма

Философы века Просвещения формулировали в своих трудах новые представления о порядке в природе, обществе и истории. С 1770-х гг. в разных странах эти идеи вдохновляли тех, кто стремился к практическому переустройству социального и политического порядка. Самый яркий пример давала Франция. В 1789 г. началась Великая французская революция, в 1792 г. была свергнута монархия и провозглашена республика. Следующий год ознаменовался казнью короля и якобинским террором. За революцией последовали восхождение к власти Наполеона, провозглашение империи, военные походы и завоевания, перекроившие карту Европы.

Великая французская революция вызвала острейшие споры своих противников и сторонников. Совершавшаяся на глазах современников история приводила к результатам, которые не укладывались в рациональную схему. Упорядоченная картина мира мыслителей XVIII в. была перевернута социальными потрясениями. Теории о скором наступлении царства разума, свободы и счастья перестали казаться правдоподобными. Осмысление опыта революции привело к пересмотру взглядов на общество как механическую сумму индивидов, способность разума к сознательному преобразованию мира, прогресс.

В этих условиях в Европе на рубеже XVIII—XIX вв. формируется идейно-художественное движение, впоследствии получившее название ***романтизма***. Романтизм в литературе был представлен такими писателями, как И.-В. Гете, И.-Ф. Шиллер, Э.-Т.-А. Гофман в Германии; В. Гюго, П. Мериме во Франции; П.-Б. Шелли, Д.-Г. Байрон, В. Скотт в Британии; В. А. Жуковский, А. С. Пушкин в России. Художники Э. Делакруа, Т. Жерико, У. Тернер, философы И.-Г. Фихте, Г.-В. Гегель, А. Шопенгауэр также отдавали дань этому течению. Романтизм во многом повлиял на направления и школы в искусстве и литературе, содействовал изменениям в науках, общественной мысли и философии первой трети XIX в.

Свое выражение романтизм нашел и в историческом знании. В это время история постепенно оформилась как самостоятельная дисциплина. И если в XVIII в. авторами исторических сочинений были по большей части философы, антиквары-коллекционеры, публицисты и литераторы, то уже в первой половине XIX в. изучение прошлого стало приобретать характер специализированной профессиональной деятельности. Широкую известность в Европе и мире получили труды таких историков, как О. Тьерри, Ф. Гизо, Ж. Мишле, А. Токвиль, Л. Ранке, Б.-Г. Нибур, Т.-Б. Маколей, Т. Карлейль, Н. М. Карамзин.

Авторы-романтики нередко противопоставляли свои взгляды теориям просветителей. Но романтизм во многом опирался на интеллектуальное наследие Просвещения. Деятели обоих направлений высоко оценивали способности человека, обращались в поисках ответов к природному началу. В различной степени и просветители, и романтики придерживались концепций постепенного движения и изменения человеческих обществ. При многих точках соприкосновения между просветительскими и романтическими взглядами существовали глубокие расхождения.

Первыми критиками жестких философских построений с романтических и консервативных позиций были представители позднего Просвещения. Способность этого течения к пересмотру своих идей продлила ему жизнь, так что в общественной мысли и в науках XIX в. влияние Просвещения было достаточно сильным. В историческом знании оно сказывалось на облике раннепрофессиональной истории, с ее требованиями научной точности исследования.

Идеи романтизма были выражены по-разному в различных странах. Раннее романтическое движение формировалось в последней трети XVIII в., в связи с общественной реакцией на революцию во Франции. В первой трети XIX в. эстетические, философские установки романтизма распространились повсеместно. В 1830-е гг. в общественной мысли началась критика ро-

мантических воззрений. Но утверждение реалистических принципов художественного творчества и распространение позитивистских идей в историческом знании не привели к полному отказу от них. Во второй половине XIX в. в культуре Запада интерес к романтизму возродился.

Несмотря на неоднородность взглядов романтиков, можно выделить ряд общих принципов, присущих этому идейному течению. Романтизм заново «открыл» природу — не рациональную механистическую природу Бэкона и Ньютона, подчинявшуюся познаваемым законам, а всемогущую творящую силу, которая лежала в основе всего сущего. Природа сама устанавливала правила, не подчиняясь разуму человека. Рассуждениям романтиков о величественной и дикой природе, наполненной внутренней гармонией, свободой и борьбой, соответствовали их представления о человеке — противостоящем миру индивиде с сильными и высокими чувствами, страстями, со способностью к интуитивному пониманию, вдохновению и творчеству.

Ключевым для романтиков был *принцип историзма*. Просветителями этот принцип воплощался в идее развития: все в природе и человеческом обществе подчинялось не подвластному воле людей поступательному движению. В сочинениях романтиков смысловые акценты были расставлены по-иному: движение истории понималось как органический процесс. У всех явлений появилось дополнительное — историческое — измерение: их следовало рассматривать в становлении, развитии, расцвете и упадке. История обозначала изменение, из которого проистекало разнообразие. Все явления прошлого виделись авторам-романтикам как неповторимые, уникальные. Каждое из них интерпретировалось внутри того времени, ценностей, представлений, культуры, к которым принадлежало. Так, в исторических сочинениях романтизма складывалось ощущение дистанции между настоящим и прошлым. Такой взгляд подразумевал, что все без исключения эпохи, как необходимые стадии роста человеческого сообщества, были по-своему значимы. В рассуждениях просветителей европейское средневековье получило устойчивую негативную оценку как время варварства, суеверий и невежества. В отличие от них, романтики культивировали интерес к средним векам, нередко идеализируя и поэтизируя этот период истории.

Народы, государства и культуры, согласно концепциям романтиков, развивались естественным образом. Под влиянием романтических философских построений распространенной стала мысль о том, что основу всемирной истории составляет движение некоего духа, последовательно раскрывавшего себя в истории народов (для Гегеля это была идея, для Шеллинга — мировой дух, для Фихте — эго-принцип как выражение Божественного

провидения). Романтики полагали, что философы-рационалисты Просвещения обращали недостаточно внимания на духовное основание действительности, пытаясь искусственно привнести в нее механический научный порядок.

Если просветители искали в прошлом общие и универсальные законы, то романтики сосредоточили внимание на уникальном и самобытном в национальной истории. Эти особенности связывались с чертами присущего каждой нации народного духа, в соответствии с которым происходило развитие национального государства.

Романтизм совпадал по времени с подъемом национальных движений в европейских странах, с завершением оформления национальных государств. Европа как совокупность национальных государств в первой трети XIX в. еще не сложилась. Вплоть до 1870-х гг. шли трудные процессы объединения итальянских государств, германских земель. Не случайно для мыслителей того времени были актуальными такие понятия, как нация, национальное государство, патриотизм. В их трудах национальная идентичность воплощалась прежде всего в особенностях жизни народа той или иной страны, внутреннем единстве языка и культуры. Историки ставили перед собой задачу изучения проявлений духа народа.

В первой половине XIX в. общественный интерес к истории был чрезвычайно высок. В 1823 г. французский историк Огюстен Тьерри утверждал, что именно история наложит свой отпечаток на XIX в. и даст ему имя, как философия дала свое имя веку восемнадцатому. Увлечение данной областью знания выражалось в разнообразных формах: труды известных историков читались, обсуждались в прессе и выдерживали несколько переизданий. Распространенной практикой стало чтение открытых лекций. В Европе и Америке создавались исторические общества, музеи, специализированные журналы. В ряде стран начали печатать многотомные собрания источников по национальной истории (некоторые из этих серий выходят и в наши дни, насчитывая сотни томов). Так, с 1826 г. стали издаваться «Памятники истории Германии»; с 1835 г. — «Неизданные документы по истории Франции»; в Италии с 1836 г. печатались «Памятники отечественной истории»; в США в 1832—1861 гг. было опубликовано 38 томов «Государственных документов Америки». Эта вторая волна публикаций источников, в продолжение деятельности эрудитов предшествующих веков, отвечала на запросы времени, отмеченного широким интересом к национальному прошлому.

Особой притягательностью обладали сюжеты, связанные с изучением народного творчества. Считалось, что дух народа, присущий ему неповторимый гений наиболее ярко проявлялись в языке, фольклоре, преданиях, обычаях. Исследователи-роман-

тики обращали внимание на историчность самого языка, этимологию понятий, на проблему происхождения языков. Ответы на эти вопросы давало изучение источников. Романтики собирали и публиковали тексты народных песен, легенд, обрядов, т. е. источники, считавшиеся прежде не важными, не заслуживающими внимания «серьезных» историков. Эта деятельность заложила основы будущих культурно-антропологических исследований.

В первой трети XIX в. история продолжала тесно сосуществовать с литературой, хотя постепенно выделялась в самостоятельную профессиональную дисциплину. Был создан новый литературный жанр — **исторический роман**, который получил огромную популярность среди образованной публики. Ему отдавали дань такие писатели, как В. Скотт, В. Гюго, О. де Бальзак, А. С. Пушкин, Дж. Ф. Купер. Исторический роман оказал большое влияние не только на художественную прозу и поэзию, но и на способы написания национальных историй.

Характерным примером являются романы шотландского писателя **ВАЛЬТЕРА СКОТТА** (1771—1832), вдохновившие не одно поколение историков на создание трудов. В произведениях Скотта («Айвенго», «Роб Рой», «Пуритане», «Квентин Дорвард» и др.), как правило, сюжет разворачивался на фоне событий шотландской, английской или европейской истории средневековья и нового времени. Вымышленные герои действовали рядом с известными деятелями прошлого, и литературный сюжет соединялся с элементами исторической реконструкции. Отдавая дань написанию национальных историй, Скотт нередко выстраивал роман вокруг борьбы народов — шотландцев, англосаксов — за независимость.

Писатель был активным членом Шотландского исторического общества, его сочинения основывались на тщательном изучении разнообразных свидетельств. Помимо романов, Скотту принадлежат исторические труды **«История Шотландии»** и **«Жизнь Наполеона Бонапарта»**.

В романах Вальтера Скотта прослеживается стремление воссоздавать яркие и точные в деталях картины минувших эпох. При этом прошлое изображалось как славное, героическое время рыцарей и разбойников, подвигов, благородства, коварства, тайн. Шотландский писатель был одним из тех популярных авторов, благодаря которым в культуре сложился образ романтического средневековья. В первой трети XIX в. сосуществовали разные стилевые нормы исторического письма как совокупности приемов, и направление, представленное Вальтером Скоттом, рассматривалось как разновидность исторического повествования.

Сочинения эпохи романтизма апеллировали не только к умению читателя здраво рассуждать и следить за аргументацией,

но и к его воображению, способности сопереживать историческим персонажам. Историков-романтиков интересовали различия между эпохами, уникальное и преходящее. Но при этом расстояние между современностью и отдаленным прошлым сокращалось за счет художественного воссоздания колорита прошедших веков. В тексте приводились красочные детальные картины повседневности того или иного времени, подробные описания духовного склада, чувств и мыслей действующих лиц. Читатель мог «увидеть» героев и героинь повествования вблизи. Именно за такую историю ратовал немецкий философ Иоганн Готлиб Фихте: эта история не излагает факты в хронологическом порядке, а чудесным образом переносит современников в гущу исторического прошлого.

Историческое письмо стало для романтиков способом выражения драмы жизни во всей ее полноте. В сочинении английского историка **ТОМАСА КАРЛЕЙЛЯ** (1795—1881) **«Французская революция»** (1838) недавнее прошлое французов интерпретировалось как грандиозный человеческий спектакль. Героями Карлейля были народ и выдающиеся личности того времени. Характерные черты повествования — сопереживание страданиям народа, возмущение жестокостью дореволюционных порядков, восхищение патриотизмом и духовным подъемом французов, осуждение революционного фанатизма, гнев по поводу казней и террора, детально разработанные исторические портреты, описание надежд, страхов того времени — создавали возвышенный образ ужасного и величественного события.

Историки и писатели романтизма уделяли большое внимание индивидуальности, внутреннему миру человека, жизненному опыту автора сочинений. Они обращались к индивидуальному сознанию, в котором можно было увидеть отражение природных сил и проявление Божественного в мире. В историческом повествовании на первый план нередко выходили герои и героини со своими чувствами и страстями. Они воплощали романтический тип гения, великого творца, чьи помыслы и дела накладывают отпечаток на его эпоху. С этих позиций Карлейлем была написана книга **«Герои, почитание героев и героическое в истории»** (1844), в которой развита идея о том, что именно выдающиеся личности и создают историю.

Романтической историографии было свойственно особое отношение к источнику. Сохранившемуся свидетельству следовало вернуть жизнь, чтобы читатели могли во всей полноте прочувствовать минувшие события. Публикаторы стремились к тому, чтобы читатель «услышал» голоса героев прошлого. Примером такого издания может служить издание Карлейлем в 1845 г. писем и речей деятеля Английской революции Оливера Кромвеля.

В романтической историографии, в отличие от рациональной историографии Просвещения, важная роль отводилась таким формам познания, как вчувствование и сопереживание, т. е. интуитивное понимание людей прошлого благодаря общности человеческого рода, чувствительности к сходству и различиям между временами. Поэзия и религия рассматривались как не менее значимые пути познания, чем философия и науки. Историками-романтиками была создана система образов, которые могли быть, по их мнению, непосредственно восприняты «глазами души». Такой путь мог вести к неточностям в их трудах, однако картины прошлого были яркими и захватывающими, даже если это достигалось исключительно благодаря силе воображения историка.

Направления романтической историографии

В историографии романтизма существовали разные течения. Идейные расхождения были в большой степени связаны с идеологическими предпочтениями авторов. В первой половине XIX в. общественное значение истории постепенно возрастало. Предполагалось, что она могла помочь отыскать ответы на вопросы о путях преобразования социального и политического устройства в государствах. От историков ожидали и сочинений, доказывающих необходимость перемен, и трудов, ориентированных на преемственность с прошлым.

В первые десятилетия XIX в. достаточно сильным влиянием в обществе обладали сторонники консервативных позиций. Это направление мысли восходило к трудам авторов конца XVIII в., крайне негативно оценивавших Французскую революцию.

В Англии предвестником консервативных романтических идей был публицист и политический деятель **ЭДМУНД БЁРК** (1729—1797). Его сочинение **«Размышления о революции во Франции»** (1790) многократно переиздавалось в Европе.

В книге Бёрка ставились важные для его современников вопросы. В чем заключались причины бедствий, порожденных Французской революцией? Почему дело, задуманное ради общего блага, привело к свержению монархии, казням, еще большей нищете и страданиям народа? По мысли автора, порочной была сама идея революционных преобразований. Любое государство с его правовым, социальным порядком должно было развиваться

естественным образом, наследуя «мудрости предков» и постепенно вырабатывая лучшие формы управления. За этим рассуждением стояла идея органической природы общества, представление о народе, государстве как индивидах, проходящих стадии становления и взросления для того, чтобы обрести свободу и гармонию.

По мнению Бёрка, к кризису привели идеи Просвещения. Механистический взгляд на общество, утверждение безграничных возможностей рационального переустройства мира — эти теории «века разума» трактовались им как трагически-ошибочные.

Во Франции на рубеже XVIII—XIX вв. были опубликованы труды Ж. де Местра, Л. Бональда, Ф. Р. Шатобриана. В них консервативный романтический взгляд на революцию обосновывался религиозным, провиденциальным ви́дением истории. Согласно взглядам графа **ЖОЗЕФА ДЕ МЕСТРА** (1753—1821), лучшим государственным порядком была монархия, подчинявшаяся церкви, римскому папе. Власть и порядок в государстве поддерживались не рукотворной конституцией, а народным духом, устоями, нравами и обычаями, господствовавшими над людьми. В сочинении де Местра **«Соображения о Франции»** (1796) обосновывалась мысль о том, что революция была результатом общей греховности народа, карой Провидения за гордыню. Писатель-романтик, публицист **ФРАНСУА РЕНЕ ДЕ ШАТОБРИАН** (1768—1848) в трактате **«Гений христианства»** (1802) писал, что человечество знало только одно революционное событие, изменившее судьбу людей, — пришествие Христа. Прочие попытки преобразовать мир были вызваны человеческим стремлением повелевать силами, которые скрыты от него и подвластны только Провидению. Автор, используя приемы романтического письма, пытался воссоздать колорит средневековья, когда, по его мнению, христианство вдохновляло искусства, облагораживало нравы.

Таким образом, общественный идеал консервативных романтиков лежал в прошлом. Современникам следовало отказаться от соблазнительных идей о насильственных переменах, гражданских свободах и правах, и обратить взгляды на «время рыцарей и святых», эпоху общественной гармонии, чистоты веры.

В Германии, где были сформулированы ранние теории романтизма, консервативные романтические идеи в историографии были представлены наиболее полно. В первую очередь это относилось к Пруссии и северогерманским государствам. Противопоставляя себя современной буржуазной культуре, немецкие романтики обращались к средневековому прошлому как к ушедшему миру чувств, мистики. В своих работах они отстаивали мысль о том, что для достижения гармонии в обществе требуется поддерживать формы патриархальных отношений, которые сохраня-

лись со средневековья, культивировать традиции, пытаться познать дух народа как мистическую, изначальную сущность.

Романтическое письмо нашло выражение в трудах **исторической школы права** — исследованиях **ФРИДРИХА КАРЛА ФОН САВИНЬИ** (1779—1861) и **КАРЛА ФРИДРИХА ЭЙХГОРНА** (1781—1854). В их работах выдвинут тезис о длительном естественном развитии законов, их соответствии национальной культуре и духу народа. В своем сочинении **«О призвании нашего времени к законодательству и науке о праве»** (1814) Савиньи полемизировал с теми, кто полагал, что право в любой стране являлось продуктом сознательной работы разума. Право, по мнению историка, следовало бы рассматривать как порождение национального гения, наряду с языком, традициями. Поэтому невозможно произвольно конструировать новые правовые установления. Реформы и революции понимались как противоречащие природе. Помимо этих идей, исследователи школы права сосредоточили внимание на доскональном изучении исторических источников, рассматриваемых как ценные свидетельства, в которых зафиксированы следы традиции.

Романтическое направление в историографии было представлено и в трудах сторонников либеральных преобразований общества. Во Франции в 20-х гг. XIX в. (после поражения Наполеона и реставрации монархии Бурбонов в 1815 г.) обострилась общественно-политическая борьба, которая в 1830 г. привела к установлению буржуазной Июльской монархии, затем к революции и образованию республики 1848—1851 гг., и впоследствии — к установлению новой монархии. В этих условиях сложилась **либеральная историческая школа**, связанная с деятельностью О. Тьерри, Ф. Гизо, Ф. Минье, А. Тьера. В работах этих исследователей, уделявших большое внимание политической истории средневековья и нового времени, соединились плодотворные идеи просветителей и романтиков. Из наследия Просвещения представителями либеральной историографии были восприняты критика дворянской аристократической системы управления, утверждений о возможности рационального познания и прогрессивном движении человеческих обществ. Эти взгляды были дополнены рассуждениями о новых принципах демократии — свободе слова, совести, печати, участии народа в управлении через систему выборов. Вслед за романтиками историки-либералы писали об органическом развитии общества, о героическом духе личности, ее свободе, достигнутой вместе со свободой нации. Во имя прогресса допускались не только реформы, но и революционные действия, хотя самыми позитивными считались умеренные преобразования. Представители либерального романтического направления историографии живо ин-

тересовались средневековьем; однако они трактовали это время как эпоху зарождения наций, третьего сословия, в остальном не слишком идеализируя ее.

В центре их исследований была, говоря словами **ОГЮСТЕНА ТЬЕРРИ** (1795—1856), «история граждан, история подданных, история народа». Французские историки, как правило, не были склонны наделять понятие народного духа мистическими чертами. Народы трактовались как своеобразные индивиды, с их особой культурой и духовным складом. Часто под народом понималось третье сословие — буржуа и люди незнатного происхождения. Такая трактовка имела особый политический смысл. В своих сочинениях **«История завоевания Англии норманнами»** (1825) и **«Письма об истории Франции»** (1827) Тьерри, говоря об истории современных наций, акцентировал внимание на моменте завоеваний в английском и французском прошлом. По мнению автора, со времен германского завоевания Галлии во Франции существовали две нации — господ-германцев и подданных-франков. Подобные рассуждения восходили к спорам германистов и романистов XVIII в. А. де Буленвилье и Ж.-Б. Дюбо, но историк делал из этого собственный вывод. Эти нации (враждебные «расы») вели борьбу за сохранение власти или за свободу. Французская революция XVIII в. и потрясения XIX в. были, по мнению Тьерри, выражением этой борьбы, которая завершится торжеством третьего сословия. Эта теория в известной степени предвосхищала идею непримиримой борьбы классов, сформулированную позднее в XIX в. Сама идея борьбы как принципа, заложенного в основании западного мира, романтическая. В работах **ФРАНСУА ГИЗО** (1787—1874) **«Опыты по истории Франции»** (1823), **«История цивилизации в Европе»** (1828) тоже проводилась мысль о том, что в результате германского завоевания французская история представляла собой постоянную битву побежденных с победителями. Но ее главной составляющей, по мнению Гизо, было противоречие между социальными группами, «борьба между сословиями».

В 30—40-х гг. XIX в. во французской историографии стало заметным демократическое романтическое течение. Историк **ЖЮЛЬ МИШЛЕ** (1798—1874) в своих произведениях **«История Франции»** (в 17 томах, 1833—1867), **«Истории Французской революции»** (в 7 томах, 1847—1857) сделал главным героем простой народ. Движимый «могучим инстинктом», народ воплощал лучшие качества нации. Мишле стремился описать историю революции «снизу», путем сопереживания и вчувствования в коллективные ожидания, страхи и надежды людей. Мишле первым среди историков Французской революции обратился к работе с архивными документами.

В сочинениях французских историков ставилась задача реконструкции неповторимого колорита прошлого. На смену античной риторике просветителей пришло детальное описание, историческое повествование, нередко облеченное в художественную форму. Сочинение Мишле, посвященное революции, по стилю напоминало эпическую поэму. В трудах французских историков-романтиков обозначилась такая черта, как соединение тщательной работы с источниками и установки на научность и яркую художественность текста. Происходило сближение принципов эрудитского знания, литературной политической истории и идеи научности, важное для ранней профессиональной историографии.

В России романтическая историография была представлена трудами **НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА КАРАМЗИНА** (1766—1826), историка и писателя, автора двенадцатитомной **«Истории государства Российского»** (1816—1829). Он впервые сделал российскую историю достоянием широкого читателя. Сочинение было написано прекрасным литературным слогом и задумывалось как «занимательное чтение». В основе труда лежала концепция, которая доказывала преимущества абсолютной монархии, гарантировавшей государству процветание и национальное могущество. При этом Россия и Запад не противопоставлялись друг другу. В соответствии с романтическими идеями, автор полагал, что различные народы были частями единой исторической картины, где каждый воплощал определенный этап становления человечества.

В 30—40-е гг. XIX в. российские историки так или иначе были вовлечены в идеологические споры; им приходилось отвечать на вопросы о путях развития России, ее отношениях с государствами Европы. Актуальность этой проблемы была усилена государственной идеологией официальной народности, в частности тезисом о коренном различии исторических путей России и стран Запада. Попытку обоснования идеи особого пути Российского государства предпринял историк и публицист **МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ ПОГОДИН** (1800—1875). В лекциях, прочитанных в 1832 г. в Московском университете, он ссылался на Тьерри и Гизо, которые обосновывали необходимость социально-политической борьбы во Франции германским завоеванием. По мысли Погодина, историю Российского государства отличало то, что она началась не с завоевания, а с мирного призвания правителей-варягов. Оно открыло дорогу «единению царя с народом», патриархальным гармоничным отношениям между помещиками и крестьянами.

Близких воззрений придерживались историки, литераторы, философы, относившие себя к *славянофилам*, — А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, П. В. Киреевский, К. С. Акса-

ков, И. С. Аксаков. Отвечая на вопросы о месте России в историческом пространстве славянофилы развивали идеи самобытности России, пагубности примера Европы для «русского духа», русской общины как носителя высшего начала, которому предстоит, по словам К. С. Аксакова, только преуспевать, очищаться и возвышаться. Сторонники этого течения стремились изучать быт, характер народа, его нравы и обычаи.

Противоположные взгляды отстаивали *западники-либералы* — литераторы и публицисты Н. В. Станкевич, И. С. Тургенев, А. И. Герцен, историки Т. Н. Грановский, П. Н. Кудрявцев, С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин. По мысли западников, для преодоления вековой отсталости России необходимо обратиться к западным образцам государственного управления, устройства социальной и экономической жизни. Профессор Московского университета **ТИМОФЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ГРАНОВСКИЙ** (1813—1855), сочетая романтические и просветительские идеи, в своих публичных лекциях по средневековой европейской истории акцентировал внимание на общих человеческих ценностях, на всеобщей истории. Вслед за немецкими философами-романтиками он полагал, что смысл человеческой истории заключался «в развитии духа рода человеческого». Российскому государству, по мнению историка, предстояло движение к большему либерализму, в соответствии с логикой развития европейских стран.

Постепенно пути истории и литературы расходились. Труд историка, как и труд литератора, становился профессиональным. Потребность в большей точности исследования источников вызвала к жизни направление в историографии, связанное с разработкой историко-критического метода. Это направление, в первую очередь было связано с именем **ЛЕОПОЛЬДА ФОН РАНКЕ** (1795—1886), профессора Берлинского университета, автора более шестидесяти произведений по истории стран Средиземноморья, Пруссии, Франции, Англии, истории папства, международных отношений. Ранке принадлежит тезис, часто цитируемый в XIX—XX вв., о том, что историк должен писать историю так, как это происходило на самом деле. Это высказывание подразумевало максимальную аккуратность и тщательность в работе с документами прошлого, предпочтение точности абстрактным теориям просветителей и художественным образам романтиков.

Труды Ранке соотносятся с произведениями романтической историографии. Принципы точности, исторической правды имеют в них этический и эстетический смысл. Ранке считал, что весь ход истории определялся Божественным провидением, и каждая деталь прошлого носила отблеск Божественного замысла, была неповторима. Ценность соответствия исторической

реконструкции тому, «как это происходило на самом деле», заключалась в стремлении воссоздать эти уникальные воплощения Божественной идеи.

Историку, согласно Ранке, надлежало работать с источниками и фактами. Критерием отбора свидетельств для немецкого автора было их значение для последующего развития событий. В своих трудах он исследовал в первую очередь международные отношения и политическую историю стран, используя, по его мнению, более достоверные, официальные источники. Установка на объективность исследования предполагала, что основное внимание следовало уделить эмпирическим изысканиям. Сам Ранке ввел в Берлинском университете новую форму работы со студентами — с е м и н а р, где критически анализировались источники по средневековой истории Германии. Школа Ранке оказала огромное влияние на историческое знание XIX и XX вв. В понимании его последователей история была познаваема. Прошлое уже состоялось, и его следовало воссоздать единственно истинным способом — опираясь на установленные процедуры научного познания. Таким образом, *истории придавался статус научного знания.*

Методика критики исторических источников детально разработана исследователем античности **БАРТОЛЬДОМ ГЕОРГОМ НИБУРОМ** (1776—1831). Согласно ему, историк должен был установить подлинность текста, последовательно ответить на вопросы о его происхождении, о влиянии на содержание документа представлений эпохи, сравнить все известные свидетельства для определения подлинных очертаний события и для критической оценки достоверности источника.

Интерпретация исторического процесса в философских системах первой половины XIX в.

В интеллектуальной культуре XIX в. был сформулирован ряд новых философских и научных теорий, претендовавших на целостное объяснение миропорядка, природы общества, исторического процесса. Большое влияние приобрели философско-исторические системы Г.-В.-Ф. Гегеля, А. Шопенгауэра, К. Маркса, критические идеи Ф. Ницше; концепции основоположников социологии О. Конта, Д. Милля; ес-

тественнонаучная теория Ч. Дарвина. Все эти построения оказывали воздействие на характер исторического знания XIX в.

Важную роль в формировании исторической и общественно-политической мысли XIX в. сыграла идеалистическая концепция немецкого философа **ГЕОРГА ВИЛЬГЕЛЬМА ФРИДРИХА ГЕГЕЛЯ** (1770—1831), развитая в таких сочинениях, как **«Лекции по истории философии»** (1833—1836), **«Философия истории»** (1837), **«Лекции по эстетике»** (1835—1838).

По замыслу Гегеля, предложенная им теория позволяла выявить сущность всей человеческой истории. В ней заново определялось соотношение Божественного и человеческого начал в мире, духа и материи, природы и человека. На формирование взглядов Гегеля оказали заметное влияние труды немецких философов Просвещения, произведения романтиков, идеи христианского мистицизма и теории античных философов.

Свои сочинения Гегель относил к сфере **философии истории**. Под этим понятием подразумевался такой взгляд на историю с позиции разума, который не фиксировал отдельные события, а был направлен на познание общих законов, управляющих частными явлениями, логики исторического процесса, смысла человеческой истории.

В основании гегелевской системы — универсальные законы *диалектики*. Согласно им, все явления духовной и материальной жизни находятся в непрерывном развитии, которое подчиняется общему правилу: каждое состояние любого явления неизбежно порождает свою противоположность. Эти противоположности вступают между собой в борьбу, которая завершается их объединением, синтезом на более высоком уровне. Достигнутое единство, в свою очередь, вызывает к жизни новую оппозицию, становясь исходной точкой для следующего витка борьбы и единства противоположностей.

Знание о принципе диалектического развития, по мысли Гегеля, позволяло объяснять любые стороны действительности — ход истории, человеческую мысль, феномены природы — и даже приближаться к пониманию Божественного замысла. Философская система была ориентирована на постижение всех составляющих бытия. В мире не было ничего неподвижного и завершенного. Всякая мысль или явление содержали в себе противоречия, и это делало возможным их развитие и достижение более высоких форм мысли и бытия. Немецкий философ полагал, что человеческий разум наделен способностью постигнуть истину, поскольку в нем выражался разум вселенский, мировой дух. Высшим основанием человеческого стремления к познанию был Божественный разум.

Гегель описывал мировую историю как процесс саморазвития мирового духа, Божественного начала. Природа представляла собой выражение духа в пространстве, история — во времени. Наивысшего раскрытия мировой дух мог достичь только в человечестве, которое, в свою очередь, было устремлено к своему Создателю. На вершине развития человек, по мысли Гегеля, придет к осознанию своего единства с Божественным духом. Таким образом, история, включающая все стороны человеческой культуры, служит познанию Богом самого себя. Изучение прошлого приобретало в этой связи особую значимость для людей.

Понятие духа включало в себя три составляющие — общее, единичное и особенное. Общим был сам Божественный дух. Под единичным понималось его воплощение в отдельном человеке; под особенным подразумевался дух отдельного народа. Именно народ рассматривался как герой всемирной истории. В разные периоды, по мнению Гегеля, на первый план выходили те или иные народы, с собственной миссией, раскрывшейся в определенное время.

Согласно взглядам немецкого философа, историю творили не герои, не великие личности: правители не изменяли произвольно ход истории. Она подчинялась не зависевшей от отдельной воли объективной закономерности, которую можно было постигнуть рационально. В истории народов такой внутренней закономерностью был, по мнению Гегеля, прогресс в осознании свободы. Так, свобода зародилась в культуре Древнего Востока, но ее становлению препятствовал восточный деспотизм. В античном мире человек пришел к осознанию ценности свободы, но одновременно существовала и ее противоположность — рабовладение. Государство как таковое, согласно Гегелю, наделялось особой, высшей функцией упорядочивания человеческого бытия, понималось как абсолютная цель разума и истинная свобода. Современные государства были близки к тому, чтобы гарантировать свободу своим гражданам. Оптимальная форма правления — конституционная монархия — должна была бы объединить раздробленные немецкие земли и утвердить дух либерализма.

В течение нескольких десятилетий вокруг трудов Гегеля в обществе разворачивались дискуссии. Последователи видели в его рассуждениях глубоко продуманную философско-историческую систему, которая позволяла создать универсальную картину мирового исторического процесса, где каждой стороне человеческого существования нашлось свое место. Из философской теории Гегеля следовали заключения, важные для исторического знания XIX в.

В соответствии с христианским мировоззрением, в концепции немецкого философа история представляла собой поступа-

тельное линейное движение, направленное к высшей цели — единению человечества с Богом. История подчинялась объективно существующим законам и проходила определенные стадии, в соответствии с уровнем развития человеческого и Божественного самосознания. Движение истории зависело не только от материальных причин — природных, политических, экономических, — но было обусловлено развитием идей. Внутренней движущей силой, основным принципом любого развития Гегель считал диалектику. Диалектические противоречия существовали, согласно Гегелю, прежде всего в сфере сознания, в области идей, культурных и нравственных ценностей.

Критики философско-исторической системы Гегеля указывали на то, что в ней существовала всеобщая предопределенность, которая ограничивала индивидуальные возможности человека и не принимала во внимание элементы иррациональности, случайности. Другие обращали внимание на то, что в гегелевской системе все существующее в мире трактовалось как необходимое; таким образом, и справедливость, и зло получали одинаковое оправдание.

Мистические христианские идеи философа не находили единодушной поддержки у исследователей в областях естественных и точных наук — сфере, во многом диктовавшей интеллектуальные правила в Европе второй половины XIX в.

Теория Гегеля интерпретировалась по-разному. Немецкий философ **КАРЛ МАРКС** (1818—1883), основоположник крупной философско-исторической системы, во многом отталкивался от рассуждений Гегеля. Теория Маркса приобрела большое общественное влияние в XIX в. На протяжении всего XX в. к ней возвращались историки, философы, ученые, общественные деятели. Несмотря на связь положений концепции Маркса с гегелевской системой, в ней давалось иное истолкование исторического процесса. Основной тезис Гегеля был «перевернут». Для ответа на вопрос, что определяло всеобщий порядок вещей в мире, Маркс обращался в первую очередь не к сфере духа, но к области материальной жизни, отношениям производства и собственности. Теорию Маркса принято характеризовать, в противоположность идеалистической системе Гегеля, как материалистическую.

К началу 50-х гг. XIX в. в европейской культуре сложился новый интеллектуальный климат. К этому времени в государствах Европы завершился период буржуазных революций и в общих чертах оформился парламентско-конституционный строй. Середина и вторая половина XIX в. проходили под знаком стремительного роста городов, промышленного производства, изменений в сфере технологий, повседневной культуре. Эти процес-

сы вызвали к жизни ряд сложных социальных проблем, которые активно обсуждались в обществе.

С 1840-х гг. в науках развивается новое направление — ***позитивизм***. В целом общий дух времени отмечен возрождением просветительского оптимизма и верой в общественный прогресс. В историческом знании утверждался примат научных методов познания, среди которых большим авторитетом пользовались методы естественных наук. Среди исследователей исторического процесса культивировался интерес к естественным законам, которым подчинялись природа и человек (как биологическое и социальное существо). Основное внимание направлялось на изучение не индивидуального, но всеобщего, постоянно действующего. Предметом исследования становилась история без имен людей и даже без имен народов.

В одной из ранних работ — **«Критике гегелевской философии права»** (1844) — Маркс подверг критике основные положения теории Гегеля. По мысли автора, общественные институты, политические процессы, юридические нормы не могли быть объяснены развитием духа. Все они представляли собой следствие материальных условий жизни людей того или иного времени. В своих сочинениях Маркс последовательно развивал эту идею. Изучение материальных условий труда показывало, что различным эпохам соответствовал разный уровень развития техники, производства, т. е. производительных сил. В процессе производства, согласно взглядам Маркса, люди вступают в отношения, не зависящие от их воли. Эти отношения собственности и власти, складывающиеся вокруг производства, — производственные отношения — образуют экономическую структуру общества и определяют сознание людей.

Таким образом, в противоположность Гегелю, Маркс полагал, что именно общественное бытие создавало те или иные формы сознания. Над экономическим базисом надстраивались политические, юридические, идеологические структуры. Способ производства, по Марксу, изменяясь во времени, вызывал перемены в сфере идей. Воззрения, которые доминировали в какую-либо эпоху, были идеями господствующего класса.

Для Маркса главным предметом исторического изучения было общество — его устройство, отношения, существовавшие между социальными группами, классами в разные эпохи. Стремление философа выявить типологию обществ, понять законы, которые управляли его жизнью, роднило эти исследования с разработками естественных и точных наук.

По мысли Маркса, в свое время именно труд отделил человека от животного. На определенном этапе труд стал принудительным, и процесс производства оказался связан с такими понятия-

ми, как частная собственность и отчуждение. Все прошедшие эпохи, согласно Марксу, характеризовались присущими им социальными противоречиями. Государство и общество веками воссоздавали отношения несвободы. Знаменитый тезис Маркса гласил: «Философы лишь различным образом о б ъ я с н я л и мир, но дело заключается в том, чтобы и з м е н и т ь его»*. Однако жизнь невозможно было изменить одними лишь требованиями справедливости. Следовало упразднить частную собственность революционным путем. Так, философская теория, в соответствии с рассуждениями Маркса, должна была иметь прямые практические выходы. В этой связи Марксом и его сподвижником **ФРИДРИХОМ ЭНГЕЛЬСОМ** (1820—1895) был разработан текст **«Манифеста Коммунистической партии»** (1848).

Согласно концепции Маркса и Энгельса, в основе исторического процесса заложена идея линейного движения, постоянного развития, которое происходило независимо от воли людей. Это ви́дение было близко христианскому представлению об истории (хотя философы противопоставляли свои взгляды религиозной картине мира). История человечества устремлялась из прошлого в будущее, от рабства к освобождению, справедливому бесклассовому обществу. Процессом развития управляли объективные законы. Все в мире, в соответствии с идеей Гегеля, подчинялось универсальному принципу диалектики, благодаря которому можно было постигать внутренние механизмы исторического процесса и общественного устройства. История общества трактовалась Марксом с точки зрения истории классов и борьбы между ними.

В трудах Маркса и Энгельса формулировался следующий закон: в любом обществе производственные отношения должны соответствовать уровню развития производительных сил. Когда это соответствие нарушалось, в обществе наступал конфликт, завершавшийся революцией и переходом к более высокому уровню и производительных сил, и отношений производства. По мере совершенствования орудий труда, техники изменялись социально-экономические отношения, которые, в свою очередь, трансформировали идеологию и общественные институты. Каждая стадия этого процесса была ознаменована сменой общественно-экономической формации. История, таким образом, рассматривалась как процесс смены социально-экономических формаций. Всего в прошлом, настоящем и будущем, согласно Марксу и Энгельсу, можно было выделить пять формаций: первобытно-общинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую, коммунистическую.

---

* *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. М., 1955. Т. 3. С. 4.

В системе Маркса и Энгельса был предложен взгляд на мир и историю через призму экономических отношений. Теория оказала огромное влияние на интеллектуальную культуру Запада и России. К концу XIX в. многие историографические течения так или иначе соотносили себя с ***марксизмом*** — отрицая либо принимая эту историческую концепцию, иногда адаптируя ее отдельные элементы. В национальных исторических школах ряд исследователей — П. Лафарг во Франции, А. Лабриола в Италии, Г. В. Плеханов в России — стремились разработать проблематику, связанную с историей конкретных стран и периодов, в соответствии с теорией К. Маркса.

Интерпретация исторического процесса в философских системах второй половины XIX в.

Известное высказывание Маркса и Энгельса — «мы знаем одну-единственную науку, науку истории» — достаточно точно характеризует интеллектуальную культуру второй половины XIX в. Разделяемые в обществе представления о том, что история была способна дать объективное знание о прошлом, помочь разрешить острые социально-политические проблемы, подтверждали высокий статус исторического знания. Российский публицист и критик В. Г. Белинский называл XIX в. веком по преимуществу историческим и подчеркивал, что вся деятельность вырастает из исторической почвы и на исторической почве.

В то же время в отдельных трудах высказывались идеи о необходимости переосмыслить господствующие представления об историческом процессе или переоценить само место истории в культуре. Такие сочинения вызывали, как правило, критику или неприятие современников.

В России в 1869 г. был опубликован философско-исторический труд **НИКОЛАЯ ЯКОВЛЕВИЧА ДАНИЛЕВСКОГО** (1822—1885) **«Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому»**. Отзывы об этом произведении во второй половине XIX—XX в. были разнообразными: его называли и курьезом, и глубоким исследованием, предвосхитившим концепции О. Шпенглера и А. Тойнби. О Данилевском говорили и как об идеологе русского самодержавия,

панславизма, и как об опередившем свое время создателе *цивилизационной теории.*

Ко времени публикации книги «Россия и Европа» в гуманитарных, общественных науках возрос авторитет объективного знания, основанного на изучении фактов. Ученые, работавшие в пределах разных дисциплин, стали чаще обращаться к естественнонаучной аргументации, проводя параллели между законами, действующими в природном мире и управляющими жизнью общества. Данилевский занимался серьезными исследованиями в области ботаники, зоологии, этнографии. Из этих областей знания он заимствовал подходы и понятия, которые применил для изучения истории цивилизаций.

По мысли ученого, общечеловеческой цивилизации никогда не существовало. Поэтому некорректно было рассуждать об истории как о едином процессе, охватывающем все народы, о всеобщем прогрессе. Вместо этого следовало говорить о развитии отдельных культурно-исторических типов. Под ними понимались самостоятельные типы религиозного, социального, бытового, промышленного, политического, научного, художественного, исторического развития, носителями которых выступали естественно сложившиеся группы народов. Культурно-историческим типам, или цивилизациям, как и разным видам флоры или фауны, были присущи характерные черты, сформировавшиеся под влиянием природных и исторических факторов. Далеко не все народы, согласно Данилевскому, сумели создать свой тип развития, оставшись на периферии других цивилизаций.

Исследователь выделял десять культурно-исторических типов: египетский, китайский, ассирийско-вавилоно-финикийский, индийский, иранский, еврейский, греческий, римский, новосемитический (аравийский) и германо-романский (европейский). К ним автор добавлял мексиканский, или перуанский, которые погибли, не успев пройти полный цикл своего развития. По мере того как каждый из них выполнял свою историческую миссию, на его место приходил следующий. По мысли Данилевского, европейский тип должен был в скором времени уступить место новому — славянскому.

Культурно-исторический тип мог развиваться «уединенно» (как китайский и индийский) или «преемственно», оставляя результаты своей деятельности следующей цивилизации. Именно по этому пути двигался западный мир, воспользовавшийся наследием предшествовавших культур, и это обстоятельство позволяло, по мнению философа, объяснить быстрый прогресс Запада.

Описывая культурно-исторические типы, Данилевский обращался к терминологии и правилам естественных наук. В сочинении утверждалось, что существуют некоторые общие закономер-

ности, которым подчинена жизнь цивилизаций как исторических организмов. В книге было названо пять законов исторического развития. В соответствии с ними, культурно-исторический тип составлял народ или семейство народов, характеризуемые отдельным языком или группой близких языков. Для развития цивилизации было необходимо, чтобы народ обладал политической независимостью. Цивилизация достигала вершины развития в том случае, если составлявшие данный тип народы — «этнографические элементы» — были разнородны и образовывали не одно, а несколько государств. Период существования цивилизации каждого типа был сравнительно короток. Сами начала цивилизаций не передавались народам другого культурно-исторического типа.

Таким образом, все цивилизации мыслились как изолированные, не способные к взаимному влиянию. Культурные ценности не могли передаваться от одной группы народов к другой.

Из этих рассуждений вытекало несколько следствий. Так, согласно Данилевскому, подразделение мировой истории на древность, средневековье и новое время было условностью. Каждая цивилизация проходила периоды юности, расцвета и упадка. История не знала такого события, которое значило бы одно и то же для всего человечества. Китаю или Индии, по словам исследователя, не было дела до падения Римской империи.

Невозможно было назвать более или менее высокоразвитые культуры или найти для всех общий критерий прогресса. Данилевский все же формулировал цель, к которой стремилась история: это всестороннее изучение исторической деятельности человечества во всех направлениях. Идеал общечеловеческой цивилизации, по мысли ученого, может быть достигнут либо последовательным, либо совместным развитием всех культурно-исторических типов.

Сочинение Данилевского имело сильный идеологический подтекст. Тезис об отсутствии единого цивилизационного «стандарта» вел автора к критике европоцентризма. Романо-германскому миру не следовало придавать статус образца для всех народов и, прежде всего, для России. По мнению ученого, между Россией и Западом извечно существовали взаимное непонимание и неприязнь. Их можно было объяснить тем, что народы Европы и России относились к разным культурно-историческим типам, один из которых уже сходил со всемирной сцены, а другому только предстояло появиться на свет. Ошибочным, согласно автору, было стремление российских государственных деятелей и интеллектуалов перенять европейские культурные нормы и ценности. Такое заимствование было в принципе невозможным: у России был свой путь и собственные культурные ориен-

тиры. Концепция была выстроена так, чтобы обосновать закономерность возвышения славянского культурно-исторического типа, указать на его уникальность, на то особое место, которое он должен был занять среди народов.

Данилевский писал, что перед Россией стояла задача объединения славянских народов, которые должны образовать самобытную цивилизацию. Он считал славянство культурно-историческим типом, явлением одного порядка с эллинизмом, латинством, европеизмом. Для достижения этой цели следовало создать Всеславянский союз или Славянскую конфедерацию во главе с Россией и со столицей в Царьграде (Константинополе).

В сочинении «Россия и Европа» получали обоснование внешнеполитические великодержавные устремления Российской империи на Балканах и Черном море. Новое понимание исторического процесса увязывалось автором с идеями панславизма и критическим взглядом на культуру Европы. В среде либерально настроенных интеллектуалов книга Данилевского получила критическую оценку, в первую очередь за свою идеологию. Большой интерес у следующих поколений читателей этого сочинения вызвали теория культурно-исторических типов и попытка автора привнести законы и правила естественных наук в историческое знание.

Труды немецкого философа **ФРИДРИХА НИЦШЕ** (1844—1900) при жизни автора вызвали реакцию отторжения у читателей и критиков. Сам Ницше называл себя борцом со своим временем.

Произведения философа были посвящены систематическому разбору и опровержению оснований западной культуры. К ним относились и позитивизм с верой в факт, и убежденность в прогрессивном развитии («прогресс — всего лишь новомодная идея, к тому же ложная»), и моральные ценности, построенные на христианской религии (согласно философу, на «морали рабов»). Одно из главных заблуждений современного мира, по мнению автора, заключалось в отказе людей от «жизни», от самих себя в пользу вымышленных абсолютных истин, болезненной слабости и неспособности к творчеству. Известное высказывание Ницше о «смерти Бога», его «убийстве» западной цивилизацией должно было возвестить о скором наступлении новой эпохи сверхчеловека. Новый человек, оставшись один, после гибели Бога должен был создать новый земной смысл жизни, сбросив оковы традиций, предрассудков, долга, покорности перед государством, иллюзий потустороннего мира.

Среди наиболее важных произведений Ницше — **«Веселая наука»** (1882), **«Так говорил Заратустра»** (1883—1885). В середине 1870-х гг. философ планировал создать цикл сочинений под общим названием «Несвоевременные размышления». Из двадцати

работ, которые должны были войти в этот цикл, Ницше написал всего четыре. В их числе — трактат **«О пользе и вреде истории для жизни»** (1874).

В трактате критиковались общественные представления о назначении истории и черты исторического сознания конца XIX в. Современную ситуацию философ описывал как «чрезмерность истории». Эта характеристика становится понятной, если принять во внимание тот факт, что историческая наука трактовалась как «наставница жизни», духовная основа европейской культуры.

Согласно Ницше, следовало задуматься над тем, какую пользу современному человеку может принести знание о прошлом. Эта полезность и должна была определять статус исторической дисциплины. Жизни, по мнению философа, надлежало быть наставницей истории.

В соответствии с рассуждениями Ницше, существовало три вида истории — монументальная, антикварная и критическая. *Монументальная* история искала в прошлом примеры выдающихся поступков и вдохновляла деятельных людей, тех, кто нуждался в образцах, учителях, утешителях и не мог найти таковых среди своих современников. Монументальная история была способна научить пониманию великого и побудить человека к совершению поступков. Но, как утверждал Ницше, она же могла принести немало бед людям, соблазняя их кажущейся легкостью подвигов, подталкивая к войнам, революциям, убийствам. Эта история заставляла пренебрежительно относиться к целым эпохам.

Антикварная история принадлежала, по словам Ницше, тому, кто охраняет и почитает прошлое. Это история традиции, привязывающая человека и народ к их родине, обычаям, но отвергающая нововведения. Для антикварной истории «все мелкое, ограниченное, подгнившее и устарелое приобретает свою особую, независимую ценность и право на неприкосновенность вследствие того, что консервативная и благочестивая душа антикварного человека как бы переселяется в эти вещи и устраивается в них, как в уютном гнезде»*. По мнению Ницше, такая история постепенно вырождалась, теряя связь с жизнью и превращаясь в накопление разрозненных бесполезных фактов.

В этой связи человеку был необходим новый способ изучения прошлого, который дал бы ему силы «разбивать и разрушать прошлое, чтобы иметь возможность жить дальше». *Критическая* история позволяла настоящему судить прошлое. Философ утверждал, что приговор современников, как правило, несправедлив, поскольку его диктовало не объективное надлич-

* *Ницше Ф.* Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 174.

ностное знание, а стремление переоценить и преодолеть традицию. Такой суд над прошлыми поколениями, согласно Ницше, опасен. Он влияет на ныне живущих людей, так как они являются продуктами заблуждений, страстей, ошибок и даже преступлений своих предшественников. Связь поколений неустранима, и желание создать себе новое прошлое заставляло человека мучительно бороться со своей природой. Кроме того, критическая оценка прошлого разрушала спасительные иллюзии, с утратой которых человеческая жизнь теряла смысл.

По мнению автора, господствовавшее в обществе понимание истории приносило больше вреда, чем пользы. Человеку предлагалось жить с постоянной оглядкой на прошлое. «Насыщение историей» рождало ощущение собственной ничтожности, старости, неспособности к творчеству. Тот, кто верил в историю, лишался веры в самого себя. Как писал философ, историю могут вынести только сильные личности, слабых же она совершенно подавляет.

Критика исторического знания в XIX в. была дополнена важным рассуждением о проблеме объективности исторического познания. Ницше стремился показать несостоятельность веры в могущество фактов, иллюзорность «объективной истории». Факты, по мысли философа, сами по себе глупы; им придает смысл историк, их интерпретирующий. Требовать от него бесстрастной объективности, по мнению Ницше, не более чем «неудачная мифология». Пишущий историк был подобен художнику, активно создающему произведение искусства. Поэтому результатом исторического исследования могло быть только художественно правдивое, а не исторически верное изображение. Объективно мыслить историю, как утверждал Ницше, — значит проделывать сосредоточенную работу драматурга, а именно разрозненное сплетать в целое, исходя из предположения, что в вещи необходимо вложить некое единство плана, если даже его раньше в них не было.

Идеи немецкого философа приобрели особую актуальность для исторического знания второй половины XX в., когда исследователи попытались переосмыслить основные принципы, на которых с XIX в. основывалась историческая дисциплина.

Глава 7

ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ второй половины XIX — начала XX в.

> Исторические законы существуют только в идее, в качестве посулатов. Точно так же и в области массовых явлений... нет никаких законов, а есть лишь выведенные путем аналогии эмпирические обобщения... Правда, эти обобщения могут служить путеводной нитью при установлении и группировке фактов и часто дают предположению высокую степень вероятности; но каждое предположение всегда нуждается в специальной проверке на фактическом материале.
>
> *Эдуард Мейер*

Многие тенденции, обозначившиеся в философии истории и исторической мысли XVII—XVIII вв., получили впоследствии свое развитие в тех подходах к проблеме исторического познания и содержания исторического знания, которые сформировались в середине XIX в. и продолжали определять интеллектуальную ситуацию в первой половине XX в. В XIX в. идея прогресса становится подобна символу веры. Это учение имело свои корни в созданной в XVIII в. концепции истории как прогресса человечества по пути рациональности, но в XIX в. знание было отождествлено с естественными науками, а естественные науки — с техническим прогрессом.

История в целом рассматривалась как поступательный процесс развития человеческого общества от низших форм к высшим. Признавалась возможность объективного анализа исторического процесса и всех его составляющих. Главное внимание уделялось критике источников и совершенствованию методов исследования. Вместе с тем имели место серьезные идейные расхождения историков в подходе к прошлому и в его оценке. Каждое направление той или иной философской школы базировалось на выделении какого-то одного определяющего фактора развития, и на данной основе создавалась общая теория исторического процесса. Это могло быть движение Абсолютного духа, Божественное провидение, прогресс человеческого разума или развитие производительных сил, но всех объединяло убеждение в существовании некоего всеопределяющего начала, которое обусловливало общественное развитие.

Историографию второй половины XIX в., с ее уверенностью в своих познавательных возможностях, не зря называют ***классической***. В этот период ее социальный статус достигает небывалой высоты. Для ведущих направлений исторической мысли этого времени характерна убежденность в научности истории, стремление представить историческое знание как объективное и достоверное, базирующееся на критике источников и наличии критериев познания прошлого, заложенных в понятиях общественной пользы, нравственности, права, свободы воли, в государственных институтах.

В конце XIX — первой половине XX в. на первый план выступает противостояние по проблеме квалификации истории как науки (конфликт сторонников так называемых номотетического и идеографического методов), возникает стремление акцентировать внимание на специфических проблемах гуманитарного знания, усиливается интерес к единичному, индивидуальному и неповторимому, к деятельности исторических личностей и к событийной истории.

Позитивизм и научная история

Развитие исторической науки во второй половине XIX в. шло очень сложным путем. С одной стороны, на историографию продолжали оказывать влияние романтические идеи (особенно в первые десятилетия этого периода), с другой — на первый план вновь выдвигается рационалистическая концепция, однако уже в значительно преобразованной форме.

В середине XIX в. преобладали попытки подчинения исторического познания социологическому. История не рассматривалась как самостоятельная научная дисциплина с собственным предметом и методами исследования, а при изучении прошлого преимущественное внимание уделялось государственным деятелям и политико-правовым институтам. Исторический материализм оказывал на практику исследований незначительное влияние. Огромную роль в развитии методологии изучения конкретных отношений и процессов прошлого и настоящего сыграл позитивизм, воспринявший от рационализма XVIII в. веру в безграничный прогресс общества, убеждение в определяющей роли научных и технических знаний для всего исторического развития.

Но в то время как рационализм XVIII в. основывался главным образом на достижениях математики и механики, позитивизм возник в эпоху огромных успехов естественных дисциплин, особенно наук о живой природе. Влияние этих наук, достигших в учении Ч. Дарвина своей наивысшей точки, позволило заменить представление о механическом развитии общества идеей его органического развития. Позитивисты признавали объектом науки только общее в изучаемых явлениях. Моделью для них являлось естествознание.

После публикации труда Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора» (1859) представление о природе как статической системе было окончательно отброшено, и коренным образом изменились отношения между историей, имевшей своим предметом развитие, и наукой о природе, предмет которой ранее полагался неизменным. Понятие «эволюция» стало для них общим, а методы естествознания казались вполне приемлемыми для изучения исторических процессов. Таким образом, стиралось принципиальное различие между историческим и естественнонаучным познанием.

Позитивисты считали, что наука складывается из двух элементов: во-первых, из установления фактов (в их прямом восприятии); во-вторых, из разработки законов, путем обобщения фактов посредством индукции. Философы-позитивисты утверждали, что история, коль скоро она ставит задачей простое открытие фактов, не может адекватно отображать прошлое и перестает быть научной. Ведь каждая естественная наука также начинает с открытия фактов, но затем переходит к обнаружению причинных связей между ними. Опираясь на представление об объективности исторического познания, позитивисты уподобляли статику и динамику в обществе соответствующим понятиям в физике и ставили задачу обнаружения вечных и неизменных естественных законов общественной динамики, с помощью которых предполагалось не только объяснять прошлое и настоящее, но и предсказывать будущее. Познание закономерностей общественного развития позитивисты объявляли целью истории. Всемирная и национальные истории трактовались как воплощение универсальных законов. Предполагалось, что общество есть сумма действий отдельных личностей, находящихся под давлением общих условий. Вопрос о необходимости проникновения исследователя в историко-культурный контекст изучаемой эпохи вообще не ставился.

Среди позитивистов господствовал взгляд на историю как сумму изолированных друг от друга событий. Согласно строгой позитивистской формуле, каждое из них должно было рассматриваться не как уникальное, но как событие определенного ти-

па, и объяснить его — значило выявить причину, общую для всех событий данного типа. Позитивистская философия оказала определяющее и чрезвычайно долговременное влияние на представления об историческом факте.

Исторический факт, согласно полной аналогии с непосредственно наблюдаемым естественнонаучным фактом, рассматривался как отдельный изолированный объект, независимый от всех остальных и от познающего его исследователя. Считалось, что факты присутствуют в готовом виде в источниках, и каждый из них может быть установлен и исследован без связи с другими. Задача заключалась в том, чтобы их обнаружить, а затем выстроить прочное здание исторической концепции, причем все субъективные моменты, связанные с точкой зрения исследователя и оценкой факта, исключались.

Результатом выполнения первой части позитивистской программы — установления *всех* фактов — был громадный прирост исторического знания, основанного на пристальном внимании к деталям, предельной точности в исследовании источников. Усилиями историков были изданы и подвергнуты критике многочисленные коллекции источников: королевских указов, надписей, хроник, актов, археологических материалов. Установление новых фактов было делом настолько увлекательным, что реализация второй части этой программы — разработки законов — отходила на задний план.

Один из основоположников позитивизма выдающийся французский философ **ОГЮСТ КОНТ** (1798—1857) отводил истории вспомогательную роль в научном познании. Он предложил создать новую теоретическую науку — социальную физику, или социологию, которая должна была стать «сверх-историей». В ее задачу входил анализ причинных связей между фактами человеческой жизни, которые обнаруживали историки. Именно социологам предстояло научно осмыслить исторические факты, открыть законы и тем самым поднять историю до ранга науки. В философии Конта схема общего хода истории представлялась в виде последовательности трех типов мышления: *теологического* (фиктивного) — в древности и средневековье, *метафизического* (отвлеченного) — в XVI—XVIII вв., *научного* (позитивного), основанного на опытном знании нового времени. Этим типам мышления соответствовали три стадии развития общества. Конт придавал огромное значение влиянию социальных факторов на деятельность человека, социально-политического контекста — на развитие культуры. Одновременно он подчеркивал, что именно идеи управляют миром и «переворачивают» его.

Другой выдающийся представитель позитивизма англичанин **ДЖОН СТЮАРТ МИЛЛЬ** (1806—1876) заявлял о своей приверженности концепции Вико с его идеями закономерной связи исторических событий и закона прогресса. Он полагал, что закон может быть установлен путем простого перечисления признаков наблюдаемого явления. Милль утверждал, что в общественной жизни люди обладают лишь такими свойствами, которые вытекают из законов природы отдельного человека и могут быть к ним сведены, а сложение причин есть всеобщий закон общественных явлений. При этом считалось, что методология истории должна быть ориентирована не на изучение деятельности индивидов, а на выявление той роли, которую играют общественные отношения и мировоззрение в индивидуальной деятельности исторических личностей. Действия людей представлялись как совокупный результат общих законов человеческой природы и собственного индивидуального характера данного человека.

Идеи Конта были развиты И. Тэном и Г. Спенсером под прямым влиянием успехов биологии. Крупнейший английский философ-позитивист **ГЕРБЕРТ СПЕНСЕР** (1820—1903) создал целостную модель социальной эволюции. Сопоставив общество с живым организмом, он увидел в процессе дифференциации и усложнения функций основной закон развития всей человеческой истории. Спенсер, как и Конт, указывал на повторяемость явлений прошлого и возможность причинно-следственного объяснения исторических фактов. Он выделял внешние (природные) условия и внутренние (видовые биологические и психологические) факторы развития человечества. Те и другие, выступая как первичные факторы, производят вторичные: взаимодействия между индивидами и обществом, материальные и духовные результаты его развития, изменение природных условий.

Французский историк, литературовед, искусствовед и философ **ИППОЛИТ ТЭН** (1828—1893) применил к развитию общества дарвиновское учение о борьбе за существование и тезис об определяющей роли окружающей среды, обеспечивающей прогресс. Историческую науку он называл «психологической анатомией». В своем основном историческом труде **«Происхождение современной Франции»** (1876—1893) он, исходя из разработанного им так называемого «психологического метода», объяснял общественную психологию совокупным взаимодействием «расы» (национальных особенностей), «среды» (природно-географических и социально-политических условий) и исторического момента.

В результате работы философов-позитивистов возникла новая дисциплина — социология, которая стремилась присвоить себе установление общих и непреложных законов всего общественного развития на основании данных истории и путем приме-

нения методов естественных наук. Но независимо от спора между социологами и историками о том, кому принадлежит право открывать законы развития общества, позитивистская историография сформировалась на твердой уверенности в закономерности исторического процесса.

Классическим примером приложения принципов позитивизма к историографии является знаменитый труд **ГЕНРИ ТОМАСА БОКЛЯ** (1821—1862) **«История цивилизации в Англии»** (1857—1861). Последователь Конта, Бокль критиковал тех историков, которые полагали, «будто их дело только рассказывать факты». Он подчеркивал научный статус истории и видел ее главную задачу в обобщении отдельных фактов и открытии универсальных «законов человеческого духа», которые мыслились им как результат влияния на человека и его деятельность природных факторов. Вся история человечества, согласно взглядам Бокля, — это или история зависимости человека от природы, что имеет место вне Европы, или стремление к господству человека над природой, присущее европейской цивилизации. Таким образом, культурно-исторические традиции оказывались прямыми производными от внешних природных условий. В то же время основным источником исторического прогресса у цивилизованных народов Бокль считал развитие знаний и идей.

Рассматривая, подобно всем позитивистам, историю человечества как продолжение истории природы, Бокль опирался на *статистику*. Эта наука, анализируя цифры, в которых уравновешиваются и поглощаются проявления индивидуальных действий, мотивов и страстей, лучше всего, по мнению автора, способна раскрыть законы истории общества. Бокль утверждал, что статистика дает самые обширные сведения не только о материальных интересах людей, но и об их нравственных особенностях. Историку нужно заниматься не биографиями отдельных выдающихся личностей, а изучением природной среды, распределения богатств, прироста населения и особенно уровня знаний. Вслед за просветителями XVIII в. Бокль отождествлял прогресс общества с прогрессом науки.

Позитивистская методология истории в целом опиралась на теорию равноправных взаимодействующих факторов и исходила из следующих основополагающих принципов научной работы: особый закон соединяет исторические явления в причинные ряды; эти ряды явлений образуют единый исторический процесс закономерного развития, или эволюции; основной движущей силой развития являются народные массы, а не отдельные личности. В теории позитивистская историография выдвигала принцип беспристрастности научного исследования и исключения оценочных суждений, что далеко не всегда соблюдалось на практике.

Формирование историографических школ

В 60—80-е гг. XIX в. формируются новые школы и направления. В рамках позитивистской историографии между отдельными школами существовали заметные различия.

Профессор истории искусств Базельского университета **ЯКОВ БУРКХАРДТ** (1818—1897), воспитав целое поколение историков, создал собственную школу. В своей общеисторической концепции он, в противоположность Ранке, выдвинул на первый план не государство и политику, а историю духовной и материальной культуры человечества — быта, техники, искусства, поэзии, науки. Буркхардт создал схему развития европейской культуры, оказавшую большое влияние на последующую историографию. Ключевое место в его концепции принадлежало эпохе Ренессанса, которой и был посвящен его знаменитый труд **«Культура Италии в эпоху Возрождения»** (1860).

Наряду с дипломатической историей в духе Ранке и историей культуры в Германии 70—80-х гг. XIX в. растет интерес к проблемам экономической истории, развивается историческая школа в политической экономии. Хотя «экономизм» отводит хозяйственной жизни решающую роль в общественном развитии, вопросы экономической истории рассматриваются как составная часть истории культуры, все резче противопоставляющей себя политической истории. Ведущими представителями экономического направления — так называемой **молодой**, или **новой историко-экономической школы** были **ГУСТАВ ШМОЛЛЕР** (1838—1917), **ЛУЙО БРЕНТАНО** (1844—1931) и **КАРЛ БЮХЕР** (1847—1930), которому принадлежит экономическая периодизация истории по типу хозяйств (домашнее — независимое натуральное; городское — с регулярным обменом; народное) и стадиям развития промышленного производства (домашнее, ремесленное по заказам, ремесленное на рынок, домашняя промышленность и фабричное производство).

Дальнейшее развитие позитивистских принципов познания прошлого связано с творчеством известного немецкого историка **КАРЛА ЛАМПРЕХТА** (1856—1915) и его **школы культурно-исторического синтеза** (в 1890-е гг. он вел в Лейпцигском университете семинар по истории культуры, на базе которого позднее был создан Институт истории культуры и всеобщей истории). В состояниях человеческого духа, которые сменяют друг друга, Лампрехт видел неизменный порядок, определяющий развитие культуры. Ученый утверждал, что каждый экономический

акт зависит от психологических условий, и потому история должна быть социально-психологической наукой, она вообще не что иное, как прикладная психология, объясняющая перемены в общественном сознании. Эти перемены вписывались в жесткую историко-социологическую схему последовательной смены культурно-исторических эпох, или «фаз развития» (анимизма, символизма, типизма, конвенционализма, индивидуализма, субъективизма), которая объявлялась универсальной для истории всех цивилизаций. Эпоха *анимизма* связывалась с существованием родового строя, коллективной собственности и примитивного коммунизма, эпоха *символизма* — с разделением труда и возникновением социального неравенства, эпоха *типизма* — с появлением государства, эпоха *конвенционализма* — с феодальной вотчиной и натуральным хозяйством, эпоха *индивидуализма* — с упадком корпораций и развитием личной инициативы, эпоха *субъективизма* — с полным распадом сословного строя и свободой экономической деятельности. В рамках этой схемы Лампрехт представил всю историю немецкого народа в своем главном труде — трехтомной **«Истории Германии»** (1891—1909).

Расширение поля исследования, накопление фактического материала в невиданных до того размерах, выдвижение на первый план проблем социальной, экономической и культурной истории можно, бесспорно, причислить к достижениям позитивистской историографии. Историческое знание рассматриваемого периода все более специализируется, распадаясь на отдельные отрасли не только по странам и эпохам, но и по отдельным проблемам. Систематическое применение сравнительно-исторического метода, интенсивный анализ письменных и вещественных памятников, в том числе вновь открытых, — все это позволило добиться значительных успехов. Совершенствуется техника исследования. Развиваются вспомогательные дисциплины — дипломатика, нумизматика, палеография, а также смежные научные отрасли — археология, историческая география, филология, этнография.

В последней четверти XIX в. формируется организационная структура исторической науки и система профессионального образования. Повсеместно создаются кафедры истории и исторические семинары в университетах. Если к началу века в университетах Германии было всего 12 кафедр истории, то к концу его — 175. Студенты и преподаватели из других стран приезжают в Германию учиться в исторических семинарах Берлинского, Мюнхенского, Лейпцигского и других университетов. Постепенно по всей Европе распространяется опыт подготовки специалистов по образцу семинаров Ранке. Учреждаются институты истории при академиях и независимо от них, появляются солид-

ные исторические журналы и многочисленные научные общества. Во Франции с 1876 г. начинает выходить журнал **«Историческое обозрение»** («Revue historique»), задачей которого была пропаганда исторических знаний и борьба за реорганизацию исторического образования во Франции. В Германии, наряду с ведущим **«Историческим журналом»** («Historische Zeitschrift», с 1859 г.) появляются периодические издания Геттингенской, Лейпцигской, Гейдельбергской академий, возникает много местных исторических обществ и комиссий, со своими печатными органами и ежегодными конференциями. В Англии с 1886 г. начинает выходить в свет **«Английское историческое обозрение»** («English Historical Rewiew»).

Наряду с большим числом индивидуальных монографий, публикаций источников (хроник, актов и других материалов), статей в научной периодике выходят в свет разнообразные справочники и многотомные коллективные труды — серийные издания по всемирной истории, как, например, двенадцатитомная **«Всеобщая история с IV столетия до нашего времени»** (1887—1903) под редакцией **ЭРНЕСТА ЛАВИССА** (1842—1922) и **АЛЬФРЕДА РАМБО** (1842—1905), в создании которой принимали участие семьдесят французских историков. Профессор Сорбонны, директор Высшей нормальной школы, академик Лависс сыграл выдающуюся роль в развитии профессионального и школьного исторического образования во Франции. Приверженность основным принципам позитивизма не мешала ему во всех своих учебниках и обобщающих трудах, в том числе в **«Истории Франции от ее истоков до революции»** (1900—1911), выступать с ярко выраженных патриотических позиций и всячески способствовать формированию национального исторического сознания.

Дискуссии о предмете и статусе истории

Позитивистское направление господствовало в исторической науке до конца столетия. В конце XIX — начале XX в. историческое познание продолжает рассматриваться как исследование на основе правильно выбранного объективного критерия (с ним сопоставляется конкретная реальность) и строгого критического анализа источников. Представители **номотетического** направления, восходящего к классическому позитивизму, понимая общество как функциональную взаимосвязь его составных частей, опирались на идеи повторяемости и причинно-следственных зависимостей, акцен-

тировали объективный и позитивный характер социально-исторического познания.

Французский социолог рубежа XIX—XX вв. **ЭМИЛЬ ДЮРКГЕЙМ** (1858—1917) критиковал многие положения О. Конта. Он считал, что социальная реальность — это некая равнодействующая поступков индивидов, в свою очередь оказывающая большое влияние на поступки отдельных лиц. Дюркгейм учитывал, с одной стороны, социальные факторы, внешние по отношению к индивидуальной мотивированной деятельности и влияющие на нее, а с другой — ценностно-нормативные факторы. При этом рассматривались и социальная статика, и эволюция общества, представленная как усложнение его структуры.

Представитель социологической школы Дюркгейма **ФРАНСУА СИМИАН** (1873—1936), противопоставляя историю и социологию, утверждал, что история — не наука и никогда ею не станет, поскольку наука имеет дело только с общим, а история — только с частным и случившимся лишь однажды. Напротив, создатель *теории исторического синтеза*, известный французский философ, социолог **АНРИ БЕРР** (1863—1954) уже в конце XIX в. выступил с критикой позитивистского эмпиризма и ратовал за преодоление разобщенности между историей и другими отраслями знания. Называя историю конкретизацией мысли, он видел ее важнейшую задачу в синтезе, основанном на критическом и научном анализе исторических фактов, а генеральный путь развития — в слиянии традиционной эрудитской историографии с социологией и философией истории. Берр основал теоретический журнал **«Обозрение исторического синтеза»** («Revue de synthése historique», 1900—1914, затем «Revue de synthése»), Международный центр синтеза, объединивший историков, социологов, философов, экономистов, этнографов и представителей естественных наук разных стран, а также разработал многотомную серию исторических монографий **«Эволюция человечества. Коллективный синтез»**. Свои главные идеи Берр изложил в книге **«Синтез в истории»** (1911). Он считал, что в истории действуют три типа каузальных (причинных) связей: *простые последовательности* — случайные факты, *постоянные причины* — необходимые факты, *внутренние рациональные связи*, образующие логику исторического развития, выражающую его направленность и динамику. При этом «внутренняя причинность» отождествлялась с мотивами человеческих поступков, т. е. ограничивалась областью индивидуальной психологии.

Что касается так называемых практикующих историков, занимавшихся конкретно-историческими исследованиями в конце XIX в., то их мало интересовали теоретические проблемы исто-

рического знания, за исключением историков Германии, страны, где собственно и возник метод исторической критики. Немецкие историки занимали в то время ведущее положение в мировой историографии, о прошлом думали как о предмете, наиболее подходящем для беспристрастного, а потому и подлинно научного исследования, критиковали авторов XVIII в. за их «партийность», т. е. за то, что они открыто принимали ту или иную сторону в идейно-политическом противостоянии.

Однако в этот период нарастает критика позитивизма, предпринимаются попытки утвердить идею отличия исторического познания от естественнонаучного и одновременно защитить его научный статус, хотя объективность выводов рассматривалась ограничительно, как их соответствие общепринятому или достаточно аргументированному критерию. В противоположность традиционным представлениям утверждалась активная роль познающего субъекта в процессе исторического познания.

Непримиримые разногласия по этим вопросам ярко проявились в так называемой методологической дискуссии 90-х гг. XIX в., в которой приняли участие многие видные немецкие историки.

Инициатором дискуссии был историк Карл Лампрехт, полемические статьи которого вызвали самый широкий критический резонанс. В 1897 г. он писал о том, что цель науки — не работа над частностями и не констатация фактов отличия явлений. Наука призвана приводить бесчисленное множество единичных фактов, которые мы наблюдаем как в природе, так и в истории, в систему общих понятий. И это определение столь же применимо к истории, как и ко всякой другой науке. Лампрехт, хотя и признавал случайность и свободу воли как факторы исторического процесса, но подчеркивал, что историческому исследованию никогда не удастся эмпирически установить и выяснить полную цепь причин. Лампрехт называл себя историком-психологом, подчеркивая, что любые действия зависят от психологических условий, но на деле речь шла вовсе не об индивидуальной, а о социальной психологии, способной объяснить перемены в социальном сознании. Эти перемены вписывались ученым в жесткую схему, в которой ни индивидуальные, ни национальные различия не признавались значимыми с точки зрения их влияния на общественную жизнь.

Проблема специфики наук о природе и наук о культуре, важнейшей из которых считалась история, была ключевой в дискуссии. Науки о природе обозначались как номотетические (изучающие законы природы) и генерализирующие (обобщающие), науки о культуре — как идеографические (описательные) и индивидуализирующие.

Выдающийся немецкий историк культуры и философ **ВИЛЬГЕЛЬМ ДИЛЬТЕЙ** (1833—1911) строил противопоставление наук о духе и наук о природе по принятому в них способу изучения материала. Он утверждал, что история изучает не объективный мир, а воплощение субъективных установок, целей, планов и мотивов. Поэтому в отличие от естественных наук, избравших в качестве метода объяснение, история ставит перед собой задачу понимания, т. е. интуитивного проникновения (через непосредственное «сопереживание») в психику людей прошлого. Понимание как особый метод предполагает специфический набор познавательных средств, отличных от рационального инструментария, используемого в естественнонаучном познании. Оно достигается путем «вживания», «вчувствования» и иных иррациональных приемов, которые не поддаются научной проверке. У каждого может быть свое понимание прошлого и его важнейших событий, обусловленное личностными качествами, начиная с политических, национальных и иных пристрастий и кончая мерой воображения, интуиции, фантазии, необходимых для постижения истории.

Если номотетическое направление было во многом связано с позитивизмом, то теоретические предпосылки **идеографического** направления восходили к идеям И. Канта о целеполагании и свободе воли. Крупнейшие представители неокантианской философии истории В. Виндельбанд и Г. Риккерт предприняли попытку определить пределы исторического познания.

ВИЛЬГЕЛЬМ ВИНДЕЛЬБАНД (1848—1915) решительно противопоставил естествознание (номотетическую науку об общем) и историю (идеографическую науку об индивидуальном). В задачу естествознания входит формулировка общих законов, в задачу истории — описание индивидуальных фактов. Историческая действительность виделась как мир единичных неповторимых событий.

Близкая точка зрения была высказана **ГЕНРИХОМ РИККЕРТОМ** (1863—1936): история — разновидность наук о духе, идеографическое знание, отличающееся от наук о природе, номотетического знания и не подчиненное ни философии, ни социологии. Философ полагал, что фактически Виндельбанд устанавливает не одно, а два различия между наукой и историей. Первое заключается в разграничении обобщающей и индивидуализирующей мысли; второе — в дифференциации мысли оценочной и неоценочной. Объединяя их, он выделял четыре типа наук: *неоценочная* и *обобщающая*, или чистая естественная, наука; *неоценочные* и *необобщающие* квазиисторические науки о природе, например геология; *оценочные* и *обобщающие* квазинаучные исторические

дисциплины, такие, как социология или экономика; *оценочная и индивидуализирующая* наука, или история в собственном смысле слова. Таким образом, четыре типа наук образуют единую шкалу, на одном конце которой — предельный случай абстрактного мышления, а на другом — предельный случай знания реальности в ее индивидуальном существовании. И специфика исторического исследования состоит в том, что его результаты выражаются не в обобщенных суждениях, а в групповых понятиях с индивидуальным содержанием, к тому же следствие не вытекает с прямой необходимостью из причины. Оценка результатов исторического исследования происходит в соответствии с некоторыми донаучными критериями и системой ценностей, на которой основано понимание существенного и несущественного.

Риккерт решительно отверг как существование исторических законов, так и способность исторической науки их понять. Он доказывал, что понятие исторического развития и понятие закона исключают друг друга, так как в законе есть то, что повторяется любое число раз, а в историю развитие входит как возникновение нового, не существовавшего ранее. По мнению Риккерта, задача истории, в противоположность естествознанию, направленному на исследование общего и открытие законов, заключается в изображении действительности во всем ее бесконечном разнообразии. История должна изучать в реальной действительности не общее, а единичное, и от этого она нисколько не утратит своего научного значения.

Отвергая идею закономерности как руководящего принципа исторического познания и ограничивая область исторических исследований единичными явлениями, а их задачу — систематизацией этих явлений, неокантианцы разработали учение о ценностях, призванное вывести историческое познание за пределы субъективного. В классификации Виндельбанда высшими объявлялись религиозные ценности, за ними следовали ценности эстетические, этические и логические. Важнейший момент состоял в том, что ценности понимались как априорные и имеющие всеобщий характер, поскольку признаются всеми членами культурного сообщества. Именно на этой всеобщности культурных ценностей и покоилась «объективность», поскольку исторически существенное, по Риккерту, обладало значением не только для того или иного индивида, но и для всех.

Дискуссия, развернувшаяся на рубеже XIX—XX вв., стимулировала размышления и самих историков о природе и методах исторического познания. Именно в это время в европейских университетах начинается систематическое преподавание методологии истории, выходят в свет первые обобщающие иссле-

дования, раскрывающие специфику исторического познания, а также «введения в историю» для начинающих.

С критикой позитивистских взглядов на задачи и природу истории, а также против социологической псевдоистории выступил в самом начале XX в. один из самых выдающихся представителей немецкой историографии того времени, историк античности **ЭДУАРД МЕЙЕР** (1855—1930). Он полемизировал с господствовавшими в историографии 1890-х гг. идеями известных историков-позитивистов (К. Лампрехта, К. Брейзига и др.), которые считали своей задачей открытие причинных законов, связывающих исторические явления. Мейер, в частности, писал: «Исторические законы существуют только в идее, в качестве постулатов. Точно так же и в области массовых явлений, например в экономической истории, нет никаких законов, а есть лишь выведенные путем аналогии эмпирические обобщения... Правда, эти обобщения могут служить путеводной нитью при установлении и группировке фактов и часто дают тому или другому предположению высокую степень вероятности; но каждое такое предположение всегда нуждается в специальной проверке на само́м фактическом материале»*.

Если предполагается, что задача истории — открытие общих законов, управляющих ходом исторических событий, то из нее, утверждает Мейер, как нежелательные элементы, устраняются три важных фактора: случайность, свободная воля и идеи людей. Исторически значимое отождествляется с типичным или повторяющимся, а индивидуальность превращается всего лишь в пример проявления общих законов. Подлинным предметом исторической мысли, по мнению Мейера, является событие как таковое, факт в его индивидуальной неповторимости; исторических законов не существует, а случай и свободная воля не могут быть удалены из истории без нарушения самой ее сущности.

Трудность состояла в разграничении бесконечного множества событий, которые в свое время действительно произошли, и гораздо меньшего числа событий, которые могут быть исследованы историками. Для Мейера историческими являются лишь те события, которые привели к определенным последствиям. Он пытается ограничить число объектов, заслуживающих внимания историка, вводя новый принцип отбора, основанный на интересах историка и общества, представителем которого он является. Именно историк сам порождает проблемы, которые стремится решить, и тем самым создает установки для изучения материала. Этот субъективный элемент — существенный фактор любого

* *Мейер Э.* Теоретические и методологические вопросы истории: Философско-исторические исследования. М., 1911. С. 36—37.

исторического знания. Какой бы значительной информацией мы ни располагали о том или ином периоде, мы всегда можем узнать о нем еще больше, изменив тем самым результаты исследований, казавшиеся до сих пор вполне надежными.

Концепция Мейера подверглась критике со стороны выдающегося немецкого мыслителя **МАКСА ВЕБЕРА** (1864—1920), который, хотя и признавал событийно-индивидуальную историю, подчеркивал познаваемость общих черт действительности, их сопоставимость с идеальным типом, сконструированным на уровне теории, научной моделью, предполагавшей известное согласие между исследователями относительно характерных черт изучаемой реальности. Вебер подчеркивал, что идеальный тип — это аналитическая конструкция, создаваемая исследователем не произвольно, а путем «мыслительного усиления определенных элементов действительности». Он отвергал присущее неокантианству радикальное противопоставление наук о природе и наук о культуре по степени использования в них способа генерализации. В полемике с Мейером Вебер выступал против установления жестких границ между социальными и естественными науками на том основании, будто в задачу истории входит только фиксация фактов, которые служат строительным материалом для «подлинной научной работы». К сожалению, — продолжал он критику неокантианской историографии, — сами историки в стремлении обосновать специфику истории как профессии способствовали предубеждению, согласно которому историческое исследование есть нечто качественно иное, чем научная работа. Однако историческая наука является теоретической и даже номотетической, так как нуждается в теоретическом знании как необходимой предпосылке эмпирического исследования.

В отличие от Риккерта, акцентировавшего внимание на уникальности культурных явлений, Вебер отыскивал те характерные черты действительности, которые несут в себе элементы повторяемости. Поэтому конструируемые им понятия являются не только идеальными, но и типическими. Историки, по Веберу, не воспроизводят события так, «как они, собственно, происходили», не отражают историческую действительность, а творчески ее конструируют, создают ее научный образ, опираясь в своих исходных посылках на ее реальные черты и выявляя сущностные характеристики с помощью системы научных понятий. Таким образом, идеальный тип конструируется из элементов исторической действительности и служит ее познанию. При этом, будучи мыслительной конструкцией, идеальный тип предполагал возможность существования иных гипотетических конструкций, научных моделей того же исторического явления, а следовательно,

и многообразие подходов к изучению реальности, возможность использования различных методологий для создания обобщающего образа того или иного культурно-исторического явления.

Но если главным инструментом познания является субъективная категория, то может ли полученное с ее помощью знание претендовать на истинность? Отвечая на этот вопрос, Вебер существенно модернизировал неокантианскую теорию ценностей, перенеся последние в мир истории, превратив их в продукт культурного развития общества. Отнесение изучаемого явления к историчным по своей природе ценностям позволяет получать хотя и не абсолютную, но гипотетическую истину. Веберовский идеальный тип выступает в познавательном процессе в качестве научной модели, которая не схематизирует исторический материал, а напротив, в зависимости от этого материала сама может видоизменяться или даже вовсе быть отброшена исследователем. Так закладывались основы современной *исторической эпистемологии* — теории исторического познания, хотя в полной мере веберовское учение об идеальном типе получило признание в мировой науке только в последней трети XX в.

В трудах Макса Вебера намечались контуры новой парадигмы истории, сохранившей определенную преемственность с парадигмой XIX в. Однако естественный процесс методологического перевооружения исторической науки был резко нарушен катастрофическими потрясениями начала века, вызвавшими ее общий кризис.

Российская историография и «русская историческая школа»

В России второй половины XIX — начала XX в. сосуществовали последователи всех известных европейских школ. Большинство русских ученых признавало научный и одновременно специфический характер исторического познания, основанного на критическом анализе источников и беспристрастном изложении материала.

Позитивистская концепция исторического знания очень долго сохраняла прочные позиции и в некоторых своих версиях давала весьма впечатляющие результаты. Ее разделяли (с некоторыми поправками) такие крупные российские историки, как В. О. Ключевский, Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский и др.

В 50-е гг. XIX в. ведущую роль играли воспитанные на критическом методе ученые «петербургской исторической школы» (М. С. Куторга, М. М. Стасюлевич и др.), но в 1860—1870-е гг. центр передовой исторической науки переместился в Москву, где прочно сохранялись традиции Т. Н. Грановского и его ближайших учеников, прежде всего П. Н. Кудрявцева (1816—1858) и С. М. Соловьева (1820—1879), который в 1864—1870 гг. избирался деканом историко-филологического факультета, а в 1871—1877 гг. — ректором университета.

Взгляды **ТИМОФЕЯ НИКОЛАЕВИЧА ГРАНОВСКОГО** (1813—1855) отличало стремление к активизации социальной функции истории. Это очень точно подметил Н. Г. Чернышевский, считая, что весь характер деятельности Грановского объясняется его служением не личной ученой славе, а обществу.

Грановского отличали широкая эрудиция, исключительная способность к историческому синтезу, умение ярко обрисовать целую эпоху. Много лет проработав в русле романтической историографии, Грановский уже в 1852 г. в своей речи **«О современном состоянии и развитии всеобщей истории»** выдвинул тезис о том, что история должна заимствовать метод у естественных наук, стремиться стать подлинной наукой и в этих целях даже отказаться от притязаний на художественную законченность формы. Тогда же он начал корректировать в позитивистском духе свои лекции по средневековой истории.

Выдающийся российский историк **ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ГЕРЬЕ** (1837—1919) был непосредственным продолжателем традиций Т. Н. Грановского. Он учился в Московском университете как раз в период профессорской деятельности Грановского и впоследствии подчеркивал, что значение исторической кафедры, когда ее занимал Грановский, выходило за пределы университетской аудитории и глубоко захватывало всю область русского общественного сознания. Впрочем, Герье выступал против позитивистской историографии, и в частности резко критиковал «Историю цивилизации» Бокля, поясняя, что, поскольку главными источниками историка остаются произведения человека, а главным предметом изучения — поступки людей, историческое познание должно опираться на психологический анализ. Историк подчеркивал влияние идей на судьбу народов и ход цивилизации.

Герье впервые в России ввел в образовательную практику исторические семинары по немецкому образцу, выбирая для занятий со студентами самые разнообразные темы по социальной и экономической истории, хотя сам в своих исторических работах изучал историю идей.

В рамках этих семинаров сформировались взгляды ряда крупнейших российских историков, впоследствии возглавивших кафедры всеобщей истории во многих университетах России (Н. И. Кареев, П. Г. Виноградов, Р. Ю. Виппер, М. С. Корелин и др.) и прославивших русскую историографическую школу.

Друг Герье, крупнейший русский историк **ВАСИЛИЙ ОСИПОВИЧ КЛЮЧЕВСКИЙ** (1841—1911) порвал с теоретическими установками «государственной школы» и рассматривал российскую историю как часть всеобщей. Мечтая создать науку об общих законах строения человеческих обществ, приложение которых не зависит от преходящих местных условий, он выстроил свою оригинальную историческую концепцию. На вопрос о том, что составляет предмет исторического изучения, Ключевский отвечал, что этим предметом служат происхождение, развитие и свойства людских союзов. Он искал наиболее существенное в истории народа, выявляя характерные обстоятельства, определявшие его жизнь на разных этапах истории, и видел главную особенность истории великороссов в природном факторе, стимулировавшем непрерывные миграции населения. Выделив четыре «исторические силы», определявшие в своей совокупности исторический процесс — природу страны, физическую природу человека, личность и общество, — Ключевский создал синтетическую концепцию, которая связывала природные условия и человеческую социальность.

В духе позитивистской ориентации на принципы естественнонаучного знания Ключевский поставил в курсе **«Методология русской истории»** вопрос о различении субъективного метода, делающего из истории средство общественного воспитания, и метода объективного, направленного на научное познание прошлого. По его мнению, в основе субъективного метода находится стремление обосновать истоки и постепенное становление современной культуры человечества, а потому отбираются только те исторические факты, которые имеют отношение к этому процессу. Но человечество неоднородно, и вполне естественно, что эта подборка фактов и их оценка у историков, принадлежащих к разным культурам, отличаются друг от друга. «Такое историческое изучение, — писал Ключевский, — отправляется не от исторического явления, а от личного кругозора изучающего, т. е. не от изучаемого объекта, а от изучающего субъекта, и, следовательно, исходным пунктом изучения становится точка зрения изучающего»*. Что касается объективного метода, то в его основе лежит взгляд на современную культуру не как на итог развития человечества, а как на одно из его состояний,

* *Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т. М., 1989. Т. 4. С. 72.

и задачей становится изучение «самого исторического движения». В этом случае теряет свое значение даже хронологическая последовательность явлений, поскольку важно не то, что п о с л е чего следует, а то, что и з чего следует, и, соответственно, необходимы иные приемы исследования: наблюдение, сопоставление и обобщение явлений.

На становление **«русской исторической школы»** всеобщей истории (такое название ей дали зарубежные ученые, высоко оценившие научные достижения своих российских коллег) огромное воздействие оказала связь историков с Московским университетом. На формирование ее научной проблематики и активной общественной позиции повлияла социально-политическая обстановка в пореформенной России. Приоритетные темы группировались вокруг истории социальных отношений и социальной борьбы, особенно в переломные периоды развития общества. Историки неизменно подчеркивали воспитательную и общественную функции их науки, систематически занимались публицистической и просветительской деятельностью, видя в этом долг ученого.

Ближайшим преемником Герье по Московскому университету был выдающийся русский медиевист **ПАВЕЛ ГАВРИЛОВИЧ ВИНОГРАДОВ** (1854—1925). В центре его научных интересов стояли проблемы происхождения и развития западноевропейского феодализма. Виноградов являлся одним из крупнейших представителей позитивистской историографии. Он подчеркивал свой интерес к социальной истории, а история права, которая была главным предметом его занятий, представлялась ему как аспект социальной истории. В 1901 г. он был вынужден подать в отставку и уехать в Англию, где его знали и ценили и где ему была предоставлена кафедра в Оксфордском университете. В оксфордском семинаре Виноградова принимали участие молодые европейские и американские ученые. Как выдающееся достижение науки к началу XX в. Виноградов оценивал тот факт, что общественное развитие стало пониматься не как сцепление случайностей, а как результат действия законов. Однако, возражая против взгляда на историю как исключительно или главным образом науку, устанавливающую причины явлений, он утверждал, что многие из исторических фактов сами по себе вызывают глубокий интерес, который делает их достойными изучения независимо от какой-либо возможности связать их вместе посредством законов.

Учеником Герье был также выдающийся ученый и педагог **НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ КАРЕЕВ** (1850—1931), посвятивший свою научную деятельность преимущественно истории нового времени. Главным предметом исследовательской работы Кареева была ис-

тория Великой французской революции и ее предпосылок. Убежденный в том, что историки учатся работать не по историческим руководствам методологического содержания, а читая исторические сочинения авторитетных ученых и решая исторические задачи с помощью опытных преподавателей, Кареев, тем не менее, много и плодотворно занимался теорией истории. Ему принадлежит большое число работ по философским и методологическим проблемам исторической науки. Взгляды русского ученого на роль социологии и научный статус истории отличались и от контовских, и от неокантианских. Уже в 1883 г., предвосхищая последующее развитие исторической мысли, он ввел различие между науками феноменологическими, к которым относил историю, и номологическими. История трактовалась им как описательная дисциплина, имеющая дело с индивидуальными и неповторимыми фактами. Это вело к отрицанию существования особых исторических законов (за что автор и был подвергнут критике со стороны коллег-позитивистов), поскольку история понималась им как процесс, состоящий из последовательной смены явлений, которые предстают в данной совокупности лишь однажды. И хотя Кареев признавал, что в истории, как и в природе, все закономерно, он полагал, что эти закономерности по своему характеру являются не историческими, а психологическими и социологическими. Ученый считал, что и природу, и историю возможно познавать обоими методами, т. е. генерализирующим и индивидуализирующим. В изучении истории вероятны разные ступени познания: от конкретных индивидуальных деталей до общих абстрактных характеристик. Вместе с тем Кареев видел задачу истории не в том, чтобы открывать какие-либо законы, предсказывать будущее или давать практические наставления, а в том, чтобы изучать отдельные события прошлого.

Целостная концепция общей теории истории включала, по Карееву, историологию (теорию исторического процесса), в которой особое место уделялось разработке проблемы личности в истории; историку (теорию исторического познания) и теорию исторического преподавания. Многочисленные учебники Кареева по всем разделам истории демонстрировали эталон методической оснащенности.

Видным представителем позитивистского направления в русской историографии был **ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ЛУЧИЦКИЙ** (1846—1918), который выражал уверенность в существовании общих исторических законов и в принципиальной возможности их познания. Ученый опирался на массовый документальный материал, поддававшийся статистической обработке. Большинство его работ было посвящено социально-экономической истории, про-

блемам истории крестьянства в средние века или накануне и во время Великой французской революции XVIII в.

Выдающимся русским историком-позитивистом поколения Виноградова, Кареева, Лучицкого был **МАКСИМ МАКСИМОВИЧ КОВАЛЕВСКИЙ** (1851—1916). Он занимался историей права и экономической историей, а также, подобно Карееву, проблемами социологии, причем строил свой научный метод, не разрабатывая общие теории и гипотезы, а обобщая фактический материал конкретно-исторических исследований. Являясь последователем и продолжателем Конта, он длительное время находился под непосредственным влиянием Маркса, назвавшего его даже одним из своих друзей по науке. Ковалевский интересовался, с одной стороны, вопросом о происхождении и функционировании английского местного самоуправления — темой, привлекавшей многих европейских историков-либералов, с другой — социально-экономической историей средневековой Англии.

Для российской историографии последней четверти XIX в. было характерно особое внимание к истории западного общества. Стимулом к изучению истории Западной Европы эпохи средневековья и нового времени представителями «русской исторической школы» было их стремление понять некоторые общие закономерности и опереться на опыт стран, уже прошедших тот путь, который предстоял России. Все крупные историки «русской исторической школы» стремились сочетать конкретно-исторические исследования с разработкой теоретико-методологических и историко-социологических проблем. Они признавали существование исторической закономерности, органической связи прошлого и настоящего, историчности правовых и политических форм. В своих конкретно-исторических исследованиях они искали ключи к пониманию перспектив перехода России от феодализма к капитализму по западному пути. Именно это обстоятельство имел в виду Виноградов, когда подчеркивал, что вопросы, которые в Западной Европе предоставлены антикварам, в России все еще являются злободневными. Свято веря в «уроки истории», российские ученые стремились выделить наиболее ценное в западном опыте и «примерить» его к настоящему и будущему России.

Представители этой школы подчеркивали идеологический момент в мотивации своей профессиональной деятельности, ее связь с теми политическими интересами, которые сформировались у интеллигентов их поколения, наблюдавших последствия реформы 1861 г. и размышлявших о судьбах российского крестьянства. Запросы и потребности современной российской жизни, несомненно, задавали определенное направление научному поиску историков «русской школы» или, по крайней мере,

конкретизировали его в географическом и хронологическом планах. Но в то же время нельзя недооценивать и другой фактор формирования ментальности ученого и гражданина — обратное воздействие того исторического материала, культурно-исторического контекста, на освоение которого направлена его научно-познавательная активность. Эта обратная связь имела немалый мобилизационный ресурс. Интеллектуальная встреча с чужим прошлым, вызывавшим столь яркие ассоциативные связи с переживаемым настоящим, не могла не оказать влияния на общественную позицию историка: в данном случае речь идет об ориентации на социальные преобразования в либеральном или либерально-демократическом духе. Так, профессиональные занятия историей Французской революции, а также историей Англии, первой страны, осуществившей переход от традиционного общества к современному, предоставляли специалистам красноречивые свидетельства в пользу исторической обреченности феодального строя, который исчерпал себя в пореформенной России. Собственная активная исследовательская практика, будучи мотивирована определенными идейными предпосылками, тем не менее, обладала известной самостоятельностью и была способна скорректировать сложившиеся стереотипы коллективной психологии, априорные суждения, личные предубеждения и политические оценки.

Ученые «русской школы» всеобщей истории всегда признавали российскую самобытность и даже подчеркивали ее непреходящее значение. Конечно, присутствовало и позитивистское признание возможности сознательного, целенаправленного воздействия на общественную жизнь, основанного на познанных закономерностях развития, но совершенно недвусмысленно говорилось и о необходимости учитывать национальные традиции и специфические черты внутреннего развития, уникальность культурно-исторического наследия — все то, что мы сейчас назвали бы цивилизационными основами исторического процесса.

Будучи профессионалами высокого класса, наделенными оригинальным историко-философским мышлением, историки-западники прекрасно понимали, что наличие апробированных моделей перехода от старого порядка к новому может лишь облегчить и ускорить этот переход, прояснив грядущие перспективы и «подсказав» последовательность шагов. Однако сам механизм этого движения по проторенному другими пути «запускается» только в аналогичной исторической ситуации, определяемой социально-экономическими и политическими условиями конкретного общества, его реальными потребностями.

Диалектическое единство логики развития исторической науки и влияния на нее социально-политической действительности ярче всего проявилось в формировании проблематики исследований. В российской историографии на первый план — в полном соответствии с пониманием неизбежности назревших изменений в обществе — выходит тот круг проблем истории крестьянства и государственно-правового устройства, который непосредственно отражает опыт решения аграрного вопроса и введения конституционных гарантий. Исследовательскую практику представителей «русской школы» отличали следующие характерные черты. Первая из них — последовательное сочетание социально-экономического подхода с активным интересом к вопросам политического устройства, к детальному исследованию процесса формирования гражданского общества и современного правового государства, развития конституционной монархии и местного самоуправления. Наиболее ярко это органическое единство воплотилось в научном творчестве Ковалевского, который ставил своей непосредственной задачей показать зависимость политического строя от общественного. Второй отличительной чертой «русской школы» можно назвать чрезвычайно широкое понимание содержания аграрной истории как истории социальной. Такое ви́дение аграрной истории, органично сочетавшееся с интересом к реальным судьбам простых людей, к прошлому народа, не имело аналогов в западноевропейской историографии того времени и сложилось в ней гораздо позднее — в середине XX в. Третья черта связана с интересом к исторической динамике, к изучению различных явлений и процессов в глубокой исторической перспективе. Наконец, четвертая особенность «русской школы» отражала специфику национальной историографической традиции, приверженной сравнительно-историческому подходу к изучаемым явлениям; в данном случае речь шла об использовании опыта сравнительной истории в выборе путей общественно-политического развития и строительства будущей России. Несомненно, именно эти отличительные черты исторического мышления российских ученых обеспечили оригинальность их подхода к наиболее существенным проблемам средневековой и новой истории, непреходящую ценность их вклада в мировую историческую науку.

Теоретико-методологическая проблема соотношения истории и современности имеет и другой аспект. Конечно, историческая наука меняет свои представления и оценки, обогащаясь знанием настоящего, но рассмотрение исторического знания в общекультурном контексте предполагает и особый подход к проблеме восприятия и оценки исторического опыта одной нации, страны,

цивилизации общественным сознанием другой, когда национальная культурная специфика по-особому преломляет образы «чужого» прошлого.

Столкновения с пережитками крепостничества и самодержавия в реальной жизни не только формировали чуткий взгляд на историю, но и создавали ситуацию, которая побуждала к активному воздействию научных выводов и представлений на современное общественное сознание. Социальная и воспитательная функции истории воспринимались в неразрывном единстве и как вполне естественное продолжение ее познавательной функции.

Будучи не только учеными-профессионалами высочайшего класса, но и людьми огромного общественного темперамента, российские историки своей активной педагогической деятельностью и многочисленными блестящими работами публицистического и научно-просветительского характера внесли значительный вклад в формирование нового исторического сознания и политической культуры, по крайней мере в той части российского общества, которая посещала публичные лекции и составляла читательскую аудиторию периодических изданий.

В 1899 г. начал выходить в свет популярно-исторический журнал **«Вестник всемирной истории»**, в котором помещались интересные переводные работы и оригинальные статьи крупнейших русских историков, но он просуществовал всего четыре года. Многие трудности развития и институционного оформления исторической науки в России определялись политической ситуацией в стране. В частности, с серьезными препятствиями полицейского и цензурного порядка приходилось сталкиваться организаторам Исторического общества при Санкт-Петербургском университете, основанного в 1890 г. Это общество, включившее в свой состав в качестве действительных членов наиболее видных российских историков, имело два сектора (русской и всеобщей истории) и издавало **«Историческое обозрение»**. Однако общество, заседания которого привлекали массу молодежи, в связи со студенческими волнениями этого времени оказывается под бдительным полицейским надзором, за которым следует запрет устраивать публичные заседания с правом свободного входа для всех желающих.

Кроме Исторического общества при Санкт-Петербургском университете аналогичные общества были созданы в Москве при университете, в провинции. С 1913 г. начинают выходить, наряду с «Историческим обозрением», еще два журнала — **«Голос минувшего»** и **«Научный исторический журнал»** под редакцией Н. И. Кареева.

Критический метод и принципы научного исследования

Принципы научного исследования источников вырабатывались постепенно, ученые разных стран и эпох внесли вклад в их формирование и на этой основе подвергли пересмотру традиционную историографию, в которой подлинные события смешивались с легендами. Методы критического анализа открыли перед историографией новые перспективы.

Особая роль в этом достижении исторической науки принадлежит создателю критического метода немецкому ученому Г.-Б. Нибуру, который представлял деятельность историка в виде решения двойной задачи, состоящей, во-первых, в критическом анализе источников с целью выявления достоверной информации, и, во-вторых, в реконструкции исторической действительности на основе полученных данных.

Для историков середины XIX в. объективность исторических фактов не представляла проблемы. Свою основную функцию ученые видели в сборе фактов, которые «говорили сами за себя». Существовали настоящий культ фактов и незыблемая уверенность в том, что после критической проверки исторических текстов достоверность содержащихся в них фактов может считаться установленной, и эти тексты не будут нуждаться в каких-либо интерпретациях. Таков был метод работы самого авторитетного историка своего времени (остававшегося эталоном для многих поколений исследователей) Л. фон Ранке. Ученый видел миссию историка в том, чтобы раскрыть историческое прошлое, «как оно было на самом деле». Идеалом для него являлась полная беспристрастность исследователя при анализе документов прошлого, исключение им своего «я», субъективности, интересов, мировоззрения. Историк должен был стремиться точно, без прикрас, описывать факты. Главным правилом для него было внимание к оригинальным историческим текстам, авторитетным свидетельствам. Реконструированные на основе детального и объективного анализа источников события прошлого следовало представить в виде исторического нарратива, т. е. повествования. Именно описание последовательности событий могло привести, по мнению Ранке и многих его современников, учеников и последователей, к выявлению истинного хода всемирной истории.

В понимании исторического факта довольно близко к Ранке стояли позитивисты второй половины XIX — начала XX в. Од-

ним из них был известный французский историк **НЮМА ДЕНИ ФЮСТЕЛЬ ДЕ КУЛАНЖ** (1830—1889), у которого культ факта превратился в культ письменных источников. Следуя девизу «Тексты, все тексты, ничего, кроме текстов!», он был убежден, что прошлое непосредственно предстает перед историком в источниках, а потому историческая наука сводится «к здравому толкованию документов».

Соотечественники Фюстеля де Куланжа — **ШАРЛЬ ВИКТОР ЛАНГЛУА** (1863—1929) и **ШАРЛЬ СЕНЬОБОС** (1854—1942), обобщив опыт историографии XIX в., дали в своем знаменитом **«Введении в изучение истории»** (1897) свод правил критики источников. В этом сочинении, которое долгое время было своеобразной «библией позитивистского историзма», утверждалось: «История пишется по документам. Документы — это следы, оставленные мыслями и действиями некогда живших людей. Лишь очень немногие из человеческих мыслей и поступков оставляют после себя заметные следы; к тому же следы эти редко бывают долговечными: чтобы стереть их, достаточно простой случайности. Всякая же мысль и всякий поступок, не оставившие прямого следа или видимый след которых исчез, навсегда потерян для истории, как если бы он никогда не существовал. За неимением документов, история обширных периодов прошлого человечества останется навсегда неизвестной. Ничто не может заменить документов: нет их, нет и истории»*.

При этом они обращали особое внимание на то, что каждый документ требует критического исследования с опорой на точный метод и соблюдением многочисленных предосторожностей, а самой этой процедуре должна предшествовать *эвристика* (поиск и сбор документов, необходимых для изучения того или иного вопроса), которая составляет первую и одну из самых главных частей работы историка. Неполнота источников, даже с применением в их анализе всех предписанных правил, приводит к самым серьезным ошибкам и искажениям. Огромное значение придавалось вспомогательным дисциплинам, их роли в профессиональной подготовке историка. Допускалось два ряда вопросов, соответствующих двум рядам процессов, путем которых составляется документ: во-первых, следовало обнаружить, что его автор *действительно* думал, потому что он мог быть неискренен («критика достоверности»); во-вторых, надо было определить, что он *действительно* знал, потому что он мог ошибаться («критика точности»). Когда автор неизвестен, возникает новая проблема: поскольку критика действует, мысленно воспроизводя условия труда автора, то в случае аноним-

* *Ланглуа Ш., Сеньобос Ш.* Введение в изучение истории. СПб., 1899. С. 13.

ного свидетельства она может воспользоваться только одним приемом — изучить общий характер документа.

Подчеркивая трудности исторического познания, Ланглуа и Сеньобос заявляли, что прошедшую реальность историк не наблюдает, он знает ее только по сходству с существующей реальностью. Одновременно изменилось понятие факта и вера в его абсолютную объективность, а также убежденность в универсальности научного метода. Поскольку исторические факты узнаются только косвенным путем, по оставшимся от них следам, и историческое знание, таким образом, не основано на непосредственном наблюдении, то и метод исторической науки должен коренным образом отличаться от метода положительных наук, т. е. всех наук, кроме геологии, которые основаны на непосредственном наблюдении. Действительно, хотя следы прошлого, называемые историческими памятниками, историк наблюдает непосредственно, дальше он действует исключительно путем умозаключений, руководствуясь принципами исторической критики. Если во всех науках, основанных на наблюдении, подчеркивали Ланглуа и Сеньобос, исходной точкой для умозаключений служит сам наблюдаемый факт, то для историка отправной пункт — документ, а конечная цель исследования — факты прошлого. И между этой отправной точкой и конечной целью нужно пройти ряд тесно связанных друг с другом умозаключений, рискуя то и дело впасть в ошибку. Исторический, или косвенный, метод в силу этого гораздо уязвимее метода, основанного на непосредственном наблюдении. Но только он позволяет историкам установить истину.

Наряду с внешней и внутренней критикой источников, считавшихся важнейшей частью исторического метода, Ланглуа и Сеньобос специально остановились на проблеме синтеза полученных разрозненных фактов и выстроили целый ряд процедур, необходимых для того, чтобы сгруппировать изолированные факты в научное целое. Во-первых, это создание в воображении историка мысленного образа, максимально похожего на тот, какой могло бы дать непосредственное наблюдение факта прошлого. Во-вторых, это группировка полученных фактов на основе предположения о том, что совокупность явлений настоящего аналогична совокупности явлений прошлого. В-третьих, это заполнение неизбежных пробелов в рядах фактов (ввиду отсутствия следов в сохранившихся источниках) посредством рассуждений и умозаключений, исходя из уже достоверно известных фактов. В-четвертых, это сведение массы фактов к некоторым формулам, позволяющим выяснить их общие признаки (данный процесс приводит к окончательным выводам и венчает истори-

ческое построение с научной точкой зрения). И наконец, в-пятых, изложение результатов работы.

Первым в мировой литературе фундаментальным исследованием своеобразия исторического познания с неокантианских позиций стал двухтомный труд выдающегося русского историка **АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО** (1863—1919) **«Методология истории»** (1910—1913), опубликованный в качестве пособия к лекциям, прочитанным студентам Санкт-Петербургского университета. В этой книге впервые было обосновано определение методологии истории как особой отрасли научно-исторического знания.

В русле неокантианской методологии Лаппо-Данилевским были поставлены коренные вопросы исторического познания, по сей день сохраняющие свою актуальность: принципы исторического знания, критерии оценки, познавательные цели и объект исторической науки, специфика исторического факта, методология источниковедения и т. п. Лаппо-Данилевский подчеркивал тесную связь между *теорией исторического знания* (определяющей исходные принципы исторического познания), *методологией источниковедения* (устанавливающей принципы и приемы, на основании и при помощи которых историк, пользуясь известными ему источниками, утверждает, что интересующий его факт действительно существовал) и, наконец, *методологией исторического построения* (с ее принципами и приемами, при помощи которых историк объясняет этот факт). Источник понимался как реализованный продукт человеческой психики, объективированная форма человеческого творчества. Автором были рассмотрены основные виды источников, принципы их классификации, методы интерпретации и критики.

Историк изучает индивидуальные события, но поскольку действительность слишком разнообразна, чтобы ее можно было изобразить во всей полноте индивидуальных черт, то необходимо осуществить процедуру отбора фактического материала в соответствии с представлением о его историческом значении и ценности. Однако историк судит об историческом значении индивидуального не только по его ценному содержанию, но и по степени его действенности, или влияния. Сочетание ценности и действенности индивидуального служит критерием отбора исторических фактов. Следующая необходимая процедура — построение целостного образа исследуемого объекта на основе понимания и переживания его ценности. При этом каждый отдельный факт определяется в своей индивидуальности как незаменимая часть целого.

При признании субъективной стороны исторического познания, научность и объективность исторического описания могла быть все же обеспечена высоким профессионализмом историка, строгим критическим анализом источников, использованием норм и правил проведения синтетических процедур. Историк, который применяет научные методы изучения и критики свидетельств прошлого, стоит на достаточно прочной основе. В науке под критикой понимают совокупность приемов, направленных на выявление ценности источника. Задача научной критики состоит в том, чтобы, вскрыв различные недостатки и пробелы в показаниях источника, лучше его понять и восстановить его подлинный смысл.

Разумеется, материалы, которыми располагает историк, даже в своей совокупности представляют лишь часть объекта изучения, в то время как целое давно исчезло и существует лишь в той мере, в какой его может воссоздать историк. Следовательно, то, что мы знаем как историю, — лишь часть человеческого прошлого, которая поддается сознательной реконструкции на основании имеющихся свидетельств и привлекаемых историком косвенных данных. При этом уже Ланглуа и Сеньобос считали требование не использовать выводы других историков, содержащихся в так называемых вторичных источниках, чрезмерными: «Такая сложная наука, как история, где прежде, чем формулировать вывод, приходится, обыкновенно, накоплять факты м и л л и о н а м и, не может основываться на подобном вечном написании снова. Историческое построение не делается прямо по рукописям, точно так же как история «не пишется по рукописям» на одном и том же основании — ради сбережения времени. Чтобы двигать вперед науку, нужно комбинировать выводы, добытые тысячами частичных работ»*.

* *Ланглуа Ш., Сеньобос Ш.* Введение в изучение истории. СПб., 1899. С. 184.

ИСТОРИЯ В XX в.: КРИЗИСЫ И РЕВОЛЮЦИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

> Как бы ни были хронологически удалены события, в действительности любая история отсылает к нуждам ситуации настоящего, вибрации которого помогают услышать факты.
>
> *Бенедетто Кроче*

На протяжении XX в. историческая наука не раз претерпевала радикальные изменения, которые ученые назвали поворотами. Эти изменения касались понимания предмета науки, ее содержания, проблематики, методов исследования и в конечном счете ее профессионально-научного и социального статуса.

Кризис историографии в XX в. был связан со сменой научных парадигм, принципов и методов познания, а также с изменениями социального статуса исторической науки. В любой отрасли знания в какой-то момент возникает ситуация, когда ее доминирующая научная модель оказывается не в состоянии объяснить полученные научным сообществом новые результаты. Усиливается разрыв между эмпирическими данными науки и ее теоретическими постулатами. Период кризиса — это период ломки старой парадигмы науки и активного поиска ее нового образа, соответствующего изменившимся реалиям. Поэтому он характеризуется острыми методологическими дискуссиями, появлением конкурирующих исследовательских стратегий, существенным расширением самого познавательного поля науки.

Кризис исторической науки в XX в. являлся закономерным следствием бурного развития исторического познания предшествующего столетия, в результате чего возникла острая потребность привести теоретическое знание об истории в соответствие с ее значительно расширившейся эмпирической базой.

Пересмотр старой научной парадигмы начался уже на рубеже XIX—XX вв. с утверждения принципиального различия между историческим и естественнонаучным познанием, что в конце

концов привело к радикальным изменениям в самом образе истории. Однако в первом десятилетии XX в. никто еще не отрицал, что история является наукой, имеющей дело с конкретным, единичным, неразложимым на более простые элементы историческим фактом. Более решительная атака на позитивизм была предпринята только накануне и во время Первой мировой войны. Начавшийся на рубеже веков методологический кризис в годы войны получил колоссальный импульс и превратился в общий кризис исторической науки.

Будучи формой самосознания общества, история чутко реагирует на его проблемы, и чем эти проблемы значительнее и острее, тем масштабнее их влияние на состояние науки. Вот почему проблема кризиса исторической науки имеет еще и выраженный социальный аспект, который существенно осложняет и обостряет все его течение. Потрясения начала века развеяли оптимистическую уверенность в безостановочном поступательном развитии западной цивилизации, способной гармонично решать все свои проблемы. Рушилась теория прогресса, вновь появилось стремление найти идеал в прошлом. Вместе с оптимистическими ожиданиями потерпел крушение образ самой истории — мудрой наставницы жизни, способной на основании глубокого понимания прошлого прорицать будущее. Остро встал вопрос о том, нужна ли история вообще.

Важную роль в пересмотре основных принципов исторического познания сыграл и произошедший в конце XIX — начале XX в. переворот в научной мысли — революция в физике. Теория относительности Альберта Эйнштейна и другие великие открытия в физике и математике обосновали новую, релятивистскую, картину мира (пришедшую на смену механистической), исходящую из признания органической связи пространства и времени с движением материи и вытекающего отсюда вероятностного характера естественнонаучных законов и, соответственно, вероятностной, относительной природы научной истины.

О глобальном значении этой научной революции очень точно сказал позднее Люсьен Февр: «Ясно как день, что фактической отправной точкой всех новых концепций, овладевших учеными (или, вернее, исследователями, теми, кто создает, кто движет вперед науку и чаще всего бывает поглощен именно исследованиями, а не их осмыслением), — этой отправной точкой была великая и драматическая теория относительности, потрясшая все здание науки, каким оно представлялось людям моего поколения в годы их юности»*.

* *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991. С. 32.

Относительность исторического знания

Пересмотр позитивистских эпистемологических основ исторического знания происходил под флагом релятивизма и презентизма. Наиболее авторитетными и последовательными критиками позитивизма были выдающиеся мыслители XX в. Б. Кроче и Р. Дж. Коллингвуд, которые, вслед за Гегелем, представляли исторический процесс как историю развития духа. Они утверждали, что история, в отличие от природы, не может быть объективно отражена в сознании исследователя. Факты природы и истории не являются фактами в одном и том же смысле слова. Факты природы — то, что ученый может зримо воспринять или воспроизвести в лаборатории. В роли фактов истории выступают события, случившиеся в прошлом, и условия, которых больше не существует. Они становятся объектами исторической мысли лишь после того, как перестают непосредственно восприниматься. В распоряжении историка только документы или иные реликты, остатки прошлого, из которых он и должен каким-то образом реконструировать факты. В этом и заключается специфика исторического познания, в то время как все теории познания, понимающие его как непосредственное отношение между субъектом и объектом, существующими в настоящее время и противопоставленными друг другу, делают историю как науку невозможной. Однако «теория исторического познания в рамках здравого смысла», по выражению Р. Коллингвуда, предлагает собственный критерий истины — соответствие утверждений, сделанных историком, умозаключениям, которые он обнаруживает у своих авторитетов. Между этими принципами лежит поле поисков нового критерия достоверности, без которого не может быть критики источников.

Итальянский историк и философ **БЕНЕДЕТТО КРОЧЕ** (1866—1952) начинал свои первые исследования как позитивист. Однако быстро ощутив ограниченность характерного для позитивизма натуралистического подхода к истории, не оставлявшего места «ни для человека, ни для истории человека», исследователь приходит к осознанию необходимости создания национальной истории, понимаемой не как хроника событий, а как «история чувств и духовной жизни». Философские взгляды Кроче претерпевают весьма сложную эволюцию. Последовательно испытав на себе влияние неокантианства и марксизма, он, наконец, приходит к гегельянской философии «абсолютного духа».

Основные теоретические постулаты своей методологии исторического познания, которую Кроче называл «абсолютным исто-

ризмом», он изложил в труде **«Теория и история историографии»** (1915). Кроче стремился выявить преемственность, непрерывность духовного развития каждого народа, трактовал историю как органическую связь прошлого и настоящего. Главный пафос его концепции, близкой к взглядам Вико и историографии романтизма, направлен на признание и в процессе исторического развития, и в процессе познания роли активной личности, творящей историю в соответствии со своими нравственными, ценностными установками. Один из основных постулатов «абсолютного историзма» — тезис о современности истории: всякая подлинная история всегда современна, поскольку мы познаем ту историю, которую важно знать в данный момент.

Историческое сознание выступает необходимой предпосылкой действия, а главным творцом истории в концепции Кроче является свободный, мыслящий индивид, руководствующийся в своих поступках как совокупностью определенных общественных ценностей и установок, так и волей Провидения, которую людям не дано познать. Индивид, творящий историю, стремится пережить и переосмыслить прошлое в настоящем. Объяснение причин событий Кроче искал внутри самого процесса мысли, а не во внешних по отношению к нему факторах (Бог или закон), что было характерно для других идеалистических и позитивистских концепций, а также для исторического материализма.

В США 20—30-х гг. XX в. сильные позиции занимали критики позитивизма, которые делали упор на относительность исторического знания (так называемый американский релятивизм). Была отвергнута классическая парадигма истории, которая базировалась на убеждении в наличии твердых «кирпичиков»-фактов, существующих независимо от исследователей, которые создают на их основе объективный образ истории. Видные американские ученые Ч. Бирд и К. Беккер подчеркивали неизбежность личного воздействия историка на результаты его исследования, невозможность объективного познания прошлого, коль скоро в силу самой природы исторического процесса он не может нейтрально относиться к тому, что изучает.

КАРЛ ЛОТУС БЕККЕР (1873—1948) призывал к отказу от привычки думать об истории как части внешнего мира и об исторических фактах как действительных событиях. Релятивизм на американской почве вылился в презентистскую версию, исходный принцип которой состоял в признании прошлого продуктом настоящего — прошлое рисовалось как проекция настоящего, как воображаемый образ, не имеющий независимой от исследователя опоры в реальности. Развивая это положение, **ЧАРЛЗ ОСТИН БИРД** (1874—1948), глава одной из ведущих школ американской историографии 1930-х гг., ссылался на утверждение

Кроче о том, что история есть не более чем «современная мысль о прошлом». В своем знаменитом адресе к Американской исторической ассоциации (в качестве ее новоизбранного президента) в 1933 г. Бирд, в частности, заявил: «История как мысль, а не как действительность, документ или специальное знание — вот что реально означает термин «история» в его самом широком и всеобщем смысле»*. Им развивалось представление о субъективной природе исторического знания как акта веры, основанного на свободном выборе историком фактов и исследовательских концепций: поскольку силы историка ограничены, он не может использовать все факты о каком-либо событии нового и новейшего времени и отбирает их для исследования субъективно, сообразно обстоятельствам жизни и своим природным свойствам. В практике конкретного исторического исследования относительная достоверность результатов определялась соответствием его выводов гипотетическим основаниям предлагаемой концепции.

Конечно, сама по себе «прививка» релятивизма была необходима для достижения дисциплинарной самостоятельности истории и развития собственного научного инструментария, но столь радикальный пересмотр познавательных возможностей истории угрожал полной потерей ею своего научного статуса. Признавалась возможность любых интерпретаций истории: каждый человек сам себе историк, как утверждал Беккер заголовком одной из своих статей. Однако те, кто отрицал представления об объективном характере исторического знания, признавали профессиональные, основанные на критике источников, труды, а следовательно, на практике принимали всю или почти всю позитивистскую методологию истории.

Умеренный релятивизм, указывая на специфику исторического познания и его субъективную сторону, в отличие от презентизма, имел более широкую методологическую базу и нашел отражение в некоторых попытках построения синтетических концепций.

Едва ли не первый опыт осмысления новой исторической реальности, рожденной Первой мировой войной и Октябрьской революцией, и, соответственно, места и задач исторической науки принадлежит крупному российскому ученому **РОБЕРТУ ЮРЬЕВИЧУ ВИППЕРУ** (1859—1954), который рассматривал глубокий кризис западной культуры как прямое следствие переживаемой эпохи, характеризующейся ломкой привычного порядка вещей. Это неизбежно вело к радикальному пересмотру всей системы исторических представлений, суть которого Виппер усматривал

* *Beard Ch. A.* Written History as an Act of Faith // American Historical Review. 1934. Vol. 39. P. 219.

в необходимости переосмысления самого предмета истории: место истории состояний должна занять история событий. Иначе говоря, полагал он, и в изучении, и в преподавании взамен социальной и культурной истории на первый план выдвигаются история политическая и история международных отношений. Таким образом, приобретенный за годы войны и революции жизненный опыт радикально переменил взгляд на историю, показав первенствующее значение событий, личностей, идей. Признавая, что как материалистический, так и идеалистический подход, взятые каждый в отдельности, являются недостаточными, односторонними, Виппер, тем не менее, настаивал, что именно последний отвечает запросам людей нового поколения.

Другой российский ученый А. С. Лаппо-Данилевский, создатель обширного систематического курса «Методология истории», подчеркивая роль субъекта в процессе познания, зависимость устанавливаемого научного факта от условий исследования, роль воззрений и ценностных установок, которые возникли и сформировались за время, разделяющее объект исследования и то, что является настоящим для историка, отстаивал синтезирующий характер исторического знания.

В концепции всеобщей, системной истории выдающегося русского историка и религиозного философа **ЛЬВА ПЛАТОНОВИЧА КАРСАВИНА** (1882—1952) отвергалось противопоставление индивидуализирующего и генерализирующего подходов к изучению истории человечества, поскольку всякая индивидуальность воспринималась как абсолютное выражение определенной целостности. Карсавин считал, что идея прогресса не учитывает противоречивость процесса развития и, закрывая путь к подлинному пониманию как прошлого, так и настоящего, обесценивает историю. Предмет истории он определял как человечество в его социальном (т. е. общественном, политическом, материально- и духовно-культурном) развитии, в едином и непрерывном процессе, ни одна из сторон которого не может быть признана причиной, однозначно определяющей остальные.

Идеи Карсавина о подходе к изучению истории, развитые в работах **«Введение в историю: Теория истории»** (1920) и **«Философия истории»** (1922), не были должным образом оценены его современниками, они оказались востребованными в отечественной историографии лишь на исходе XX столетия.

Выдающийся британский историк и философ **РОБИН ДЖОРДЖ КОЛЛИНГВУД** (1888—1943) определял предмет исторического знания как «res gestae — действия людей, совершенные в прошлом». Представляя исторический факт как перевоплощение мысли действующего лица в сознании историка, он уделял большое внимание характеристике доказательств и рассуждений.

По мнению Коллингвуда, отправным пунктом организации знания в точных науках являются допущения, в истории — факты. Исторический метод заключается в интерпретации фактических данных, которые «по отдельности называются документами». Историческое познание не зависит ни от авторитета, ни от памяти. Коллингвуд подчеркивал, что историк может вновь открыть то, что было полностью забыто в результате утраты свидетельств о нем: он может даже открыть что-то, о чем до него никто не знал. Ученый интерполирует между высказываниями, извлеченными из источников, другие высказывания, предполагаемые ими. Однако этот акт интерполяции отнюдь не произволен, это конструкция иного типа, чем та, что создается историческим романистом, она не включает ничего такого, что не вытекает с необходимостью из имеющихся данных.

Коллингвуд сформулировал принципы профессиональной истории следующим образом: «Историк имеет право и обязан, пользуясь методами, присущими его науке, составить собственное суждение о том, каково правильное решение любой программы, встающей перед ним в процессе его работы»*. Иными словами, историк всегда з а н о в о исследует изученные ранее факты. Его выводы, в отличие от общезначимых выводов физика, — всегда его личное переживание и суждение.

Коллингвуд утверждал, что историк, исследуя любое событие прошлого, проводит грань между тем, что можно назвать внешней и внутренней сторонами данного события. Под внешней стороной события он подразумевал все, что может быть описано в терминах, относящихся к телам и их движениям: переход Цезаря в сопровождении определенных людей через реку, именуемую Рубикон, в определенное время или же капли его крови на полу здания сената в другое время. Под внутренней стороной события он понимал то, что может быть описано только с помощью категорий мысли: вызов, брошенный Цезарем законам Республики, или же столкновение его конституционной политики с политикой его убийц. Коллингвуд подчеркивал, что работа историка может начаться с выявления внешней стороны события, но она никогда этим не завершается: «Он всегда должен помнить, что событие было действием и что его главная задача — мысленное проникновение в это действие, проникновение, ставящее своей целью познание мысли того, кто его предпринял...»**. Доказывая, что историк не обязан и не может подражать естествоиспытателю, занимаясь поиском причин и законов событий, Коллингвуд отмечал, что это не означает, что такой

---

* *Коллингвуд Р.* Идея истории; Автобиография. М., 1980. С. 244.

** Там же. С. 203.

термин, как «причина», совершенно неуместен при описании исторических событий; это значит только то, что он используется здесь в особом смысле. Когда историк спрашивает: «Почему Брут убил Цезаря?», то его вопрос сводится к следующему: «Каковы были мысли Брута, заставившие его принять решение об убийстве Цезаря?» Причина события для историка тождественна мыслям того человека, действия которого это событие вызвали.

Коллингвуд писал, что история нужна для человеческого самопознания: «Познание самого себя означает познание того, что вы в состоянии сделать, а так как никто не может знать этого, не пытаясь действовать, то единственный ключ к ответу на вопрос, что может сделать человек, лежит в его прошлых действиях. Ценность истории поэтому и заключается в том, что благодаря ей мы узнаем, что человек сделал, и тем самым — что он собой представляет»*.

Коллингвуд противопоставлял ненаучную «историю ножниц и клея» и «научную историю». Первая, по его мнению, сводится к отбору и комбинированию существующих свидетельств и характерна для поздней античности и средних веков. С XVII в. получает распространение критическая история, которую Коллингвуд, видя в ее основе стремление определить достоверность сведений источников, считал всего лишь разновидностью «истории ножниц и клея». В XIX в. степень достоверности источников также представляет несомненный интерес, но в рамках «научной истории» исследователь анализирует источники, беря на себя инициативу в решении вопроса о том, что он хочет найти в них. Если «историк ножниц и клея» читает источники, исходя из допущения, что в них нет ничего, о чем бы они прямо не говорили читателю, то «научный историк» добывает из них сведения, которые на первый взгляд говорят о чем-то совершенно ином, а на самом деле дают ответ на вопрос, который он поставил. Ученый разработал принципы исторической интерпретации, основанной на стремлении историка войти в контекст изучаемой эпохи.

Коллингвуд первым поставил в развернутой форме ключевой вопрос о «втором измерении исторической мысли», или «истории истории». Размышляя над расхождением между целью акта исторического воображения и его практикой, он писал: «В принципе целью любого такого акта является использование всей совокупности воспринимаемого здесь-и-теперь в качестве исходного материала для построения логического вывода об историческом прошлом, развитие которого и привело к его возникновению. На практике, однако, эта цель никогда не может быть достигнута.

* *Коллингвуд Р.* Идея истории; Автобиография. М., 1980. С. 14.

Воспринимаемое здесь-и-теперь никогда не может быть воспринято и тем более объяснено во всей его целостности, а бесконечное прошлое никогда не может быть схвачено целиком»*. Кроме того, из-за непрекращающихся изменений в источниковой базе, в методах и теоретической оснастке исторического исследования никакой результат не будет окончательным. «Каждое новое поколение должно переписывать историю по-своему, каждый же новый историк не удовлетворяется тем, что дает новые ответы на старые вопросы: он должен пересматривать и сами вопросы. А так как история — поток, в который нельзя вступить дважды, то даже отдельный историк, работая над определенным предметом в течение какого-то времени, обнаруживает, когда он пытается вернуться к старой проблеме, что сама проблема изменилась»**. И, как подчеркивал сам Коллингвуд, все это не аргументы в пользу исторического скептицизма. Это блестящее обоснование важнейшего принципа историко-историографического исследования: каждый исследователь занимает определенное место в историческом процессе и может смотреть на него только с той точки зрения, которой он придерживается в настоящий момент.

Экономическая история

Несмотря на все очевидные перемены, позитивистскому «багажу» исторической науки XIX в. — пониманию общества как социального организма, концепции прогресса, идеалу постижения закономерностей и каузальных связей между событиями и процессами, стоящими за действиями великих людей, противопоставлению объективного и субъективного, материальных и духовных факторов — предстояла еще долгая жизнь в XX столетии. Релятивизм шел вразрез с убеждениями многих историков, которые продолжали видеть свое профессиональное предназначение в адекватной реконструкции прошлого, а потому отстаивали объективность фактологической основы исторической науки. Эта установка историков-практиков находила философское обоснование в неопозитивистских концепциях, которые развивались одновременно и параллельно с антипозитивистскими. В рамках неопозитивизма, в частности, активно разрабатывались логические принципы научного знания как такового, а также изучались те нормы и правила, на ко-

* *Коллингвуд Р.* Идея истории; Автобиография. М., 1980. С. 236.
** Там же.

торые опиралась аналитическая деятельность историка. Неопозитивистская философия истории характеризовалась признанием роли в истории общих социологических и психологических факторов и, соответственно, ведущей роли в историческом познании объяснительных процедур — сопоставления изучаемых явлений со стандартами поведения, мышления, типами, структурами отношений повседневности.

КАРЛ РАЙМУНД ПОППЕР (1902—1994) резко критиковал «историцизм» за попытку обнаружить «законы эволюции», якобы дающие возможность предсказывать будущее. Одновременно он справедливо отмечал черты сходства и различия естественнонаучного, социального и исторического познания, придавая большое значение анализу исследовательских процедур в исторической науке. По его мнению, эти процедуры во многом могут быть отождествлены с теми, которые используются в физике. Не отрицая наличия общих исторических законов, Поппер в то же время отмечал, что они по большей части тривиальны и не способны выполнять ту функцию, которую выполняют законы в теоретических науках.

Наиболее ярко неопозитивистский подход проявился в новой исторической дисциплине — **экономической истории**, имевшей самые тесные связи с проблемами современности и успешно развивавшейся на фоне мировых экономических кризисов. В начале XX в. она уже преподавалась в американских, британских и французских университетах. Первые работы касались, как правило, экономической политики государства и представляли собой самый удобный переход от занятий политической историей. Но уже очень скоро историко-экономические исследования сосредоточились на изучении движения цен, а затем и вокруг феномена индустриализации, который вызывал наибольший интерес у специалистов во всем мире. Результатом стало особое внимание к Британии — первой стране, пережившей промышленную революцию.

Бурными темпами развивалась специализация внутри историко-экономических исследований: по отраслям производства, регионам, корпорациям, постепенно охватывая все аспекты экономической жизни прошлого, т. е. любую деятельность, связанную с производством, обменом и потреблением. Однако характер и неравномерное хронологическое и географическое распределение сохранившихся источников жестко ограничивали возможность изучения экономической истории во всей полноте, поскольку систематический сбор информации об экономике начался только в XIX в. Знания о более ранних периодах историкам приходилось добывать буквально по крупицам: интерес властей к экономической деятельности подданных почти полностью

ограничивался той ее частью, что облагалась налогами. Круг вопросов экономической истории до XVIII в., на которые исследователи могли дать ответ с достаточной долей уверенности, был резко ограничен скудостью данных.

В экономической истории вместо героев и выдающихся личностей на авансцене оказались объективные факторы, воздействие которых имело тенденцию распространяться и на другие сферы общественной жизни. Более ранние труды по экономической истории носили в основном описательный характер: в них воссоздавалась картина хозяйственной жизни в определенный период, и не проявлялось особого интереса к механизмам экономических перемен. Позже большинство исследований было нацелено на раскрытие динамики роста или упадка экономики в целом, а также по отдельным важнейшим отраслям. Острые споры вызвали как раз векторы и механизмы этих изменений.

Французские ученые **ФРАНСУА СИМИАН** (1873—1935) и **ЭРНЕСТ ЛЯБРУСС** (1895—1988) видели причины смены экономических циклов (подъема и спада) в изменении стоимости денег, движении цен, колебаниях заработной платы, однако широкое использование статистических методов в их работах не было самоцелью: исследователи стремились связать динамику экономических процессов с изменениями в социальных отношениях и коллективной психологии, с активностью общественно-политических движений. Британский историк **РИЧАРД ТОУНИ** (1880—1962) изучал социально-экономические предпосылки Английской буржуазной революции, а **ДЖОН КЛЕПЭМ** (1873—1946) в своей трехтомной **«Экономической истории Великобритании»** (1926—1938) продемонстрировал развитие всех отраслей экономики страны в XIX — начале XX в.

Постепенно историки овладевали новыми методами, в том числе количественными, заимствуя их у экономической науки, и пытались осмыслить изучаемые явления и процессы с точки зрения теорий экономического роста. Часть историков-экономистов были марксистами, а многие придерживались в своих объяснениях принципов так называемого экономического материализма. Позднее, уже в середине века, все больше историков-экономистов избирают количественный подход как основной — для них вопросы и методы исследования во многом предопределяются не историей, а экономической теорией. Главным образом речь в это время идет об эволюционных теориях неопозитивистского толка, прежде всего так называемых теориях экономического роста и индустриального (а позднее постиндустриального) общества. Законы в этих теориях не были всеобщими, имели ограниченную зону действия. Сторонники эволюционных теорий считали, что каждый период экономической ис-

тории имеет собственные законы. Очевидно, что критерием, в соответствии с которым производилось разделение на периоды, являлись основные характеристики (т. е. те же экономические законы) каждого периода. Так получался «заколдованный круг».

С обстоятельной и в высшей степени убедительной критикой этих концепций выступил в то время один из крупнейших теоретиков XX столетия **ЛЮДВИГ ФОН МИЗЕС** (1881—1973), который отмечал, что периодизация экономической истории предполагает знание экономических законов, свойственных каждому периоду, тогда как эти законы могут быть открыты только путем исследования отдельного периода без каких-либо ссылок на события, случающиеся за данными временными рамками. Предполагается, что на протяжении каждого из периодов экономической эволюции, следующих в определенном порядке, экономические законы остаются неизменными, и при этом ничего не говорится о переходе от одного периода к другому. Имеет ли переходный период свои собственные законы? Кроме того, если допустить, что законы экономического становления являются историческими фактами и поэтому изменяются с течением исторических событий, то это, очевидно, противоречит утверждению о существовании периодов, на протяжении которых не происходит никаких изменений.

В 60—70-е гг. XX в. формируется школа **новой экономической истории**, методология которой опирается главным образом на количественный анализ и моделирование экономических процессов. Бурное развитие этого направления в США привело впоследствии к выделению особой группы историков-клиометристов, приверженцев количественных методов (Р. Фогела, С. Энгермана, Д. Норта и др.), работы которых вышли далеко за пределы проблематики экономической истории — в сферу изучения социальных и политических процессов. В 1970—1980-е гг. в рамках новой экономической истории сложилась особая область исследования — история бизнеса.

Цивилизационный и культурно-исторический подходы к изучению прошлого

Наиболее последовательное отрицание «научной истории» нашло отражение в знаменитой книге немецкого историка и философа **ОСВАЛЬДА ШПЕНГЛЕРА** (1880—1936) **«Закат Европы»** (1918—1922). Полярность природы и истории,

полагал мыслитель, образует величайшую противоположность между двумя родами познания, которая равнозначна противоположности научного и жизненного опыта. Иными словами, история, как первоначальная и исконная форма жизненного опыта, не имеет ничего общего с наукой. Отрицание научности истории воплощается Шпенглером в отрицании причинности в мире исторических явлений. Центральное место в его построениях занимает идея судьбы. Постижение судьбы, а значит, и самой истории, над которой она царит, не поддается способам научного познания. Главным методом исторического познания является интуиция.

По мнению немецкого ученого, история представляет собой последовательность замкнутых культурных образований. Каждая из культур имеет особенный характер, выражающийся в разных сторонах их жизни и развития, но все они проходят одинаковый цикл, напоминающий жизненный цикл биологического организма. Шпенглер растворяет историю в жизнеописаниях цивилизаций, каждая из которых рождается, растет, взрослеет, увядает и умирает, и то, что определяет ее зарождение, изменение и исчезновение, проистекает из ее собственной природы. Цикл начинается с варварства примитивной эпохи; затем развиваются политическая организация, искусства и науки — от архаических к классическим формам периода расцвета, сменяющегося консерватизмом эпохи декаданса; наконец, культура приходит к новому варварству и своему концу. Таким образом, мыслитель комбинирует идею замкнутости локальных структур с теорией культурно-исторических циклов, причем теория Шпенглера фиксирует не только фазы циклического развития культуры, но и их продолжительность. Каждая фаза культуры автоматически переходит в следующую, когда для этого наступит подходящее время, безотносительно к тому, как могли бы вести себя индивиды, жившие в ту пору. По сути дела, никакого исторического процесса не существует. Что бы человек ни делал, это не имеет никакого значения для конечного результата.

Методология Шпенглера была предназначена вовсе не для реконструкции претендовавшего на объективность строго верифицируемого образа прошлого, а для создания картины будущего, столь грандиозной и крупномасштабной, что там просто не могло быть места для исторической детализации. К постижению истории ученого двигало стремление постичь судьбы западной цивилизации в критический момент ее существования. В истории исторической мысли XX в. он открывает череду пророков, для которых обращение к прошлому является всего лишь отправным пунктом для смелого прогнозирования будущего. Место анализа исторических источников занимает не ограни-

ченный никакими рамками свободный полет авторской фантазии. О каких-либо проверяемых доказательствах здесь просто не может быть речи. Не удивительно поэтому, что методология Шпенглера вызывала острую и во многом справедливую критику профессиональных историков.

В двенадцатитомном труде **«Постижение истории»** («Исследование истории») выдающегося британского ученого **АРНОЛДА ТОЙНБИ** (1889—1975), который начал выходить в свет с 1934 г., предметом исторического исследования оказывается жизнь человеческих обществ. Тойнби подразделяет историю человечества на ряд локальных цивилизаций (которые в свою очередь делятся на первичные, вторичные и третичные), имеющих одинаковую внутреннюю схему, или *функциональный закон*, развития. Появление, становление и упадок цивилизаций характеризуются такими факторами, как внешний Божественный толчок и энергия, вызов и ответ и, наконец, уход и возвращение. Признается, таким образом, некоторое закономерное движение по кругу. Историческое время на манер античной историографии понимается в известной мере как циклическое. Большое значение приобретают сравнения и аналогии, позволяющие устанавливать циклы, оценивать развитие во времени. При этом каждая из пяти основных выделяемых историком цивилизаций (западная, восточно-христианская, исламская, индуистская, дальневосточная) наследует черты предшествующих цивилизаций.

Среди бесконечного множества задач историка наиболее важными оказываются распознавание и разграничение основных структурных элементов исторического процесса, называемых обществами, и исследование отношений между ними. Каждое общество или примитивно, или цивилизованно. Примитивные общества, которых подавляющее большинство, как правило, сравнительно невелики в смысле географического ареала их обитания и популяции, относительно недолговечны и обычно находят свою насильственную гибель, которую несет им либо цивилизованное общество, либо вторжение другого нецивилизованного общества.

К основным категориям Тойнби относит также всеобщее государство и всеобщую церковь — организации, концентрирующие в себе соответственно всю политическую и религиозную жизнь общества, внутри которого они возникли. Основываясь на этих предпосылках, Тойнби приступает к решению главной задачи — сравнительному изучению цивилизаций: как и почему они возникают, развиваются, гибнут. Затем, в соответствии с планом исследования, он переходит к изучению природы универсальных государств и церквей, героических эпох и контактов между цивилизациями в пространстве и времени.

По мнению Тойнби, историей правит Божественная идея, к пониманию которой можно приблизиться лишь посредством интуиции и озарения. В рамках Божественного плана носителем прогресса является творчество отдельных личностей. Тем не менее он не отрицает возможности объективного познания. Тойнби рассматривает историю как некую совокупность готовых фактов, наблюдаемых, регистрируемых и классифицируемых историком.

Во взглядах Шпенглера и Тойнби есть много общих черт. Главное же различие состоит в том, что у Шпенглера культуры совершенно обособлены друг от друга. Взаимоотношения этих изолированных в пространстве и времени культур, сходство между ними может установить только историк. У Тойнби же эти отношения хотя и имеют внешний характер, но составляют часть жизни самих цивилизаций. Для него чрезвычайно важно, что некоторые общества, присоединяясь к другим, обеспечивают тем самым непрерывность исторического процесса.

В рамках историко-культурологической проблематики в межвоенные годы были достигнуты выдающиеся результаты, существенно обогатившие понимание исторического прошлого и методологию его изучения. В значительной степени они были связаны с деятельностью нидерландского ученого **ЙОХАНА ХЕЙЗИНГИ** (1872—1945), имя которого прочно вошло в историю исторической мысли XX в. Своей знаменитой книгой **«Осень средневековья»** (1919), посвященной исследованию форм жизненного уклада и мышления во Франции и Нидерландах в XIV—XV вв., Хейзинга положил начало формированию нового направления исторического знания — **истории ментальностей**. Не используя само это понятие, ученый обратился к внутреннему миру, душевным переживаниям человека как к одному из важнейших источников познания прошлого. На обширном материале разнообразных источников автор рисует впечатляющий образ уходящей средневековой культуры в ее последней жизненной фазе, воспроизводящий многоцветный мир внутренних переживаний, чувств, страстей, надежд и страхов ее носителей, характерные черты мировидения, поведенческие стереотипы и жизненные установки людей того времени.

Особенно рельефно историзм Хейзинги проявляется в его общей трактовке культуры XV в. как непрерывно изменявшейся во всех своих элементах. В его изображении это мир, полный динамики, многоцветья, в котором старое не просто увядало, а трансформировалось, вступало в сложные отношения с изменяющейся исторической действительностью.

Хейзинга отрицал исторический детерминизм и возможность предсказания в истории: «История, — писал он, — ничего не

может предсказывать, кроме одного: ни один серьезный поворот в человеческих отношениях не происходит в той форме, в которой воображало его себе предшествующее поколение. Мы знаем наверняка, что события будут развиваться иначе, не так, как м ы м о ж е м их себе представить»*.

Потребность в историческом знании исследователь считал абсолютной потребностью, присущей человеку, и дал развернутое обоснование основополагающего значения истории как интегрирующего элемента культуры. Историческое знание, писал он, и есть культура. Поэтому история может стать средством достижения столь необходимого в кризисное время духовного согласия людей. Хейзинга определял историю как духовную форму, в которой культура отдает себе отчет о своем прошлом. В его творчестве с невиданной ранее в историко-философских трудах силой прозвучала тема человека в истории. Он стоял у истоков таких интенсивно развивающихся направлений современной науки, как историческая антропология и культурология.

«Служанка идеологии»

Идейно-политический момент всегда оказывал (и оказывает) заметное воздействие на историографию от античности до дня сегодняшнего. Изменяется только интенсивность этого воздействия на внутренний мир науки и сфера его охвата, которые находятся в прямой зависимости от политического режима и социальной обстановки в той или иной стране. Но есть периоды в истории разных стран, когда мощность идеологического пресса оставляет только самую узкую нишу для беспристрастного летописца. Так, в XX в. идейно-политическая составляющая вышла на первый план в советской историографии. Конечно, в стране продолжали работать историки, получившие профессиональную подготовку и сформировавшиеся как зрелые ученые в дореволюционной России, но тенденция партийности и государственный контроль нарастали с каждым годом.

С установлением советской власти в России возникает ряд новых научно-исторических центров. В Ленинграде в 1919 г. была создана Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК), а в Москве в 1921 г. учрежден подчиненный Наркомпросу Институт истории, который был одним из пяти уч-

* *Хейзинга Й.* Homo ludens: В тени завтрашнего дня. М., 1992. С. 357.

реждений, объединенных в Российскую ассоциацию научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). В 1927 г. создается отделение института в Ленинграде. В 1926 г. была образована постоянная Историко-археографическая комиссия, сосредоточившая свое внимание на памятниках русской истории. При Коммунистической академии в 1926 г. основали Общество историков-марксистов с собственным печатным органом — «Историк-марксист». И одновременно в средней школе историю заменяли обществоведением, ликвидировали исторические факультеты в университетах; ранние периоды истории не включались в программы.

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. главным содержанием работы научных учреждений являлись бесконечные дискуссии о сущности и характере общественно-экономических формаций. Со временем партийное вмешательство в работу исторических организаций стало повседневным, а ход дискуссий и судьбы ученых определялись постановлениями Совнаркома и ЦК ВКП(б). Например, об «антимарксистских извращениях» «исторической школы М. Н. Покровского» говорилось в постановлении ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» (1938). С начала 1930-х и до начала 1940-х гг. исследователи констатируют полное подчинение науки требованиям партийно-идеологической системы, ликвидацию любой научной альтернативы марксизму и пресечение научных поисков в самом марксизме.

В 1934 г. была проведена реформа преподавания истории в школах и восстановлены исторические факультеты в университетах. Немного позднее были реорганизованы и влились в Академию наук научно-исторические учреждения всех республик СССР. Как писали тогда в газетах, историческая наука была постоянно предметом забот и внимания со стороны партии и лично товарища Сталина. Эта неусыпная забота имела следствием самые жесткие ограничения творческого поиска исследователей, сведение его задач к подтверждению основных положений классиков марксизма-ленинизма.

Официальная идеология тоталитарных режимов неизменно «прибирала к рукам» национальную историографию и историческое образование, как на Востоке, так и на Западе. Ярчайший пример — распространение расистских исторических концепций в гитлеровской Германии, где расизм получил статус официальной идеологии. Чего стоят только названия выходивших в то время исторических монографий и обобщающих трудов: «Немецкая история как судьба расы», «История как борьба рас», «Основы расовой и территориальной истории немецкого народа», «Всемирная история на расовой основе» и т.п. Появление

работ, не соответствовавших официальной идеологии, стало невозможным. В 1935 г. был создан Имперский институт истории новой Германии. Многие известные немецкие историки были отстранены от преподавания по расовым и политическим соображениям или эмигрировали. В конце 1943 г. в связи с переходом к «тотальной войне» закрылось большинство исторических журналов и научных учреждений.

Советская историография, вооруженная «единственно верным» марксистско-ленинским учением, прошла в XX в. долгий и чрезвычайно тяжелый путь, испытав все возможные градации в накале классовой борьбы. Однако в наибольшей степени и, можно сказать, глобально, идейно-политическая ангажированность захватила историографию после Второй мировой войны. В ожесточенной конфронтации двух мировых общественно-политических систем истории отводилась немаловажная роль. И чем более ревностно она эту роль исполняла, предоставляя каждой противоборствующей стороне идеологическое обеспечение ее программных установок и политических доктрин, тем сильнее дискредитировала себя как дисциплину, претендовавшую на получение научных знаний об историческом прошлом, и тем серьезнее становились сомнения в принципиальной возможности получения таких знаний.

Острое противостояние двух систем, вошедшее в историю международных отношений под названием *холодной войны*, оказало большое влияние на разные сферы жизни послевоенного мира, в том числе на развитие историописания. В центре этого противостояния была конфронтация двух сверхдержав и, соответственно, двух национальных историографий, защищавших фундаментальные ценности своих систем. Эффективное исполнение этой роли требовало активного разоблачения противоположной системы ценностей, и едва ли можно установить, какая из сторон больше преуспела в этом. Советские историки столь же усердно разоблачали «звериный оскал мирового жандарма и его идеологических прихвостней», как и их американские коллеги — «человеконенавистническую практику советского коммунизма». Необходимо признать, что у тех и других были свои резоны для обвинений. Но также следует отметить, что движителем взаимных яростных инвектив отнюдь не было стремление к исторической истине.

Наличествуют любопытные параллели в духовной атмосфере двух стран в первые послевоенные годы. «Ждановщине» в СССР соответствовал «маккартизм» в США. Первое понятие носило имя деятеля советской компартии А. А. Жданова, с которым были связаны позорные идеологические кампании, проводившиеся в СССР в 1946—1948 гг., (их жертвами стали

многие выдающиеся деятели советской культуры). «Маккартизм» связан с именем председателя сенатской комиссии Конгресса США по вопросам деятельности правительственных учреждений Д. Р. Маккарти, развернувшего не менее позорную кампанию по расследованию антиамериканской деятельности, от которой пострадали тысячи видных представителей американской культуры и науки, в том числе и историки. Добавим к этому целенаправленно нагнетавшуюся в обеих странах атмосферу взаимной подозрительности, страха, ненависти и получим представление о том общественно-политическом контексте, в котором развивалась историческая мысль в самые тяжелые годы холодной войны. Обличая друг друга как носителей мирового зла, советские и американские историки четко осознавали свое место в холодной войне, являлись ее идеологами. Недаром именно в эти годы многие советские ученые с особой гордостью именовали себя «бойцами идеологического фронта», каковыми они в сущности и являлись, парадоксальным образом сочетая эту функцию с претензией на непогрешимость своих суждений о прошлом.

Американская историография формулировала и обосновывала идеологию холодной войны на одном из ее полюсов. Это была официальная, охранительная идеология, запрещавшая любые сомнения в отношении западных духовных ценностей. Вся история США, покоившаяся на этих ценностях, была вне критики.

Но могла ли такая история претендовать на статус научной дисциплины? Рассматривая положение западной историографии после Второй мировой войны, следует иметь в виду, что в это время она встретилась с острой конкуренцией со стороны других социальных и гуманитарных наук. И в том и в другом случае субъективизму и описательности истории противопоставлялся научный подход к изучению предмета. К тому же прошлое настолько далеко ушло от настоящего, что обращение к нему, казалось, навсегда утратило всякое социально-практическое значение.

В такой духовной атмосфере социальные науки, ориентировавшиеся на изучение современности, не только активно вытесняли историю из ее традиционной ниши, но и пытались «научно» обосновать ее неизбежную кончину как общественно значимой дисциплины. С другой стороны, следует признать, что сама послевоенная историография, пронизанная презентизмом, давала основание для нигилистического отношения к себе. Историческое познание лишалось какого-либо объективного основания, превращаясь в простую проекцию современности в прошлое, а его носителями наряду с историками провозглашались представители широкого круга профессий, имеющих то или иное отношение к историческим знаниям, прежде всего пи-

сателей, публицистов, журналистов. То, что история отличается от литературы и журналистики наличием исследовательских методологий и методик, ориентированных на получение достоверных знаний о прошлом, подвергалось сомнению. Расписываясь в собственном познавательном бессилии, отрицая за своей дисциплиной статус науки, историки, возможно, сами того не сознавая, выносили ей приговор или, во всяком случае, представляли для него достаточные основания. Казалось, истории оставались только два удела: быть либо собранием антикварных раритетов, далеких от жизни, либо орудием политики. И чем более историки преуспевали в последнем, тем дальше они уходили от того идеала своей науки, который воплощала господствовавшая в XIX в. парадигма истории.

С середины 1950-х до середины 1960-х гг., в период «оттепели», в СССР происходит некоторое ослабление идеологического контроля со стороны партийно-государственных органов. Новые условия создают возможности методологических поисков в рамках марксистской парадигмы, которые, впрочем, были вскоре приостановлены до середины 1980-х гг. В западной историографии на рубеже 1950—1960-х гг. завершается период, который обычно обозначают как кризис историзма.

«Бои за историю». История как проблема

«Постановка проблемы — это и есть начало и конец всякого исторического исследования. Где нет проблем — там нет и истории, только пустые разглагольствования и компиляции... Формула «научно проводимое исследование» включает в себя два действия, лежащие в основе всякой современной научной работы: постановку проблем и выработку гипотез»*. Это слова **ЛЮСЬЕНА ФЕВРА** (1878—1956), выдающегося французского ученого, совершившего со своими единомышленниками и соратниками методологическую революцию в истории, человека, который ярче всех описал драматизм ситуации, сложившейся в научном знании первой половины XX в. «От одного толчка рушилось целое представление о мире, выработанное в течение веков поколениями ученых,— представление о мире абстрактном, обобщенном, заключающем в себе свое объяснение... Старые теории необходимо было заменить новыми. Следовало пересмотреть все научные понятия,

* *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991. С. 24.

на которых покоилось до сих пор наше мировоззрение»*. Февр понимал, что избавиться от разочарования в истории, утраты доверия к ней, от горького сознания того, что заниматься историей — значит попусту терять время, можно только отчетливо осознав связь между историей и родственными ей дисциплинами и установив между ними тесный союз. Он ратовал за сотрудничество между историками, социологами и психологами, поскольку их общая цель состоит в изучении человеческой личности. К изучению безымянных масс прошлого приложима социальная психология, а к действиям так называемых исторических фигур — психология индивидуальная.

Ведущую роль в преодолении кризиса исторической науки сыграла французская историография в лице нескольких поколений историков, первыми из которых были Февр и **МАРК БЛОК** (1886—1944), подлинные новаторы, осуществившие знаменательный переворот, который возвратил историческому знанию утраченное им гуманистическое содержание, вернувшие истории интерес публики, широкую читательскую аудиторию, привлеченную проблематикой, тесно связанной с жизнью современного общества. Именно они стояли у истоков мощного историографического направления и нового этапа развития исторической мысли: постановка новых проблем, новое прочтение старых источников, применение новых, нетрадиционных методов их исследования — так в самом лаконичном стиле можно обозначить их вклад в мировую историографию.

В 1929 г. Блок и Февр основали научный журнал **«Анналы социальной и экономической истории»**, который с тех пор не раз модифицировал свое название, и потому обычно его называют просто «Анналы». В первом же номере журнала прозвучал призыв к более широкому подходу к истории. Был взят курс на междисциплинарную историю и привлечение к совместной исследовательской работе представителей общественных наук — экономики, социологии, социальной психологии и др. На этой междисциплинарной основе ученые «школы "Анналов"» продолжали расширять и совершенствовать содержание и методологию исторической науки в русле всеобъемлющей **«тотальной** («глобальной») **истории»**, которая является предельным воплощением истории целостной, синтетической. «Тотальная история» не претендует на всемирность и может быть реализована скорее в самом что ни на есть локальном масштабе: в истории городского или деревенского прихода, отдельной местности, и даже на довольно ограниченном отрезке времени. Это история людей и отдельных человеческих сообществ, ставящая целью

* *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991. С. 34.

восстановить все аспекты их жизни и деятельности в переплетении разных обстоятельств и побудительных причин. Историки «школы "Анналов"» не делят жизнь людей на политическую, хозяйственную, религиозную и другие сферы, как не делится она для каждого человека в его реальной жизни. Их исследование воссоздает по-настоящему стереоскопическую, многоуровневую и «очеловеченную» картину исторического прошлого.

Февр, в частности, отмечал: «Экономической и социальной истории не существует. Существует история как таковая во всей своей целостности. История, которая является социальной в силу самой своей природы... Человек в нашем понимании является средоточием всех присущих ему видов деятельности; историку позволительно с особенным интересом относиться к одному из этих видов, скажем, к деятельности экономической. Но при единственном условии: нельзя забывать, что любой из этих видов всегда затрагивает целиком всего человека... Предмет наших исследований — не какой-нибудь фрагмент действительности, не один из обособленных аспектов человеческой деятельности, а сам человек, рассматриваемый на фоне социальных групп, членом которых он является... История — наука о человеке, не будем забывать об этом»*.

Итак, изменился предмет исследования (им стал человек в истории) и сама историческая наука.

Марк Блок в работе **«Апология истории, или Ремесло историка»** (1940—1942) подчеркивал молодость исторической науки, несовершенство ее методов, роль смежных социальных наук в ее становлении как аналитической дисциплины. Имея в виду, в частности, социологическую школу Дюркгейма, он писал: «Она научила нас анализировать более глубоко, ограничивать проблемы более строго, я бы сказал даже, мыслить не так упрощенно. О ней мы здесь будем говорить лишь с бесконечной благодарностью и уважением. И если сегодня она уже кажется превзойденной, то такова рано или поздно расплата для всех умственных течений за их плодотворность»**. К числу заслуг М. Блока перед исторической наукой несомненно следует отнести и то, что он показал различные, не заменяющие друг друга способы *компаративного* (сравнительно-исторического) подхода, который считал эффективным эвристическим средством, помогающим решать новые исследовательские проблемы. Сам он, опираясь именно на этот метод в исследовании процессов французской аграрной истории, аналогичных английским огора-

* *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991. С. 25, 36.
** *Блок М.* Апология истории. М., 1983. С. 12.

живаниям, открыл подобную же трасформацию в Провансе XV—XVII вв., которая прежде не была замечена историками. Кроме того, Марк Блок привлек внимание к тому факту, что компаративный метод рассмотрения проблемы способен раскрыть глубинные причины того или иного явления и таким образом объяснить его. И наконец, Блок видел в сравнительном методе процедуру, наиболее отчетливо проявляющую специфику отдельных, на первый взгляд, схожих процессов, более детальное сопоставление которых проливает свет на значительные различия между ними.

Блок и Февр порвали с традициями позитивистской историографии, особенно сильными во Франции — на родине Конта. Они вели битвы за н а у ч н у ю историю против традиционной, повествовательной и эрудитской историографии, решительно отвергнув историю-рассказ, разработав концепцию истории-проблемы и преодолев, таким образом, упрощенный событийный подход к освещению исторического прошлого. Они противопоставили повествованию о событиях исследование глубинных пластов исторической действительности. Они стремились обнаружить в текстах источников ненамеренные, непроизвольные высказывания, а также то, о чем авторы исторических текстов сообщали помимо собственной воли, тот «остаток», который не подвергся внутренней цензуре создателей текстов. Прекрасно определяет научную позицию девиз Февра: «Историк не тот, кто знает, а тот, кто ищет».

«Новая историческая наука»

Принцип междисциплинарности стал ведущим в исследовательской стратегии ранних «Анналов». С 60-х гг. XX в., с изменением представления о характере отношений между историей и общественными науками, начинается «золотой век» междисциплинарного взаимодействия, в котором преобладают установки на равноправное сотрудничество в формировании «новой исторической науки» на базе интегрального междисциплинарного подхода к изучению общества.

«Н о в а я и с т о р и я» (la nouvelle histoire), или «новая историческая наука» XX столетия, рождалась как интеллектуальное движение, критическое по отношению и к позитивизму, и к марксизму. Она выступила против событийно-описательной истории и объяснения событий прошлого действием универсальных закономерностей. Ведущая роль в ее формировании

принадлежит французским историкам, группировавшимся вокруг журнала «Анналы». «Новая история», по существу, совершила революционный переворот в исторической профессии. Последователи М. Блока и Л. Февра решительно выступали против глубоко укорененного в профессиональном сознании историков середины XX в. представления о полной зависимости ученого от документа, поставив во главу угла творческую активность самого исследователя и научную проблему, которая определяет отбор источников и ракурс их изучения.

Основные принципы Блока и Февра получили развитие в рамках проблемных полей «новой исторической науки». «Новая история» первых послевоенных десятилетий связана с именем крупнейшего французского историка, признанного лидера «школы "Анналов"», основателя «Дома наук о человеке» (1962) — центра междисциплинарных исследований в области гуманитарных наук — **ФЕРНАНА БРОДЕЛЯ** (1902—1985) и его фундаментальными синтетическими трудами **«Средиземное море и мир Средиземноморья в эпоху Филиппа II»** (1949) и **«Материальная цивилизация, экономика и капитализм: XV—XVIII вв.»** (1979). В его работах междисциплинарная ориентация «новой исторической науки» раскрылась во всей полноте. Идеал Броделя — системная «глобальная» («тотальная») история с ее безграничными возможностями. Он показал, что экономическая история не сводится к изучению механизмов производства и обмена, абстрактных товарно-денежных отношений, а выходит далеко за их пределы. Ученый рассматривал и «почти неподвижную» историю взаимоотношений человека с окружающей средой (геоисторию), и структурную историю «медленных изменений» (развития экономики, общества, государства и цивилизации), и событийную историю, соразмерную времени человеческой жизни. Сам он объявлял себя структуралистом и отвергал историю «эфемерных событий». Материальная культура и структуры повседневности объемлют, по мнению Броделя, все, из чего складывается жизнь человека, включая соответствующие взаимоотношения, желания, идеалы, ценности и правила, регулирующие индивидуальное и коллективное поведение. Главная задача исследователя — обнаружить инвариант человеческого сознания и социального поведения, присутствующий во всех формах быта, обмена, брака и семьи, религиозного культа и политической организации.

Концепция «тотальной» истории Броделя оказала огромное влияние на западную историографию, приобрела множество последователей во Франции и во всем мире. Ее могучее воздействие проявилось в поисках новых путей и методов исторического исследования, которые вели в 1970-е гг. возглавляемые **ЖОРЖЕМ ДЮБИ** и **ЖАКОМ ЛЕ ГОФФОМ** представители так называемого

третьего поколения «школы "Анналов"», не удовлетворенные структуралистской версией «новой истории» и считавшие необходимым вернуть не только человека, но и события в сферу интересов историка. В рамках истории ментальностей на первый план выдвигаются изучение культурного механизма социального взаимодействия и проблема соотношения исторической реальности и ее репрезентации — «мира воображаемого». История ментальностей выдвинула на первый план реконструкцию картин мира разных эпох — изучение специфических черт мировосприятия людей, их жизненного уклада, массового сознания — представлений, верований и ценностных ориентаций индивидов и общества в целом.

Новизна междисциплинарной ситуации 1970-х гг. состояла в том, что речь шла уже не только об использовании данных и методик других дисциплин, но и об интеграции на уровне объектов их научных интересов, и более того — о конструировании междисциплинарных объектов. Таким образом, «новая историческая наука», в которой центральным предметом исследования стал человек в обществе, — это уже междисциплинарная история в полном смысле слова, но ее познавательные приоритеты и, соответственно, основные контрагенты в сфере социальных наук, к которым историки обращались в поисках научной методологии, со временем менялись. Период 1960-х и начала 1970-х гг., ключевой для становления «новой истории», проходил под знаменем социологии, социальной антропологии, демографии и количественных методов. В это время наряду с полемикой о старых и новых путях истории, об избавлении от приоритета политической и событийной истории и преодолении методологического кризиса в традиционной историографии развернулась широкая дискуссия об отношениях между историей и социологией. Тенденция к сближению была по сути обоюдной, но в разных странах инициатива проявлялась с разных сторон: в одних случаях она принадлежала историкам, в других — представителям социальных наук. Если во Франции активной стороной в диалоге между историей и социологией были историки, то в США эта роль безраздельно принадлежала социологам, в то время как историки упорно сопротивлялись призывам к сближению двух наук. Та же ситуация сложилась и в Великобритании, где дискуссия приняла затяжной характер. В целом в ходе дискуссии обнаружился поворот части новой историографии к теоретической истории и поискам общей модели, которая позволила бы связать отдельные исследования, сравнить и обобщить их, утвердить историю в положении общественной науки. Однако сложность междисциплинарных коммуникаций усугублялась заметными расхождениями в позициях самих историков.

Социальная история и историческая антропология

Понимание истории как социального взаимодействия людей проявлялось в разные времена в специфических формах, обусловленных особенностями исторического бытия. Понятно, что попытки дать развернутую и точную дефиницию социальной истории «на все времена» наталкиваются на непреодолимые трудности и заранее обречены на провал. Учитывая исторический характер самого понятия социальной истории как отрасли исторической науки, ключевую роль в ее анализе приобретает выявление актуальных — на каждом этапе интеллектуальной эволюции — интерпретаций ее предмета, формулировки центральных проблем, особого угла их рассмотрения, методов и технических приемов социально-исторического исследования.

Становление и расцвет социальной истории как ведущей исторической дисциплины справедливо связывается с интенсивным процессом обновления методологического арсенала исторической науки, развернувшимся в послевоенные десятилетия. Главной и определяющей чертой развития историографии середины XX в. было движение за аналитическую междисциплинарную историю, обогащенную теоретическими моделями и исследовательской техникой общественных наук, в противоположность традиционной истории, которая рассматривалась исключительно как область гуманитарного знания. Именно в русле этого широкого интеллектуального движения второй половины XX в. и родилась так называемая **«новая социальная история»**, которая выдвинула задачу интерпретации исторического прошлого в терминах социологии, описывающих внутреннее состояние общества, его отдельных групп и отношений между ними.

«Новой социальной истории» предшествовала длительная стадия кристаллизации так называемой старой, или классической, социальной истории и накопления принципиальных расхождений традиционного и сциентистского подходов, которая и завершилась разрывом с историографической традицией. Если попытаться кратко сформулировать важнейшие отличительные черты социальной истории как области исторического знания, то, пожалуй, прежде всего, следовало бы отметить ее удивительную подвижность и способность адаптироваться к радикальным изменениям в динамично развивающейся современной историографии. На разных этапах своего развития эта научная дисциплина неоднократно оказывалась перед необходимостью пере-

определения собственного предмета и обновления ставших привычными моделей исследования и обобщения.

Своей изменчивостью и восприимчивостью, определявшими логику развития «новой социальной истории» в течение нескольких десятилетий, она обязана той предельной открытости другим областям знания — исторического, гуманитарного, социально-научного, — которая заложена в самой природе ее интегрального объекта познания.

В 1960-е — начале 1970-х гг. стремление к изучению социальных отношений проявлялось в рамках историко-социологических исследований, а в понимании самой социальной истории превалировал идеал тотальности, ориентировавший на изучение общества как целостности. Именно в эти годы возрождается интерес к исторической и сравнительной социологии, а также к наследию Макса Вебера, который успешно сочетал конкретно-исторический, сравнительно-типологический и идеально-типический методы рассмотрения общественных процессов (т. е. исторический и социологический подходы) и рассматривал историю и социологию как два направления научного интереса, а не как две разные дисциплины. В 1970-е — начале 1980-х гг. бурный рост «новой социальной истории» и ее субдисциплин, как и всей «новой исторической науки», происходил на достаточно эклектичной методологической основе, но в это время значительно расширилось само понятие социальной истории: наряду с классами, сословиями и иными большими группами людей она сделала предметом своего изучения социальные микроструктуры: семью, общину, приход, разного рода другие общности и корпорации, которые были столь распространены в доиндустриальную эпоху. Прямолинейному классовому подходу была противопоставлена более сложная картина социальных структур, промежуточных слоев и страт, позволявшая тоньше нюансировать характер социальных противоречий, политики государства, роли религии и церкви, различных форм идеологии. Позитивным моментом явился и постепенный отход от классического факторного анализа (как в монистическом, так и в плюралистическом его вариантах). Принципиальной исходной установкой стал взгляд на общество как целостный организм, в котором все элементы взаимодействуют в сложной системе прямых и обратных связей, исключающей возможность редукции и нахождения какого-либо одного, пусть даже относительно независимого, фактора, способного определять все историческое развитие.

Однако в целом социально-научные теории, облегчающие анализ структур и процессов, оказались неспособны связать его с изучением деятельности субъектов истории. Новое направление поиску придало введение в социальную историю подходов,

заимствованных из антропологии и социальной психологии, причем в середине 1970-х — начале 1980-х гг. на авансцену междисциплинарного взаимодействия вышла культурная антропология. Именно под ее растущим влиянием происходит явный сдвиг интересов социальных историков от исследования объективных структур и процессов к изучению культуры в ее антропологической интерпретации, т. е. к реальному содержанию обыденного сознания людей прошлых эпох, к отличающимся массовым характером и большой устойчивостью ментальным представлениям, символическим системам, обычаям и ценностям, к психологическим установкам, стереотипам восприятия и моделям поведения.

Показательно, что критика истории ментальностей на рубеже 1970—1980-х гг. была, по существу, направлена на превращение ее в социальную историю. Это проявлялось в признании социальной дифференцированности культурного поведения и субординации ментальных комплексов, а также в отрицании их автономной динамики и требовании соединения истории ментальностей с историей структур посредством нахождения диалектических взаимосвязей между объективными условиями жизни и способами их осознания. Реконструкция характерной для данной человеческой общности картины мира или совокупности образов, представлений, ценностей, которыми руководствовались в своем поведении члены той или иной социальной группы, все более воспринималась как неотъемлемый компонент анализа социальной системы и как необходимое звено, позволявшее связать исследование социальной среды с анализом деятельности. Особое внимание в объяснении формирующих социальную реальность человеческих действий, исторических событий и явлений стало уделяться содержательной стороне сознания действующих субъектов, в первую очередь их представлениям о взаимоотношениях между разными общественными группами, о социальной иерархии и о своем месте в ней. В такой интепретации история ментальностей, по существу и даже по формулировке ключевых проблем, превращалась в **социальную историю ментальностей.**

В поисках информации, содержавшей достоверные, хотя и косвенные сведения о неотрефлектированных представлениях, социокультурных стереотипах людей прошлого, социальные историки стали также активно заимствовать специфические методы и познавательные приемы антропологов, разработанные для раскодирования чуждых и непонятных европейцу культур далеких племен (методики истории жизни и семейной истории, или истории рода, анализ эпизода, события и др.). Так, вслед за социологическим в современной историографии произошел

антропологический поворот: главное русло междисциплинарного взаимодействия было переведено в плоскость исторической антропологии. Антропологическая ориентация выразилась, в частности, в проецировании на социальную историю центральных задач антропологии — постижения субъективных ментальных миров членов той или иной социальной группы и выяснение системы идей и понятий, лежащей в основе любого человеческого действия.

1970—1980-е гг. стали периодом бума отдельных социально-исторических исследований, совершивших подлинный прорыв в области изучения индивидуальных и коллективных поведения и сознания. Радикальное изменение самой проблематики исследования, направленного на выявление человеческого измерения исторического процесса, потребовало решительного обновления концептуального аппарата и исследовательских методов и привело к формированию новой парадигмы социальной истории, которая включила в свой предмет сферу человеческого сознания как неотъемлемую структуру социальной жизни.

Одновременно развивалась ожесточенная полемика между наиболее активными сторонниками и теоретиками социально-структурной истории, с одной стороны, и исторической антропологии, с другой. Сторонники и теоретики последней обвиняли представителей социально-структурной истории в игнорировании гуманистической стороны истории и призывали отказаться от надличностных (или безличных) структур и процессов и повернуться лицом к обычному человеку. Так, в социально-исторических исследованиях сложилась ситуация отнюдь не мирного сосуществования двух парадигм: социологически ориентированной социально-структурной истории и антропологически ориентированной истории социально-культурной. Однако инициативу постепенно захватила **антропологическая история**, или историческая антропология, которая, поставив перед собой задачу синтеза всей исторической действительности в фокусе человеческого сознания (в субъективной реальности), в свою очередь, выступила с претензией на последнюю истину и безраздельное господство в новейшей историографии.

Начав с народных низов, антропологическая история постепенно включила в свой предмет поведение, обычаи, ценности, представления, верования всех социальных классов и групп, независимо от их положения в общественной иерархии (включая отражение меры взаимного противостояния в их представлениях друг о друге), причем интересы историков, не ограничиваясь наиболее устойчивыми и всеобщими стереотипами обыденного сознания, распространялись и на обширный слой более изменчивых социокультурных представлений, во многом специфич-

ных для разных социальных групп. Включение в исследовательский проект новой задачи реконструкции глубинной программы всех видов человеческой деятельности, заложенной в культурной традиции социального универсума, стало несомненным достижением антропологического подхода к социальной истории. И хотя центральный для исторического объяснения вопрос о механизме изменений в сфере сознания оставался нерешенным, антропологическая ориентация открыла пути выхода социальной истории на новый уровень познания.

В 1980-е гг. социальная история стала ведущей областью конкретных исследований «новой исторической науки»: большинство новых областей междисциплинарной историографии переплетались именно в ее русле. Группа дисциплин была обязана своим происхождением развитию массовых общественных движений, нуждавшихся в формировании исторического самосознания и стимулировавших интерес к прошлому угнетенных и эксплуатируемых слоев населения, народов «без истории» или «спрятанных от истории». Движение за «историю снизу», или народную историю, которое сыграло решающую роль в обогащении социальной истории и переопределении ее предмета, привело, в частности, к выделению таких субдисциплин, как «новая рабочая история», «история женщин», «крестьянские исследования» (главным образом, по истории стран Азии, Африки и Латинской Америки) и др. Одновременно организационно оформились объединенные по исследовательским методикам «локальная» и «устная» истории.

В процессе становления новых субдисциплин росло разнообразие сюжетов и форм исследования, в тех или иных параметрах покрываемых «зонтиком» социальной истории. При этом большинство новых областей междисциплинарной истории, взаимно перекрывая смежные области, охватили все широкое пространство социальной истории и одновременно перекинули своеобразные мостки к смежным гуманитарным и социальным дисциплинам. Но в отсутствие теоретически проработанного основания для обобщения данных, полученных при исследовании все более дробившихся новых междисциплинарных объектов, перспективы ожидаемого синтеза становились все более туманными.

Очередная смена научных ориентиров — антропологический поворот — не сопровождалась необходимой теоретической работой, которая могла бы способствовать практическому «присвоению» достижений различных исследовательских подходов. Ничто не свидетельствовало не только о согласии относительно будущей программы междисциплинарного синтеза, но и о наличии внутридисциплинарного консенсуса по самым принципиаль-

ным вопросам. Представители разных направлений в области социальной истории с самого начала расходились в понимании ее предмета и методов. Теоретико-методологические и идейно-политические разногласия обусловили и различные подходы к содержанию, задачам исследования и общественной функции социальной истории. Одни исследователи, рассматривая социальную историю как промежуточную область между историей экономической и политической, ограничивали ее задачу изучением социальной структуры в узком смысле слова, то есть социальных ячеек, групп, институтов, движений (так называемая социально-структурная история). Другие стремились постичь человеческое общество в его целостности, исследуя социальные связи между индивидами в духе «тотальной» истории «школы "Анналов"» или «истории общества как системы».

В этом контексте складывались научные программы, отражавшие представление об интегративной природе социальной истории и в то же время по-разному интерпретировавшие ее внутреннее содержание и основание синтеза. В дискуссиях 1970-х — начала 1980-х гг. ярко проявились различные тенденции в определении предмета и содержания социальной истории. Решение вопроса о статусе социальной истории наталкивалось не только на различия в субъективных оценках. Существовали объективные трудности, связанные с тем, что все, что имеет отношение к людям, — межчеловеческие, межличностные связи, — социально; сфера социального интегративна по сути и поэтому плохо поддается вычленению. В соответствии со сложившимися противоречивыми представлениями о статусе и предмете социальной истории последняя выступала, с одной стороны, как область исторического знания об определенной сфере исторического прошлого, и прежде всего как область знаний о всевозможных сферах социальных отношений и активности людей, а с другой — как особая, ведущая форма существования исторической науки, построенной на междисциплинарной основе. Эти противоречия не могли не распространиться и на сферу практической методологии, обсуждение принципов которой отличалось особой остротой.

Все больше и чаще критиками (как извне, так и в среде самих социальных историков) отмечались следующие негативные моменты: механическое заимствование социологических, экономических и других теорий, методов, моделей и концепций, привязанных к вполне определенной проблематике той или иной общественной науки и безразличных к историческим изменениям; неадекватное применение методик структурного и количественного анализа, абсолютизация технических приемов исследования (квантификации, методики устной истории, антропологического метода насыщенного, или максимально детализированного, описания и т. д.).

В отсутствие специальных теоретических разработок подмена исторической методологии техническими приемами исследования, ориентированными на познание явлений современного мира или так называемых «неподвижных культур», отказ от создания собственных концепций, учитывавших исторический контекст и динамику развития и т. п., — все это служило серьезным тормозом для развития социальной истории и «новой истории» в целом. Критическим атакам подверглись и исследовательский инструментарий, и содержательная сторона, и способ изложения «новой социальной истории». Особенно это касалось бесконечной фрагментации объекта исследования, сложившейся традиции проблемного изложения материала и намеренного отторжения вопросов политической истории. Последнее, впрочем, в значительной мере было сглажено усилиями историков ментальностей, которые связали политическую историю с социальной посредством концепции политической культуры, включавшей в себя представления о власти в массовом сознании и отношение к политической системе и ее институтам.

В 1980-е гг. остро встал вопрос о том, как соединить разрозненные результаты научного анализа различных явлений, структур и аспектов прошлого в последовательное целостное изложение национальной, региональной, континентальной или всемирной истории. Вполне естественно было искать способ комбинации анализа общества и исследования культуры в задававшей познавательные ориентиры антропологической науке, но в ней самой не утихали многолетние споры о соотношении предметных полей социальной и культурной антропологии (как и между категориями общества и культуры). Последствия конфликта между социальной и культурной антропологией негативно сказались на обеих дисциплинах. Ситуация подсказывала: выход может быть найден лишь в отходе от альтернативных решений. Воссоединение этих двух перспектив антропологического анализа в контексте исторического исследования выглядело чрезвычайно многообещающим. Одновременно росло осознание взаимодополняемости новых междисциплинарных и традиционных исторических методов, которые сохранили свое центральное место в исследовательской практике.

В дискуссиях середины 1980-х гг. социальная история все решительнее заявляет о своих правах на особый статус, все более настойчиво ее представители подчеркивают интегративную функцию социальной истории в системе исторических дисциплин и ставят на повестку дня задачу синтеза исследований различных сторон и процессов исторического прошлого и его объяснения, все громче звучит призыв к преодолению антитезы сциентистской и гуманистической тенденций, структурного и антропологического подходов, системного и динамического ви́дения историче-

ского процесса. Интегративная тенденция проявлялась в то время во всех субдисциплинах социальной истории и в историографии всех западных стран, хотя и не совсем равномерно.

Развитие социальной истории в разных странах имело специфические черты, которые отражали, с одной стороны, особенности соотношения различных традиций в национальных историографиях, а с другой — специфику влиявших на ее развитие внешних факторов. Например, в числе факторов, придавших характерные черты социальной истории в Англии, следует назвать авторитет и активность социальных историков марксистской ориентации; вековые традиции различных школ локальной истории и исторической географии, внесших немалый вклад в исследование динамики взаимодействия человека и его природно-социальной среды; мощное влияние английской социальной антропологии, обладавшей богатейшим практическим опытом. И наконец, последнее по порядку, но отнюдь не по значению: соединение непреходящей популярности истории семьи, родной деревни, прихода, города у многочисленных энтузиастов-непрофессионалов с развернутым историками-социалистами широким движением за включение любительского краеведения в контекст народной истории, сделавшее «социальную историю снизу» важным элементом массового исторического сознания.

Заимствование проблематики и методов социальной антропологии сыграло особенно важную роль в развитии «новой социальной истории» в Великобритании. Смычка историографии и социальной антропологии произошла в значительной степени благодаря усилиям ведущих социальных антропологов, которые активно выступали в пользу взаимодействия двух дисциплин, а точнее — за оснащение «теоретически отсталой» историографии концепциями и методами, отработанными в полевых исследованиях различных этнических общностей на окраинах современного мира. Комплексный анализ локальных сообществ традиционного типа, моделирование и типологизация внутри- и межгрупповых социальных взаимосвязей и другие методы социальной антропологии использовались историками применительно к собственному объекту исследования — локальным общностям прошлого. История народной культуры, ставшая своеобразным английским эквивалентом французской истории ментальностей исследовала проблемы обыденного сознания на основе социально-антропологического подхода и использования фольклорных и локально-исторических источников. Она ввела в научный оборот огромный источниковый материал, характеризующий особенности духовной жизни и поведения людей, с локально-региональной и социально-групповой спецификациями.

«Новая локальная история» и микроистория

Наиболее перспективный путь к осуществлению проекта социоистории, включавшей в свой предмет социальные аспекты всех сторон исторического бытия человека, открылся в **«новой локальной истории»**. Весомые результаты дали, в частности, комплексные исследования по истории семьи, которые осуществлялись в рамках локального социального анализа, позволявшего наблюдать все общественные связи и процессы в их естественной субстратной среде. В период 70—80-х гг. XX в. появляется все больше локально-исторических работ, нацеленных на всестороннее изучение той или иной локальной общности как развивающегося социального организма, на создание ее полноценной коллективной биографии. Коллективная биография локальной общности стала главным методом «истории снизу», объединившим различные субдисциплины социальной истории: его реализация предполагала комбинирование демографического и локального анализа, с включением социокультурного аспекта. В многочисленных исследованиях в области локальной истории, главным образом истории отдельных деревень и приходов в средние века и в начале нового времени, анализировались не только основные демографические характеристики, структура семьи и домохозяйства, порядок и правила наследования собственности, системы родственных и соседских связей, но и социальная и географическая мобильность, социальные функции полов, локальные политические структуры и социально-культурные представления.

Проведенные исследования продемонстрировали два главных сложившихся в «новой локальной истории» подхода к изучению человеческих общностей. Первый из них подходит к решению проблемы со стороны индивидов, составляющих общность, и имеет предметом исследования жизненный путь человека от рождения до смерти, описываемый через смену социальных ролей и стереотипов поведения и рассматриваемый в контексте занимаемого им на том или ином этапе социального жизненного пространства. Второй подход отталкивается от раскрытия внутренней организации и функционирования социальной среды в самом широком смысле этого слова: включая исторический ландшафт, отражающий физическую реальность локального мира, социальную экологию человека, микрокосм общины, многообразие человеческих общностей, неформальных и формальных групп, различных ассоциаций и корпораций, и выявляет их со-

отношение между собой, а также с социальными стратами, сословными группами, классами. При этом используется вся совокупность местных источников, фиксирующих различные аспекты деятельности индивидов.

В конечном счете речь идет о соотношении между организацией жизни в локальной общине, которая функционирует главным образом как форма личной, естественной связи людей, и социально-классовой структурой, фиксирующей качественно иной, вещный характер социальных отношений. Локально-исторические исследования этого типа значительно расширили возможности комплексного подхода в историческом исследовании. Его сторонники обоснованно исходили из того, что реальность человеческих отношений может быть понята лишь в их субстратной среде, в рамках социальной жизни, приближенных к индивиду, на уровне, непосредственно фиксирующем повторяемость и изменчивость индивидуальных и групповых ситуаций, но при этом прекрасно осознавали всю условность вычленения изучаемого объекта из окружающего его социума.

Локальные исследования, которые иногда справедливо называют *микрокосмическими*, оказались способны выполнять роль первичных блоков в более амбициозных проектах социоистории. Уже к началу 1980-х гг. многочисленные локальные исследования по отдельным периодам истории подготовили обновленную, гораздо более совершенную базу для обобщений на национальном уровне. Одна из самых удачных попыток нового синтеза была предпринята известным британским историком **КИТОМ РАЙТСОНОМ** в обобщающем труде **«Английское общество: 1580—1680 гг.»** (1982). Центральное место в его теоретической конструкции, охватывающей три элемента — семью, локальную общность и систему социальной дифференциации национального масштаба, — заняла локальная община, включающая в свой «силовой контур» семьи, элементы социально-классовой структуры, другие фрагменты социального целого и представляющая собой пространственно идентифицируемое выражение общественных отношений. Показательно, что предложенная Райтсоном интегральная модель «новой социальной истории» Британии была изначально ориентирована не на выведение среднего или типичного пути развития, а на максимальный учет всех региональных вариаций в их специфической связи с национальным целым.

Дальнейшая разработка этого подхода другим ведущим британским социальным историком **ЧАРЛЗОМ ФИТЬЯН-АДАМСОМ** привела к созданию новой теоретической модели, которая учитывала социально-пространственные структуры разного уровня и различной степени интеграции: ядро общины; общину как целое (сельскую или городскую); группу соседских общин; более

широкую область с общей социокультурной характеристикой; графство; провинцию, регион. В основу этой модели была положена концепция социального пространства, охватывающего различным образом ограниченные и частично перекрывающие друг друга сферы социальных контактов. Так была намечена перспектива методологической стыковки социальных макро- и микроисторий в космосе промежуточных социально-пространственных структур.

Микроподходы получили наиболее широкое распространение и последовательное развитие именно в рамках нового типа локальной истории, основанного на максимальной детализации и индивидуализации исследуемых объектов. Микроподходы становились все более привлекательными, по мере того как обнаруживалась неполнота и неадекватность макроисторических выводов, ненадежность среднестатистических показателей, направленность доминирующей парадигмы на свертывание широкой панорамы исторического прошлого в узкий диапазон ведущих тенденций, на сведение множества вариантов исторической динамики к псевдонормативным образцам. Уход на микроуровень в рамках антропологической версии социальной истории изначально подразумевал перспективу последующего возвращения к генерализации на новых основаниях (что ориентировало на последовательную комбинацию инструментов микро- и макроанализа), хотя и с отчетливым осознанием труднопреодолимых препятствий, которые встретятся на этом пути.

НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ: НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ

> Историк не тот, кто знает, а тот, кто ищет.
>
> *Люсьен Февр*

В последней трети XX в. содержание исторических исследований чрезвычайно расширилось, однако историографическая практика 80-х гг. принесла не только крупные успехи, но и горькие разочарования.

Тотальный подход, опирающийся на системно-целостное ви́дение исторического процесса, оставался лишь желанным научным идеалом. Социальная история, история ментальностей, историческая антропология ставили в центр нового синтеза свой собственный предмет: социальные отношения, картину мира, сферу повседневности, область воображаемого и т. д. Довольно долго инициатива принадлежала социальным историкам, но, оперируя на национальном и региональном уровнях в рамках процессов большой длительности, они оставались в царстве массовости и обезличенности, а в большинстве локальных исследований все же преобладала установка на усредненность и типизацию.

Не было найдено и адекватного решения проблемы соединения нормативно-ценностного и категориального анализа социальной структуры. Попытки решения проблемы нового синтеза путем прямых междисциплинарных заимствований в антропологической науке оказались несостоятельными.

От социальной истории к истории социокультурной

С позиций исторической антропологии, ориентирующейся на методологические установки культурной антропологии, перспектива осуществления полидисциплинарного синтеза виделась в предмете ее исследования — культурно-исторически детерминированном человеке, взятом во всех его жизненных проявлениях. Социальность же этого исторического субъекта понималась как само собой разумеющееся свойство и следствие межличностного общения. В такой интерпретации задачи истории ограничивались изучением стереотипов человеческого поведения, а анализ макропроцессов выводился за рамки исторического исследования. Однако претензии такого подхода на самодостаточность вызывали серьезные сомнения. Конечно, глубинные структуры и процессы, в той или иной мере обусловливая мотивы и действия людей, не могут их полностью детерминировать, они сами проявляются лишь в этих действиях и исторических событиях, хотя не полностью и не без некоторого искажения. Но ведь и процессы возникновения, изменения и разложения структур не вытекают напрямую из желаний и действий отдельных субъектов истории. Вот почему ведущие представители «новой социальной истории» во многих странах, признавая сферу ментальности одним из наиболее удобных средств исторического синтеза, тем не менее, исходили из необходимости изучения разных аспектов социальной истории, не сводя ее к истории человеческой субъективности или истории поведения.

Если на рубеже 1970—1980-х гг. в дискуссиях историков основной акцент делался на противопоставление исторической антропологии и социологизированной истории, то к середине 1980-х ситуация изменилась в пользу комбинации двух познавательных стратегий. Стало очевидным, что для исторического объяснения недостаточно выяснить те представления и ценности, которыми люди руководствовались или могли руководствоваться в своей деятельности. Задача состояла в том, чтобы выявить факторы, определявшие содержание и изменение этих представлений и ценностей.

В сложившейся ситуации исследователи, склонные подчеркивать интегративную функцию социальной истории в системе исторических дисциплин, выдвинули на первый план разработку новых, более сложных теоретических моделей и адекватного концептуального аппарата, способного обеспечить практическое

применение в конкретно-историческом исследовании комплексного метода социального анализа, опирающегося на последовательную комбинацию системно-структурного и социокультурного подходов. В этих и подобных им интерпретациях речь, по существу, шла о **социоистории** (или социальной истории в широком смысле слова), предмет которой принципиально отличается и от истории общественных институтов, и от истории социальных групп, и от истории ментальностей. Социоистория держит в своем фокусе не только структуры или человеческое сознание и поведение, а способ взаимодействия тех и других в развивающейся общественной системе и в изменяющейся культурной среде, которая эту систему поддерживает и оправдывает. Ключевую роль в проекте социоистории играют синтетические категории опыта (индивидуального, коллективного, исторического) и переживания, в которых концептуализируется внутренняя связь субъекта истории с объективными — как материальными, так и духовными — условиями его деятельности, с природными, социальными и культурными детерминантами его индивидуального и коллективного поведения. Несколько позднее категориальный аппарат синтеза был дополнен новыми концепциями власти и политической культуры, интерпретацией взаимодействия различных уровней культуры в терминах культурного доминирования и присвоения культурных традиций, теорией взаимоопосредования социальной практики и культурных представлений, идеей конструирования социальных и культурных идентичностей, моделью выбора в пространстве свободы, ограниченном имеющимися ресурсами социокультурной системы и неравенством в доступе к ним. На необходимость вдумчивого подхода к новым предложениям настоятельно указывали те эпистемологические трудности, которые обнаружились в самой историографической практике и о которых много говорилось не только критиками, но и ведущими представителями новой исторической науки.

Итак, с середины 1980-х гг. поиск новых объяснительных моделей расширил круг интерпретаций, базирующихся на представлении о диалектическом характере взаимодействия социальной структуры, культуры и человеческой активности. Это время стало пиком интенсивности теоретических и практических усилий историков, стремившихся к реализации «директивы интегрального объяснения» (в терминологии Ежи Топольского), и закономерно было отмечено наиболее оптимистическими оценками перспектив «нового исторического знания». Парадокс, однако, заключался в том, что фактически одновременно под вопросом оказался сам научный статус последнего, а на рубеже 1980—1990-х гг. констатация кризиса или критического пово-

рота в историографии превратилась в стереотип. Но наиболее существенный для будущего историографии момент заключался в смещении исследовательского интереса от общностей и социальных групп к историческим индивидам, их составляющим.

Наряду со словом «кризис» на страницах научно-исторической периодики 1990-х гг. замелькали фразы «лингвистический поворот» и «семиотический вызов». Появилось множество обзоров и полемических выступлений, зачастую весьма эмоциональных, а иногда просто панических, прошли серьезные теоретические дискуссии в ведущих научных журналах и на крупных форумах ученых. Эти публикации, монографические исследования и коллективные сборники статей, вышедшие в последнее десятилетие, отразили не только вызовы времени, с которыми столкнулись историки на рубеже двух веков и эпох (и даже тысячелетий), но и весь спектр реакций на эти вызовы.

Главный — *постмодернистский* — вызов истории был направлен против концепций исторической реальности и объекта исторического познания, которые выступают в новом толковании не как нечто внешнее для познающего субъекта, а как то, что конструируется языком и дискурсивной (речевой) практикой. Язык рассматривается не как простое средство отражения и коммуникации, а как главный смыслообразующий фактор, детерминирующий мышление и поведение. Проблематизируются само понятие и предполагаемая специфика исторического нарратива как формы адекватной реконструкции прошлого. Подчеркивается креативный, искусственный характер исторического повествования, выстраивающего неравномерно сохранившиеся, отрывочные и нередко произвольно отобранные сведения источников в последовательный временно́й ряд.

По-новому ставится вопрос не только о возможной глубине исторического понимания, но и о критериях объективности и способах контроля исследователем собственной творческой деятельности. От историка требуется пристальнее вчитываться в тексты, использовать новые средства для раскрытия истинного содержания прямых высказываний, и расшифровывать смысл на первый взгляд едва различимых изменений в языке источника, анализировать правила и способы прочтения исторического текста той аудиторией, которой он предназначался, и пр. Сменившиеся междисциплинарные пристрастия вновь поставили болезненную проблему: с одной стороны, история получила эффективное и столь необходимое ей, по мнению многих, «противоядие» от социологического и психологического редукционизма, с другой, недвусмысленно заявила о себе как его новая форма, выраженная в сведении опыта к тексту, реальности к языку, истории к литературе.

В связи с формированием в историографии постмодернистской парадигмы происходят серьезные изменения в сфере профессионального сознания и самосознания историков, связанные с пересмотром традиционных представлений о собственной профессии, месте истории в системе гуманитарно-научного знания, ее внутренней структуре и статусе субдисциплин, исследовательских задачах. Ведь постмодернистская парадигма, давно захватившая господствующие позиции в современном литературоведении, распространив влияние на все сферы гуманитарного знания, не ограничилась отрицанием идеи истории как единого движения от одной стадии к другой, а также других суперидей (прогресса, свободы, демократии, классовой борьбы), любых генерализованных схем или метанарративов, являющихся результатом сверхобобщений (а следовательно — всяких попыток увязать историческое повествование в стройную концепцию). Данная парадигма поставила под сомнение само понятие исторической реальности, а с ним и собственную идентичность историка, его профессиональный суверенитет (стерев казавшуюся нерушимой грань между историей и литературой); критерии достоверности источника (размыв границу между фактом и вымыслом); и, наконец, веру в возможности исторического познания и стремление к объективной истине.

Вот почему многие историки встретили наступление постмодернистов буквально в штыки. Психологический аспект переживания смены парадигм несомненно сыграл в этом решающую роль. Именно угроза социальному престижу исторического образования, статусу истории как науки обусловила остроту реакции и довольно быструю перестройку внутри профессионального сообщества, в результате которой стерлась прежняя «фронтовая полоса» между «новой» и «старой» историей, и некоторые враги стали союзниками, а бывшие друзья и соратники — врагами. То поколение историков, которое завоевало ведущее положение в научном сообществе на рубеже 1960—1970-х гг., тяжело переживало крушение привычного мира, устоявшихся корпоративных норм. При этом очевидно, что «железная поступь» постмодернизма воспринималась по-разному в США и Франции, Германии и Великобритании, в зависимости от динамики перемен и ситуации, сложившейся в национальной историографии. Тем не менее везде на виду, как это бывает всегда, оказались крайности: с одной стороны, заявления о том, что якобы не существует ничего вне текста, нет никакой внеязыковой реальности, которую историки способны понять и описать, с другой — полное неприятие и отрицание новых тенденций.

Именно в американской академической среде дискуссия шла на повышенных тонах, но подспудно здесь велась и серьезная

работа. Распространение новых теорий и приемов критики на анализ собственно исторических произведений было связано с концептуальными разработками американских гуманитариев, прежде всего с так называемой *тропологической теорией истории* признанного лидера постмодернистского теоретического и методологического обновления историографической критики **ХЕЙДЕНА УАЙТА**.

Во второй половине 1990-х гг., по мере усвоения поначалу казавшихся сумасбродными идей, все громче стали звучать голоса «умеренных», призывающие к взаимопониманию и примирению. Сначала среди желавших найти компромисс ведущую роль играли философы, занимавшиеся проблемами эпистемологии. Несколько позднее появился ряд статей, в которых историки, протестовавшие против крайностей «лингвистического поворота», предложили весомые аргументы в пользу так называемой средней, или умеренной, позиции, выстроенной вокруг центральной концепции опыта, несводимого полностью к дискурсу. В условиях «постмодернистского вызова» сторонники этой позиции, отличной и от объективистской, и от сугубо лингвистической, нашли точку опоры в том, что невозможность прямого восприятия реальности не означает полного произвола историка в ее «конструировании».

Средняя позиция исходит, с одной стороны, из существования реальности вне дискурса, не зависящей от наших представлений о ней и воздействующей на эти представления. Однако ее приверженцы переосмысливают свою практику в свете новых перспектив и признают благотворное влияние «лингвистического поворота» в истории постольку, поскольку он не доходит до того крайнего предела, за которым факт и вымысел становятся неразличимыми, и отрицается само понятие истории, отличное от понятия литературы.

Подвергая критическому пересмотру собственные концепции, историки, склоняющиеся к средней позиции по существу, артикулировали эпистемологические принципы тех версий социальной истории, инновационность которых долго оставалась неопознанной. Будучи одним из проявлений всеобщего культурного сдвига, «лингвистический поворот» воплотил в себе все, что длительное время оставалось невостребованным и казалось утраченным, но постепенно вызревало в самой историографии, а также то, что было переработано ею в лоне междисциплинарной «новой истории». Так, всплеск интереса к микроистории в 1980-е гг. был реакцией на истощение эвристического потенциала макроисторической версии социальной истории, что вызвало потребность по-новому определить ее предмет, задачи и методы, используя теоретический арсенал микроанализа, накоп-

ленный в современном обществоведении. Впрочем, и вся вторая половина 1970-х гг. была в мировой историографии временем поиска научно-исторической альтернативы как сциентистской парадигме, опиравшейся на макросоциологические теории, так и ее формировавшемуся постмодернистскому антиподу.

Задолго до «лингвистического поворота» стала очевидной и необходимость структурной перестройки всех исторических дисциплин: старое деление на экономическую, политическую, социальную историю и историю идей изжило себя основательно. Но до поры до времени эта перестройка проходила латентно на постоянно «разбухавшем» исследовательском поле, колонизованном в свое время «новой социальной историей» с ее переплетающимися и перетекающими одна в другую субдисциплинами.

Наконец, на рубеже 1970—1980-х гг. в социальной истории происходит решающий сдвиг от социально-структурной к социально-культурной истории, связанный с распространением методов культурной антропологии, социальной психологии, лингвистики (прежде всего в истории ментальностей и народной культуры), с формированием устойчивого интереса к микроистории, возвращением от анализа внеличностных структур к изучению индивида, отдельных жизненных ситуаций. Особенно это стало заметным в 1980-е гг., когда под влиянием символической антропологии сложилось и обрело множество сторонников соответствующее направление в антропологически-ориентированной **«новой культурной истории»**.

Признание активной роли языка, текста и нарративных структур в созидании и описании исторической реальности является базовой характеристикой культурологического подхода к истории, под которым обычно понимают совокупность некоторых наиболее общих теоретических и методологических принципов «новой культурной истории». Последняя сформировалась, если можно так сказать, в болевых точках «новой социальной истории», ставших — в процессе переопределения самой категории социального и мобилизации всего наиболее жизнеспособного в арсенале социокультурной истории — точками роста. Усвоив уроки постмодернизма и переосмыслив историографический опыт недавнего прошлого в условиях эпистемологического кризиса первой половины 1990-х гг., ведущая часть мирового научного сообщества оказалась способной взглянуть на свою практику со стороны и, используя теоретический арсенал микроанализа, накопленный в современном обществоведении, разработать новые модели, призванные избавить социальную историю от ставших тесными форм, ассимилировать новые идеи и выйти в новое исследовательское пространство.

Так, значительное число практикующих историков позитивно восприняли теорию структурации видного британского социолога **ЭНТОНИ ГИДДЕНСА**. Методология *реляционного структуризма* предполагает описание и интерпретацию действий индивида или группы в социокультурных пространствах, выстраивающихся по ранжиру от макроструктур (например, группы государств или их экономических, социальных и культурных систем) до структур среднего уровня (внутриполитических институтов, бюрократий, корпораций, социальных организаций, региональных субкультур) и микроструктур «наверху», «внизу», «в центре» и на общественной периферии (олигархий, элитных клубов, маргинальных групп, семей). При этом нет никакой формулы, определяющей взаимосвязи макро- и микроструктур: они могут быть организованы в различные схемы. Более того, структурные отношения изменяются разными темпами, и возможности действующих субъектов предположительно меняются вместе с ними.

С этой теоретической платформы ведется сокрушительная критика ложной альтернативы социального и культурного детерминизма, который рисует индивидов как полностью формируемых либо социальными, либо культурными факторами. Интегральная модель связывает воедино анализ всех уровней социальной реальности. При этом подчеркивается активность действующих лиц: индивиды не только естественно сопротивляются властям, которые обучают их правилам, ролям, ценностям, символам и интерпретативным схемам, они также имеют тенденцию обучаться не тому, чему их учат, поскольку интерпретируют и преобразуют полученные знания и навыки в соответствии со своими потребностями, желаниями и принуждением обстоятельств. Таким образом, социализация и «окультуривание» не дают единообразных результатов. Это плюралистическое и динамическое ви́дение влечет за собой множество следствий: гораздо более богатое понимание социокультурной гетерогенности, гораздо более сложную картину социокультурных изменений, больший простор для деятельности — как индивидуальной, так и коллективной — и для случайности.

Сходные теоретические предпосылки в других современных социологических моделях имеют одно важное следствие методологического характера — процессуальный подход к анализу форм социальной жизни и социальных групп сквозь призму их непрерывной интерпретации, поддержания или преобразования в практической деятельности взаимодействующих социальных агентов. Таким образом, процесс переопределения самой категории социального и мобилизации всего наиболее жизнеспособного в арсенале социокультурной истории опирается на комбина-

цию структурного (нормативного) и феноменологического (интерпретативного, конструктивистского) подходов.

В связи с этим большие надежды возлагаются на переориентацию социокультурной истории от социальной истории культуры к **культурной истории социального**, или к культурной истории общества, предполагающей конструирование социального бытия посредством культурной практики, возможности которой, согласно версии лидера этого направления — видного французского историка **РОЖЕ ШАРТЬЕ,** в свою очередь, определяются и ограничиваются практикой повседневных отношений. Главная задача исследователя состоит в том, чтобы показать, каким именно образом субъективные представления, мысли, способности, интенции индивидов действуют в пространстве возможностей, ограниченном объективными, созданными предшествовавшей культурной практикой коллективными структурами, испытывая на себе их постоянное воздействие. Это сложное соподчинение описывается аналогичным по составу понятием *репрезентации*, позволяющим артикулировать «три регистра реальностей»: коллективные представления — ментальности, которые организуют схемы восприятия индивидами социального мира; символические представления — формы предъявления, демонстрации, навязывания обществу своего социального положения или политического могущества и, наконец, закрепление за представителем-«репрезентантом» (конкретным или абстрактным, индивидуальным или коллективным) утвержденного в конкурентной борьбе и признанного обществом социального статуса и властных полномочий.

В такой теоретической модели социально-классовые конфликты превращаются в борьбу репрезентаций. Аналитический потенциал концепции постоянно конкурирующих репрезентативных стратегий открывает новые перспективы в описании, объяснении и интерпретации динамики социальных процессов разных уровней.

Историк, который ориентируется на социокультурный подход, должен прежде всего представить, как люди прошлого вели себя по отношению друг к другу, согласно собственным конвенциям, в реальных ситуациях непосредственного общения, в самых разных обстоятельствах широкого спектра — от нормальных к аномальным. Происходит переворот аналитической перспективы, который существенно усиливает познавательный потенциал и углубляет содержание исследования. Вместо того, чтобы принять принадлежность индивидов к социальным группам как некую данность и рассматривать отношения между субъектами как априорно установленные, историк исследует, каким именно способом сами эти взаимоотношения порождают

общность интересов и союзы, или, иначе говоря, создают социальные группы. Речь, таким образом, идет не о том, чтобы оспорить все социальные категории как таковые, а о том, чтобы пронизать их социальными отношениями, которые и вызывают их появление.

Стремясь уйти от дихотомии индивида и общества, некоторые авторы опираются на *диалогическую концепцию* **МИХАИЛА МИХАЙЛОВИЧА БАХТИНА** (1895—1975) и социально ориентированный подход к изучению культурной практики, основанный на комплексном исследовании лингвистических, социальных и психологических процессов. Индивидуальный опыт и смысловая деятельность понимаются в контексте межличностных и межгрупповых отношений внутри данного исторического социума с характерной для него «полифонией» в виде набора «конкурентных общностей», каждая из которых задает индивиду программу поведения в тех или иных обстоятельствах. С одной стороны, прочтение каждого текста включает его погружение в контексты дискурсивных и социальных практик, которые определяют его горизонты. С другой — в каждом тексте раскрываются различные аспекты этих контекстов и обнаруживаются присущие им противоречия и конфликты.

В изучении истории повседневности приоритет отдается анализу символических систем, и прежде всего лингвистических структур, посредством которых люди прошлого воспринимали, познавали и истолковывали окружающую их действительность, осмысливали пережитое и рисовали в своем воображении будущее. Культурная история социального, опираясь на анализ понятий, представлений, восприятий, акцентирует внимание на дискурсивном аспекте социального опыта в самом широком его понимании.

Важное место в современных методологических дискуссиях занимает проблема соотношения и возможной комбинации микро- и макроподходов в истории. Специфика микроистории заключается вовсе не в масштабе ее объектов: один и тот же объект равным образом может стать предметом и макро-, и микроисторического исследования. Дело в другом — под каким углом зрения этот объект рассматривается, т. е. в позиции наблюдателя, которую он выбирает в зависимости от своей теоретической платформы и принятой модели развертывания исторического процесса. Иными словами, специфика заключается в направлении движения исследовательской мысли: идет ли она от настоящего к прошлому, пытаясь проследить в ретроспективе становление настоящего, т. е. мира, в котором мы живем сегодня, или же внимание обращено на само прошлое как нечто находящееся в стадии становления. В последнем случае это движение

направлено проспективно, вперед — от прошлого к настоящему, и исследователь ищет ответы на вопросы: какие потенциальные возможности скрывались в последовательных ситуациях исторического выбора; как и почему в этом процессе реализовывались именно те, а не иные возможности; каким именно образом субъективные представления, мысли, способности, интенции индивидов действовали в пространстве свободы, ограниченном объективными коллективными структурами, которые были созданы предшествовавшей культурной практикой. В первом ракурсе мы получаем некую одномерную проекцию прошлой реальности на траекторию развития и видим, таким образом, лишь историю в ее реализованном варианте. Во втором — рассматриваем саму эту исчезнувшую реальность как бы с открытым, непредопределенным будущим, т. е. несущей в себе различные, а то и прямо противоположные потенциальные возможности — варианты развития, а значит, видим ее в максимально возможном многообразии и полноте. Другими словами, на уровне микроистории можно разглядеть зародыши альтернативного развития.

В новой социокультурной истории применяется процессуальный подход к анализу форм социальной жизни и социальных групп сквозь призму их непрерывной интерпретации, поддержания или. преобразования в практической деятельности взаимодействующих индивидов. Историк, который ориентируется на социокультурный подход, должен представить, как люди прошлого вели себя по отношению друг к другу в самых разных реальных ситуациях.

В более общей историографической панораме формируются направления, в которых случайность, казус выступают как привилегированный предмет исследования. Среди современных историков проявляется глубокий интерес к уникальным случаям, в которых исследователи пытаются разглядеть нечто большее: зафиксировать скрытые процессы или тенденции и так обогатить существующие представления о прошлом. Ответы на важнейшие вопросы историк ищет в анализе конкретного казуса: как человек прошлого делает свой выбор, какими мотивами он при этом руководствуется, как претворяет в жизнь свои интенции и, что особенно интересно, насколько он способен при этом проявить свою индивидуальность и в какой мере оставить на происходящем свой индивидуальный «отпечаток». Одним из интереснейших вариантов казусного подхода на ниве политической истории является анализ так называемой «истории одного события». Хорошо известна истина о том, что почти каждое событие уже мгновение спустя после того, как оно свершилось, может быть истолковано по-разному. Но сегодня, когда мы гово-

рим об истории события, то имеем в виду и процесс его свершения, и вызванные им непосредственные реакции, и память о нем в последующей истории. Часто факты обрастают легендами, им приписывают значение, которого они не имели; затем факты превращаются в миф или символ и в таком виде входят в историю. Таким образом, главную роль в формировании исторической памяти играет не столько само событие, сколько представление о нем, его мысленный образ, в который вкладывается важный для общественного сознания реальный исторический или мифический смысл.

По существу, в современной культурной истории реализуется комплексная программа обновленной методологии истории, которую наметил еще в 1991 г. выдающийся французский историк **ЖАК ЛЕ ГОФФ**, говоря об обнадеживающих перспективах развития следующих трех направлений: истории интеллектуальной жизни, которая представляет собой изучение навыков мышления; истории ментальностей, т. е. коллективных автоматизмов обыденного сознания; истории ценностных ориентаций. Эта триада идей, стереотипов и ценностей действительно позволяет охватить динамику исторического развития духовной сферы как на макро-, так и на микроуровне.

Итак, необратимые изменения, произведенные постструктурализмом в современной историографической ситуации, поставили под вопрос парадигмы социальной истории, которые сложились и доминировали в 1960—1980-е гг. Однако по-новому проблематизированные отношения общества и культуры вовсе не упраздняют понятие социального, а признание креативной роли субъективности и ее определяющего значения для понимания социальной практики отнюдь не делает излишним анализ тех условий деятельности, которые принято называть надличностными.

Между тем в условиях, когда подвергается сомнению само существование социальной истории как области исторического знания, преодоление кризиса настоятельно требует предельного расширения ее исследовательской перспективы. Последнее оказывается возможным в результате теоретического пересмотра самих концепций социальной структуры, культуры, индивида, которые перестают рассматриваться как некие отделенные друг от друга онтологические сущности и понимаются как взаимосвязанные аспекты, или измерения, человеческого поведения и социального взаимодействия. Те, кто спешит объявить о конце социальной истории, по существу, говорят о тех формах социально-исторического знания, которые уже уступили авансцену другим, выдвинувшимся им на смену в результате длительного и непрерывного творческого процесса — критического пере-

смотра концептуальных оснований и смещения исследовательской стратегии социальных историков в направлении социокультурного анализа.

В 1990-е гг. в результате трансформаций внутри каждой из двух версий социальной истории (социологической, направленной на выявление условий деятельности, и антропологической, разрабатывающей сферу сознания действующих лиц) появилось новое представление об исторической социальности, в которое включен сам процесс формирования социального в деятельности культурных субъектов («прагматический поворот»). Новейшая социальная история успешно присвоила социокультурный аспект изучения прошлого, сохранив позитивную составляющую своего богатого и разнообразного опыта и соответственно переосмыслив собственное содержание.

В новейшей социальной истории социальное изменение рассматривается как процесс, который включает в себя не только структурную дифференциацию и реорганизацию человеческой деятельности, но также и «реорганизацию умов» — изменения в ценностях и понятиях, т. е. некое новое сознание или новую культуру, которая видит мир с другой точки зрения. Это также подразумевает воспроизведение исторического общества как целостной динамической системы, которая, сложившись в результате деятельности многих предшествовавших поколений, задает условия реальной жизни и модели поведения действующим лицам и изменяется в процессе их индивидуальных и коллективных практик. Исследование механизма трансформации потенциальных причин (условий) в актуальные мотивы человеческой деятельности предполагает комплексный анализ обеих ее сторон, а значит — обращение как к макроистории, выявляющей влияние общества на поведение действующих лиц и групп, так и к микроистории, позволяющей исследовать способ включения индивидуальной деятельности в коллективную и, таким образом, фиксирующей индивидуальное в социальном и социальное в индивидуальном на уровне конкретной исторической практики.

Что такое гендерная история

Проблематика новой культурной истории как истории представлений проявилась в самых разных сферах современного исторического знания. Так, например, формирование гендерной истории было непосредственно связа-

но с рассмотренными выше общими процессами, а последующие изменения отличались еще большей интенсивностью.

Гендерная история как часть нового междисциплинарного научного направления — гендерных исследований — сформировалась на Западе в конце 70-х — начале 80-х гг. XX в., хотя поиски истоков неизбежно приведут нас в 1960-е гг., когда в рамках бурно развивавшегося женского движения новый импульс получило стремление придать феминистскому сознанию собственную историческую ретроспективу. Именно тогда многие молодые ученые Западной Европы и Америки стали заниматься историей женщин, обоснованно полагая, что изучение прошлого, как и анализ современности, должно опираться на информацию, касающуюся обоих полов.

В последующую четверть века история женщин пережила невероятный бум. Публикации по этой тематике получили свою постоянную рубрику в десятках научных журналов. Ежегодно стало выходить в свет множество исследований по всем периодам и регионам, а в обобщающих работах разного уровня освещались практически все вопросы, имеющие отношение к жизни женщин прошедших эпох.

До середины 1970-х гг. господствовало стремление «восстановить историческое существование женщин», написать особую «женскую историю». Приверженцам этого направления удалось раскрыть многие неизвестные страницы истории женщин самых разных эпох и народов, но такой описательный подход очень скоро обнаружил свою ограниченность. Представители другого направления, выдвинувшегося на первый план в середине 1970-х гг., пытались объяснить наличие конфликтующих интересов и альтернативного жизненного опыта женщин разных социальных категорий, опираясь на феминистские теории неомарксистского толка, которые вводили в традиционный классовый анализ фактор различия полов и определяли статус исторического лица как специфическую комбинацию индивидуальных, половых, семейно-групповых и классовых характеристик.

На рубеже 70-х и 80-х гг. XX в. обновление феминистской теории, расширение методологической базы междисциплинарных исследований, создание новых комплексных объяснительных моделей не замедлило сказаться и на облике «женской истории»: были переопределены сами понятия мужского и женского. В 1980-е гг. ключевой категорией анализа становится *г е н д е р* (англ. *gender* — род), призванный исключить биологический и психологический детерминизм, который постулировал неизменность условий оппозиции мужского и женского начал, сводя процесс формирования и воспроизведения половой идентичности к индивидуальному семейному опыту субъекта

и абстрагируясь от его структурных ограничителей и исторической специфики.

Различие между женскими и гендерными исследованиями определяется содержанием ключевых понятий «пол» и «гендер». Гендерные статус, иерархия и модели поведения не задаются природой, а предписываются институтами социального контроля и культурными традициями, воспроизводство же гендерного сознания на уровне индивида поддерживает сложившуюся систему отношений господства и подчинения во всех сферах. В этом контексте гендерный статус выступает как один из конституирующих элементов социальной иерархии и системы распределения власти, престижа и собственности.

Интегративный потенциал гендерных исследований не мог не привлечь тех представителей «женской истории», которые стремились не только «вернуть истории оба пола», но и восстановить целостность социальной истории. Гендерный подход быстро приобрел множество сторонников и сочувствующих в среде социальных историков и историков культуры. В результате пересмотра концептуального аппарата и методологических принципов истории женщин родилась гендерная история, предметом исследования которой становятся гендерные отношения. Гендерные историки исходят из представления о комплексной социокультурной детерминации различий и иерархии полов и анализируют их воспроизводство в историческом контексте. При этом неизбежно изменяется общая концепция исторического развития, поскольку в нее включается и динамика гендерных отношений.

Реализация возможностей, которые открывал гендерный анализ, была бы невозможна без его адаптации с учетом специфики исторических методов исследования, без тонкой «притирки» нового инструментария к неподатливому материалу исторических источников, что потребовало от исследователей самостоятельной теоретической работы. Основные методологические положения гендерной истории в обновленном варианте были сформулированы американским историком **ДЖОАН СКОТТ** в программной статье **«Гендер — полезная категория исторического анализа»**. В трактовке Дж. Скотт гендерная модель исторического анализа состоит из четырех взаимосвязанных и несводимых друг к другу комплексов. Это, во-первых, комплекс культурных символов, которые вызывают в членах сообщества, принадлежащих к данной культурной традиции, множественные (зачастую противоречивые) образы. Во-вторых, это нормативные утверждения, которые определяют спектр возможных интерпретаций имеющихся символов и находят выражение в религиозных, педагогических, научных, правовых и политических доктринах.

В-третьих, это социальные институты и организации, в которые входят не только система родства, семья и домохозяйство, но и рынок рабочей силы, система образования и государственное устройство. И наконец, четвертый конституирующий элемент — самоидентификация личности. Так выстраивается уникальная синтетическая модель, в фундамент которой закладываются характеристики всех возможных измерений социума: системно-структурное, социокультурное, индивидуально-личностное. Последовательное развертывание этой модели во временной длительности призвано реконструировать историческую динамику в гендерной перспективе.

Введение в научный оборот новой концепции не только оживило дискуссию по методологическим проблемам истории женщин, но и выявило в ней самые «горячие» зоны. Особую остроту приобрел вопрос о соотношении понятий класса и пола, социальной и гендерной иерархий, мифологии, истории. Решения фундаментальных проблем гендерно-исторического анализа требовали практические потребности далеко продвинувшихся конкретных исследований. Эти исследования показали, с одной стороны, многообразие ролей женщин в экономических, политических, интеллектуальных процессах, с другой — противоречивое воздействие этих процессов на их жизнь, а также выявили существенную дифференцированность индивидуального и коллективного опыта, проистекающую из взаимопересечения классовых и гендерных перегородок, социальных, этнических, конфессиональных и половых размежеваний.

В тематике гендерной истории отчетливо выделяются ключевые для ее объяснительной стратегии узлы. Каждый из них соответствует определенной сфере жизнедеятельности людей прошлых эпох, роль индивидов в которой зависит от их гендерной принадлежности: «семья», «труд в домашнем хозяйстве» и «работа в общественном производстве», «право» и «политика», «религия», «образование», «культура» и др. В центре внимания оказываются важнейшие институты социального контроля, которые регулируют неравное распределение материальных и духовных благ, власти и престижа в историческом социуме, обеспечивая воспроизводство социального порядка, основанного на гендерных различиях. Особое место занимает анализ опосредованной роли гендерных представлений в межличностном взаимодействии, выявление их исторического характера и возможной динамики. Специфический ракурс и категориальный аппарат гендерных исследований определяется соответствующим пониманием природы того объекта, с которым приходится иметь дело историку, и возможной глубины познания исторической реальности.

Критический момент, которому предстоит определить будущее гендерной истории, состоит в решении проблемы ее сближения и воссоединения с другими историческими дисциплинами. Признаки продвижения к позитивному решению этого вопроса проявляются, в частности, в том, что главные узлы проблематики гендерной истории возникают именно в точках пересечения возможных путей интеграции «истории женщин» в пространство всеобщей истории. Такие перспективы отчетливо просматриваются в историях материальной культуры и повседневности, а в последнее десятилетие — в историях частной жизни и индивида. Внимание исследователей привлекают гендерно-дифференцированные пространственные характеристики и ритмы жизнедеятельности, вещный мир и социальная среда, специфика мужских и женских коммуникативных сетей, магические черты «женской субкультуры», «мужская идеология» и др.

Центральное место в гендерной истории занимает проблема соотношения приватного и публичного. Антропологи и социологи фиксируют частичное или полное совмещение оппозиции мужского-женского и дихотомии публичного-приватного в разных культурах и обществах. Гендерные историки опираются на антропологические исследования, связывающие неравенство полов непосредственно с функциональным разделением человеческой деятельности на частную и публичную сферы и с вытеснением женщин из последней. Рассматриваются различные исторические модели соотношения приватного и публичного, отражающие распределение власти, престижа и собственности. Власть трактуется в широком смысле — как способность воздействовать на людей для достижения своих целей — и рассматривается с точки зрения возможности оказывать влияние на принятие решений и действия других людей или групп.

Понятие «women's power» (власть женщин) используется в работах, анализирующих роль женщин в экономике, их воздействие на принятие политических решений, а также особенности так называемых женских сетей влияния, под которыми понимаются межиндивидные связи между женщинами. Эта же концепция применяется при изучении способов активного влияния женщин на изменение и передачу новых культурных стереотипов.

Очень редко обладая формальным авторитетом, женщины действительно располагали эффективными каналами неформального влияния. Они устанавливали новые семейные связи; обмениваясь информацией и распространяя слухи, формировали общественное мнение; оказывая покровительство, помогали или препятствовали мужчинам делать политическую карьеру;

принимая участие в волнениях и восстаниях, проверяли на прочность официальные структуры власти и т. д. Инструменты и формы этого влияния рассматриваются в рамках различных моделей соотношения приватного и публичного, отражающих распределение власти, престижа и собственности через систему политических, культурных, экономических институтов, которая в каждом обществе определяла конкретно-историческое смысловое наполнение понятий мужского и женского.

Во многих работах исследуются нормативные предписания, гендерная идеология и расхожие представления о женщинах, которые обычно фиксируют сугубо мужской взгляд на этот предмет и, несмотря на наличие внутренних противоречий, рисуют в целом негативные стереотипы мужского восприятия и навязываемые социумом модели женского поведения, жестко ограничивающие свободу выражения. Мыслители всех эпох старались определить, что отличает женщин от мужчин, и создать идеалы женского поведения и репрезентации. Их идеи были зафиксированы в религиозной литературе, научных и философских трактатах, поэтических и других произведениях, которые сохранялись и передавались последующим поколениям, что не только делает их доступными для исторического анализа, но означает, что эти идеи оказывали свое влияние на сознание людей во все последующие эпохи и периоды истории.

Идеи тех авторов, которые считались высшими и непререкаемыми авторитетами, не только отпечатывались в умах большинства мужчин и женщин, не способных сформулировать и увековечить свои собственные мысли, но и служили основой для юридических норм, регламентировавших поведение. Эти авторские мнения уже не считались таковыми, а рассматривались в качестве религиозной истины или научного факта, в особенности когда извлекаемые из них правила поведения вводили действия женщин в те границы, которые соответствовали расхожим понятиям мужчин. Многие из этих представлений были унаследованы от античных и средневековых писателей и религиозных мыслителей. И хотя по другим вопросам суждения этих авторов существенно разнились, в том, что касалось женщин, царило редкостное единодушие: они рассматривали женщин как определенно низших по сравнению с мужчинами существ и обеспечили последующие поколения бесчисленными примерами отрицательных свойств женского характера. Вся гендерная идеология строилась на взаимосоотнесенных концепциях, одним своим полюсом обращенных к женщинам, а другим — к мужчинам, но видимая ее сторона имела «женский» образ, поскольку ее творцы предпочитали рассуждать о противоположном поле. В основе всех их идей относительно женщин и опиравшихся

на эти идеи законов лежали понятия, в которых мужчины осознавали собственные гендерные характеристики.

Одно из наиболее активно разрабатываемых направлений гендерной истории сосредоточено на изучении «мира воображаемого» — массовых, обыденных, стереотипных представлений о гендерных ролях и различиях. Это направление тесно связано с крутым поворотом в современном гуманитарном знании и новым сближением историй и литературы. Некоторые исследователи, признавая условность всех литературных жанров, считают одинаково непродуктивным как отрицать всякую связь между художественными образами и действительностью, так и видеть в литературных произведениях прямое отражение реальных отношений или массовых представлений. Механизм взаимодействия литературы и жизни понимается так: условные литературные персонажи не были прямым отражением общественных взглядов, но могли играть активную роль в их формировании, оказывать влияние на поведение современников и даже представителей последующих поколений. С одной стороны, в литературных произведениях отражаются меняющиеся представления о мужском и женском, а с другой — сама литература активно содействует изменению гендерных представлений.

Концепции других гендерных исследований гораздо ярче обнаруживают свои постмодернистские истоки: представление о непрозрачности любого текста (как и самого языка) и его нереференциальности относительно объективной действительности, подчеркивание роли знаковых систем в конструировании реальности — вплоть до сведения всей гендерной истории к истории гендерных представлений. В этой связи особый интерес представляют попытки соединить литературоведческий анализ с подходами и достижениями социальной истории. Инициатива в этом направлении принадлежит тем исследователям, которые стремятся уйти от дуализма представлений и реальности, литературы и социального фона, индивида и общества, культуры элиты и народной культуры, творчества и восприятия (или производства и потребления) культурных текстов, и убедительно демонстрируют глубокое знание социально-исторического контекста, в котором были созданы литературные произведения. В их работах социальные отношения и представления, структурирующие этот контекст, рассматриваются отнюдь не в качестве необязательного общего фона, без которого можно было бы обойтись при прочтении литературного текста, если понимать последний как «вещь в себе». Напротив, именно им отводится определяющая роль в отношении всех видов коллективной деятельности (в том числе и языковой) и — опосредованно — в формировании гендерного сознания. При этом наиболее мно-

гообещающими, с точки зрения истории гендерных представлений и гендерной идентичности, являются исследования, максимально использующие не только выдающиеся памятники литературы, но и произведения второго и третьего рядов.

Важным средством поддержания гендерной асимметрии, помимо прямого насилия, являлся контроль над женской сексуальностью в самом широком смысле, во всех ее действительных и мнимых проявлениях. Общество контролировало сексуальное поведение своих членов с помощью богатого набора инструментов: от светских и церковных судов до народных обрядов, карявших нарушителей моральных норм публичным унижением. И если суды действовали на основе законов или канонов, то добровольные блюстители общественной нравственности исходили из собственных групповых представлений и местных обычаев. Стандарты того, что считалось приемлемым сексуальным поведением, варьировались по странам и социальным группам, но каковы бы они ни были, преступившая их женщина рисковала, прежде всего, своей репутацией. Конечно, позитивные и негативные образцы женского поведения устанавливались мужчинами, но они внедрялись и в сознание женщин и усваивались ими наравне с другими культурными ценностями в процессе социализации. Наряду с моральными стимулами конформизма важную роль, бесспорно, играло и то обстоятельство, что материальное и социальное благополучие женщины во многом зависело от ее соответствия эталону добропорядочной жены и матери и от противодействия тем, кто уклонялся от этого стандарта.

Старая народная мудрость, которая присутствовала (с незначительными нюансами) в фольклоре всех европейских этносов и утверждала, что «внешний мир» принадлежит мужчине, а место женщины дома, задавала индивиду целостную культурную модель, всеобъемлющий образ, который, как и все ему подобные, помогал упорядочивать жизнь, придавая смысл хаотичной и запутанной действительности, воспринимать и толковать переживаемые события, выстраивать линию поведения. Женщины, как правило, хорошо знали свое место в «мужском мире», поскольку эта фраза лишь резюмировала некую совокупность предписываемых им моделей поведения, которые неизбежно подразумевали соответствующие обязательства, ограничения и запреты.

Гендерная история мужчин, призванная дополнить женскую, во многом проходит тот же путь, но гораздо быстрее. Именно с позиции «истории мужчин» можно убедительно показать, как гендерные представления пронизывают все аспекты социальной жизни, вне зависимости от присутствия или отсутствия в ней женщин. Сегодняшняя проблема состоит в разработке концеп-

ций и методов, которые позволили бы совместить гендерный и социальный подходы в конкретно-историческом анализе.

Сохраняя в целом периодизацию, фиксирующую структурные трансформации в обществе, гендерная история делает акцент на различных последствиях этих перемен для мужчин и для женщин. Оказывается, что в более отдаленное время асимметрия гендерной системы была гораздо слабее; в эпохи, которые традиционно считаются периодами упадка, статус женщин относительно мужчин отнюдь не снижался, а в так называемые эры прогресса плоды последнего распределялись между ними далеко не равномерно. Однако при такой постановке проблемы, несмотря на несовпадение фаз исторического опыта мужчин и женщин, задача периодизации исторического развития отходит на второй план, и речь идет главным образом о его оценке и реинтерпретации.

Траектория движения историографии второй половины XX в. фиксирует следующие вехи: от якобы бесполой, универсальной по форме, но по существу игнорирующей женщин истории — к ее зеркальному отражению в образе «однополой», «женской» истории, от последней — к действительно общей гендерной истории, и далее — к обновленной и обогащенной социальной истории, которая стремится расширить свое предметное поле, включив в него все сферы межличностных отношений. По существу, речь идет о новой исторической дисциплине с исключительно амбициозной задачей — переписать всю историю как историю гендерных отношений, покончив разом и с вековым «мужским шовинизмом» всеобщей истории, и с затянувшимся сектантством истории «женской».

Развитие гендерной истории дало мощный импульс полемике о возможных путях интеграции новой дисциплины в историю всеобщую. Гендерно-исторический анализ вносит неоценимый вклад в то преобразование целостной картины прошлого, которое составляет сегодня сверхзадачу обновленной социокультурной истории.

Историческая биография и «новая биографическая история»

Историческая биография, известная со времен Плутарха, веками являлась неотъемлемой составляющей европейской историографии, хотя ее положение со временем менялось. После длительного «прозябания» в своей

средневековой инкарнации — житиях святых — биография возродилась в эпоху Ренессанса и достигла большого разнообразия форм в новое время, став самым популярным жанром исторических сочинений. В XIX — первой половине XX в. она получила широкое распространение в традиционной политической истории, значительная часть которой состояла из жизнеописаний государственных деятелей. Впрочем, постепенно в них все больше внимания стало уделяться частной и внутренней жизни героев, а не только их общественной деятельности.

Несмотря на критику, которая нередко звучала в адрес историко-биографического жанра с разных сторон (особенно в только что завершившемся XX в.), он неизменно пользовался успехом как среди историков-профессионалов, которым предоставлял максимальную возможность для самовыражения (хотя бы в выборе героя), так и у широкой читающей публики, движимой не только обывательским любопытством, но и неистребимым стремлением к самопознанию. Биографии известных людей прошлых эпох — идеализирующие или «раздевающие», в форме морального наставления или каталога подвигов, адвокатской речи или обвинительного приговора, наградного листа или заключения психиатра, — помимо прочего, всегда служат своеобразным зеркалом (вопрос о степени его «кривизны» без устали дебатируется), глядя в которое читатель может многое узнать и о себе.

Конечно, профессиональный историк, придерживаясь корпоративных норм, рассматривает и пытается понять своего героя в контексте той эпохи, в которой тот жил. Но не случайно главной среди обсуждаемых методологических проблем биографии как жанра исторического исследования была и остается проблема взаимодействия этих двух субъектов: с одной стороны, «герой биографии, вписанный в свое время и неразрывно связанный с ним, с другой — автор, биограф, испытывающий столь же глубокую и разностороннюю зависимость от своей эпохи, своего времени. Это диалектическое противоречие и определяет особенности жанра биографии. В биографии, как ни в каком ином жанре, автор выражает самого себя через того героя, которому посвящено его исследование, а через себя — и особенности, и требования, и сущность своего времени»*.

Специалисты исходят из того, что историческая биография является не просто биографией исторического персонажа, но представляет собой жанр исторического исследования: это сама история, показанная через историческую личность. Но исторической биографией в полном смысле слова можно считать лишь та-

* *Павлова Т. А.* Психологическое и социальное в исторической биографии // *Политическая* история на пороге XXI в.: Традиции и новации. М., 1995. С. 86.

кое жизнеописание, где в центре внимания находится развитие неповторимой человеческой личности, раскрытие ее внутреннего мира.

В связи с этим ставится под вопрос жанровая определенность так называемых социальных биографий, авторов которых историческая личность интересует не сама по себе, а в зависимости от ее роли в исторических событиях.

Ясно, что под биографией в полном смысле слова понимается исследование и описание жизни выдающейся личности (включая ее психологическое измерение), что вполне соответствует сложившемуся историко-биографическому канону. Классическим определением объекта исторической биографии можно считать следующее: «В истории человечества встречаются такие личности, которые, некогда появившись, проходят затем через века, через тысячелетия, через всю доступную нашему умственному взору смену эпох и поколений. Такие люди поистине «вечные спутники» человечества... Речь может идти о политических и государственных деятелях, о представителях науки, культуры, искусства. В этом смысле нет никаких ограничений, никаких условий. Вернее, условие лишь одно: ощутимый вклад, внесенный в развитие человеческого общества, его материального и духовного бытия»*.

Однако в последней четверти XX в. пространство применения биографического метода существенно расширяется и меняет свою конфигурацию: наряду с размахом коллективных биографий растет число индивидуальных жизнеописаний людей, которых никак не назовешь выдающимися историческими деятелями. В большой мере это объясняется общим изменением отношения к человеческой индивидуальности и тенденцией к персонализации предмета истории. Но при этом также обнаруживается, что биографии, казалось бы, ничем не примечательных людей могут, при наличии достаточно богатой документальной базы, пролить свет на неизученные аспекты прошлого.

В последние десятилетия XX в. методологические поиски мировой историографии все более сосредоточивались в направлении микроистории. Именно в истории индивида и **«новой биографической истории»** наиболее остро и наглядно была поставлена ключевая методологическая проблема соотношения и совместимости микро- и макроанализа. Если до последнего времени историческая антропология оставляла за кадром проблему самоидентификации личности, личного интереса, целеполагания, индивидуального рационального выбора и инициативы, то в конечном счете ответ на вопрос, каким образом унаследованные культурные традиции, обычаи, представления определя-

* *Утченко С. Л.* Цицерон и его время. М., 1973. С. 3.

ли поведение людей в специфических исторических обстоятельствах (а тем самым, и весь ход событий, и их последствия), потребовал анализа индивидуальных сознания, опыта и деятельности.

Закономерный поворот интереса историков к конкретному индивиду повлек за собой серьезные последствия методологического плана: в контексте современных микроисторических подходов внешняя форма историко-биографических исследований наполнилась новым содержанием. В настоящее время вполне отчетливо проявившиеся в этой области тенденции свидетельствуют о рождении нового направления со специфическими исследовательскими задачами и процедурами. Речь идет о так называемой **персональной истории**, основным исследовательским объектом которой являются персональные тексты, а предметом исследования — история одной жизни во всей уникальности и полноте. Несмотря на определенный методологический эклектизм, ориентированность на разные исследовательские стратегии (от моделей рационального выбора до теорий культурной и гендерной идентичности или до психоистории), общая установка этого направления состоит в том, что реконструкция личной жизни и неповторимых судеб отдельных исторических индивидов, изучение формирования и развития их внутреннего мира, всех сохранившихся «следов» их деятельности рассматриваются одновременно и как главная цель исследования, и как адекватное средство познания того исторического социума, в котором они жили и творили, радовались и страдали, мыслили и действовали.

Размышляя над проблематикой и формулируя задачи и принципы такого рода исследований, известный российский историк Ю.Л. Бессмертный писал: «...на первом плане нашего поиска — конкретный человек, его индивидуальное поведение, его собственный в ы б о р. Мы исследуем эти сюжеты отнюдь не только потому, что хотим знать, насколько т и п и ч н ы (или нетипичны) поступки этого человека, но ради понимания его как такового, ибо он интересует нас сам по себе. Пусть этот человек окажется из ряда вон выходящим. И в этом случае мы признаем его заслуживающим внимания. Ведь самая его уникальность раскроет нечто от уникальности его времени»*.

Речь идет о концентрации внимания на частном, индивидуальном, уникальном в конкретных человеческих судьбах и одновременно — об изначально заданной принципиальной установке

* *Бессмертный Ю. Л.* Метод // *Человек* в мире чувств: Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени / Под ред. Ю. Л. Бессмертного. М., 2000. С. 23.

на выявление специфики и вариативности разноуровневого социального пространства, полного спектра и пределов тех возможностей, которыми располагает индивид в данном культурно-историческом контексте. В исследованиях подобного рода привлекает исключительно взвешенное сочетание двух познавательных стратегий. С одной стороны, они сосредоточивают внимание на так называемом культурном принуждении, а также на тех понятиях, с помощью которых люди представляют и постигают свой мир. С другой стороны, в них последовательно выявляется активная роль действующих лиц истории и тот — специфичный для каждого социума — способ, которым исторический индивид в заданных и не полностью контролируемых им обстоятельствах «творит историю», даже если результаты этой деятельности не всегда и не во всем соответствуют его намерениям.

Разумеется, основное внимание уделяется анализу персональных текстов, или источников личного происхождения, в которых запечатлен индивидуальный опыт и его эмоциональное переживание. Но «новая биографическая история», или персональная история в широком смысле слова, использует в качестве источников самые разные материалы, содержащие как прямые высказывания личного характера (письма, дневники, мемуары, автобиографии), так и косвенные свидетельства, фиксирующие взгляд со стороны, или так называемую объективную информацию. Конечно, на биографические работы, посвященные древности и средневековью, за исключением тех, которые касаются немногих представителей элиты, отсутствие документов личного характера накладывает существенные ограничения. Малочисленность подобных текстов создает для исследователей не менее значительные препятствия, чем те, которые связаны с трудностями их понимания. Часто такой исторический персонаж, лишенный своего голоса (и визуального образа), выступает как силуэт на фоне эпохи, больше проявляя ее характер, чем свой собственный. Поэтому столь понятен и правомерен особый интерес историков к более разнообразным материалам личных архивов и многочисленным литературным памятникам Возрождения и Просвещения, хотя и тут ученые вынуждены главным образом обращаться к немногочисленным представителям культурной элиты.

Вполне естественно, что в фокусе биографического исследования оказывается внутренний мир человека, его эмоциональная жизнь, искания ума и духа, отношения с родными и близкими в семье и вне ее. При этом индивид выступает и как субъект деятельности, и как объект контроля со стороны семейно-родственной группы, круга близких, формальных и неформальных сообществ, социальных институтов и властных структур разных

уровней. В центр внимания многих исследователей, как правило, попадает нестандартное поведение, выходящее за пределы традиционных норм и социально признанных альтернативных моделей, действия, предполагающие волевое усилие субъекта в ситуации осознанного выбора.

В идеальном варианте мысль исследователя начинает свое движение от единичного и уникального факта, т. е. от индивида. Однако он имеет не только настоящее и будущее, но и свое собственное прошлое, более того, он сформирован этим прошлым — как своим индивидуальным опытом, так и коллективной, социально-исторической памятью, запечатленной в культуре.

Вот почему в «новой биографической истории» особое значение придается выявлению автобиографической составляющей разного рода документов, анализу именно п е р с о н а л ь н о й истории жизни — автобиографии в широком смысле этого слова.

Говоря о состоянии современной исторической биографии в целом, необходимо отметить, что при всех естественных ограничениях и, несмотря на наличие серьезных эпистемологических трудностей, обновленный и обогащенный принципами микроистории биографический метод может быть очень продуктивным. Одно из преимуществ такого персонального подхода состоит именно в том, что он «работает» на экспериментальной площадке, максимально приспособленной для практического решения тех сложных теоретических проблем, которые ставит перед исследователем современная историографическая ситуация. Постоянно возникающая необходимость ответить на ключевые вопросы: чем обусловливался, ограничивался, направлялся выбор решений, каковы были его внутренние мотивы и обоснования, как соотносились массовые стереотипы и реальные действия индивида, как воспринималось расхождение между ними, насколько сильны и устойчивы были внешние факторы и внутренние импульсы — настоятельно «выталкивает» историка из уютного гнездышка микроанализа в исследовательское пространство макроистории.

Конечно, непосредственным объектом любой биографии является жизнь отдельного человека с момента рождения до смерти. Однако типы биографического анализа отличаются различными исследовательскими задачами. Несмотря на привлекательность такой исторической биографии, которая представляет собой сочетание психологического проникновения автора в мир героя с социальным анализом действительности, окружающей этого героя, методологические предпочтения исследователя обычно более дифференцированы. Если мыслить дихотомически, то предметом, на который направлено основное исследовательское усилие биографа, может быть либо реконструкция психологического мира, его динамики, уникального экзистенциального опыта индивида

(экзистенциальный биографизм), либо социальная и культурная ситуация, по отношению к которой описываемая жизнь приобретает значение истории («новая биографическая история»). Но в открытом для экспериментов пространстве между этими двумя полюсами обнаруживается немало интересного.

Интеллектуальная история сегодня: проблемы и перспективы

Термин «**интеллектуальная история**» указывает не на особое качество того, что выходит из-под пера ученого, который ею занимается, а на то, что фокус исследования направлен на один из аспектов и одну из сфер человеческой деятельности (так же, как в экономической или политической истории). В изучении прошлого нет резких водоразделов, и, конечно, историк не может без ущерба для профессиональной деятельности замкнуться в своей специализации. Однако условное разделение труда в историографии существует, более того, на каждом этапе ее развития результаты этого процесса пересматриваются и переоцениваются. Современная революция в историческом познании, в которую история оказалась вовлечена позднее других социально-гуманитарных наук, поставила историографию в целом и ее отдельные субдисциплины в ситуацию активного переопределения своих методологических и содержательно-предметных оснований.

Чтобы понять всю глубину этих изменений, следует обратиться к истории предмета. Очень долгое время (начиная с XIX в.) оба понятия — «интеллектуальная история» и «история идей» — фактически означали одно и то же и связывались главным образом с историей философии. Выдающийся американский философ и историк **АРТУР ЛАВДЖОЙ** (1873—1962), автор знаменитой книги **«Великая цепь бытия: История одной идеи»** (1936), ставшей классикой интеллектуальной истории, отдавал приоритет термину «история идей», что отражало специфику его оригинального подхода. Она состояла в изолировании и изучении странствующих во времени универсальных «идей-блоков», которые последовательно использовались как составные части в самых разных учениях и теориях. История идей, считал Лавджой, имеет дело с тем же материалом, что и другие ветви истории мысли, но она «препарирует» его особым образом. Аналогия этой процедуры просматривалась в методе аналитической химии — проникнове-

ние внутрь структуры и вычленение из нее составных элементов. В такой методологии истории идей крупные идейные комплексы и философские системы превращались из главного объекта внимания историка всего лишь в исходный материал для выделения тех идейных единиц, которые и были его главным предметом. Конечная цель исследования состояла в том, чтобы создать полную биографию изучаемой идеи, описать ее проявления на всех стадиях исторического развития и в разных сферах интеллектуальной жизни, будь то философия, наука, литература, искусство, религия или политика.

Лавджой дал интересную типологию факторов, действующих в различных областях интеллектуальной жизни, среди которых необходимо отметить следующие. Это, во-первых, «скрытые или неявно выраженные допущения, более или менее бессознательные ментальные привычки», убеждения, которые «скорее молчаливо подразумеваются, чем формально выражаются или отстаиваются», «такие способы мышления, которые кажутся настолько естественными и неизменными, что они не подвергаются критическому рассмотрению». Во-вторых, сложившийся именно вследствие влияния этих «мыслительных привычек» ход рассуждений, характерные логические приемы, которые доминируют в мышлении индивида, философской школы, целого поколения или эпохи. Перед историей идей ставились весьма сложные задачи: «понимание того, как возникают и распространяются новые убеждения и интеллектуальные формы, освещение психологической природы процессов, воздействующих на изменения в популярности и влиятельности тех или иных идей, выяснение — по возможности — того, как концепции, которые доминировали или преобладали в одном поколении, теряют свою власть над умами людей и уступают место другим»*. В программу истории идей был включен еще один очень важный пункт — исследование проявлений определенных идей не только в учениях или оригинальных суждениях глубоких мыслителей, но и в коллективной мысли больших групп людей, а также анализ воздействия разных факторов на убеждения, верования, предрассудки, склонности, стремления одного или нескольких поколений. Короче, речь идет об идеях, которые получили широкое распространение и стали частью мыслительного инвентаря многих людей.

Итак, в заявленной программе имелись необходимые предпосылки для всеобъемлющего преобразования интеллектуальной истории, однако она так и не была реализована ни самим автором, ни его последователями. Более того, именно их работы по-

* *Lovejoy A. O.* The Great Chain of Being: A Study of the History of an Idea. Cambridge (Mass.), 1936. P. 7—11.

служили основанием к тому, что под историей идей стали все чаще понимать изучение идей как неких автономных абстракций, имеющих внутреннюю логику развития, безотносительно к другим видам человеческой активности или к тому, что называют их социальным контекстом.

Между тем, благодаря многочисленным ученикам и основанному самим Лавджоем **«Журналу истории идей»** («Journal of the History of Ideas»), такой подход доминировал несколько десятилетий. В 60—70-е гг. XX в. интеллектуальная история оказалась на обочине историографии. Ее вполне обоснованно критиковали за сосредоточенность на теориях и доктринах и игнорирование социального контекста идей и социальных функций науки, за «буржуазную элитарность», исключительный интерес к великим мыслителям и каноническим традициям и отсутствие внимания к местным традициям и народной культуре.

Совершенно неудивительно и логично, что на следующем этапе маятник качнулся в противоположную сторону: к истории интеллектуалов и социальной истории идей, в которых акцентировалась роль социального контекста. История ментальностей и социальная история идей в разных ее формах сыграли решающую роль в переосмыслении истории идей, которая вновь стала восприниматься как более предпочтительный термин, подразумевавший радикальное расширение ее предметного поля — от исключительно «великих идей» к тем, которые разделялись и артикулировались большими группами образованных людей, а фактически ко всем идеям (от популярных до эрудитских), которые были в ходу в конкретный период или в конкретном обществе.

Сегодня интеллектуальная история, отнюдь не порывая с историей идей, занимает обширное исследовательское пространство и не является направлением, опирающимся на какую-то одну научную парадигму. Более того, нежелание ограничивать спектр возможных теоретико-методологических перспектив является вполне осознанной позицией. Авторитетные специалисты, как правило, возражают против того, что интеллектуальная история должна придерживаться какого-то одного подхода, так как каждый из них сам по себе оказывается недостаточным. В большой мере это связано с междисциплинарным статусом интеллектуальной истории и расхождениями внутри связанных с ней дисциплин. Ведь современная интеллектуальная история включила в себя разнородные составляющие, которые до сих пор сохраняют свои «родовые» черты. Речь идет не только о традиционной философски ориентированной истории идей и идейных систем, об истории естествознания и техники, общественной, политической, философской, исторической мысли, которые по большей части сводились к их «внутренней истории», отвлекаясь от изучения

общеисторического контекста, но также и о той социально-интеллектуальной истории 70—80-х гг. XX в., которая акцентировала социологический и организационный аспекты познавательной деятельности. Сложный процесс выработки новой общей перспективы идет параллельно с переосмыслением самого предмета исследования на эпистемологических и методологических принципах современного социокультурного подхода, усвоившего уроки постмодернистского вызова и предложившего ему альтернативу: в домене интеллектуальной истории все больше территорий попадает под суверенитет **«новой культурной истории»**.

Одной из исходных предпосылок современной интеллектуальной истории является осознание неразрывной связи между историей идей и идейных комплексов, с одной стороны, и историей условий и форм интеллектуальной деятельности, с другой. В настоящее время принципиальным становится учет взаимодействия между движением идей и их исторической «средой обитания» — теми социальными, политическими, религиозными, культурными контекстами, в которых идеи рождаются, распространяются, развиваются. В такой перспективе речь может идти о реализации проекта **«новой культурно-интеллектуальной истории»**, которая видит свою основную задачу в исследовании интеллектуальной деятельности и процессов в сфере гуманитарного, социального и естественнонаучного знания в их социокультурном контексте.

«Новая культурная история» заменяет сложившееся в историографии 70—80-х гг. XX в. жесткое противопоставление народной и ученой культур, производства и потребления, создания и присвоения культурных смыслов и ценностей, подчеркивая активный и продуктивный характер последнего. Таким образом, с точки зрения нового подхода, человеческая субъективность выступает в ее истинной целостности, неразрывно соединяющей категории сознания и мышления. Именно в этом варианте культурная и интеллектуальная истории как бы сливаются воедино. Первая фокусирует внимание на мифах, символах и языках, с помощью которых люди осмысливают свою жизнь или отдельные ее аспекты. Вторая накладывает на эту основу творческое мышление интеллектуалов, «вышивая по канве» динамический рисунок.

Интегральная установка реализуется в существующих концепциях современной интеллектуальной истории в разной степени: от понимания ее просто как части истории культуры в широком смысле слова, которая создается комбинацией всех культурных форм, до более строгой конкретизации ее предмета и исследовательских задач с ориентацией на изучение человеческого интеллекта, на особое внимание к выдающимся умам прошлого и текс-

там Высокой культуры. Наиболее перспективной представляется теоретическая модель «новой культурно-интеллектуальной истории» с некоторым уточнением, касающимся преимущественного интереса к историческим категориям мышления, интеллектуальной деятельности и продуктам человеческого интеллекта, а также к историческому развитию интеллектуальной сферы (включая ее художественные, гуманитарно-социальные, естественнонаучные, философские компоненты). В такой интерпретации в исследовательское поле интеллектуальной истории может быть включен и анализ разнообразного мыслительного инструментария, конкретных способов осмысления окружающей природы и социума (т. е. субъективности интеллектуалов разных уровней), и изучение всех форм, средств, институтов (формальных и неформальных) интеллектуального общения, а также их усложняющихся взаимоотношений с «внешним» миром культуры.

Сегодня специалисты не разделяют ни презентистской позиции в целом, ни упрощенного представления о возможности сконструировать интеллектуальную историю по принципу мозаики, — из истории науки, истории политической мысли, истории философии, истории литературы и т. д., что означало бы проецирование в прошлое структуры современного интеллектуального пространства. Напротив, все больше внимания уделяется тем образованиям в интеллектуальной жизни прошлого, которые впоследствии не оформились институционально, не превратились в профессиональные виды деятельности или в современные академические дисциплины. Проблемно-ориентированная интеллектуальная история стремится преодолеть оппозицию между «внешней» и «внутренней» историей идей и текстов, между их содержанием и контекстом. Например, в истории наук заметна тенденция сосредоточить внимание не на доктринах и теориях, а на изучении реально стоящих перед учеными проблем (включая весь спектр норм и практик, вовлеченных в их постановку и решение), раскрыть диапазон рассматриваемых ими вопросов, восстановить более общий интеллектуальный контекст, организационные структуры и структуры знания, отраженные в энциклопедиях и учебных программах.

Изменения произошли и в более традиционных областях — например, в истории политической мысли: методологический арсенал увеличился за счет историко-антропологических исследований, которые иногда называют «интеллектуальной историей снизу», изучающей не одни лишь «сияющие вершины», а весь разноуровневый интеллектуальный ландшафт того или иного исторического периода. Особое внимание отводится, с одной стороны, выяснению того, какие именно из более ранних идей воспринимались и удерживались (пусть избирательно и непосле-

довательно) не претендующим на оригинальность массовым сознанием. С другой стороны, исследуются пути и способы распространения новых идей, в частности, через популярную литературу, прежде всего в переломные периоды. Между этими двумя перспективами остается место и для изучения «безлюдной» истории идей — свободы, равенства, справедливости, прогресса, тирании и других ключевых понятий, и для популярного в 1980-е гг. метода, ограничивающего изучение той или иной интеллектуальной традиции анализом содержания наиболее влиятельных текстов, хотя эти направления подвергаются критике со всех сторон. Историки политической мысли сконцентрировали внимание не на идеях, текстах и традициях, а на изучении политического «языка» или «языков» (полного политического словаря того или иного периода) с целью выявить тот интеллектуальный контекст, на почве которого выросли «великие тексты» и в трансформацию которого они внесли свой вклад.

На примере так называемой **религиозной истории** хорошо видно, как решается проблема раздела сфер влияния со смежными дисциплинами во всех направлениях интеллектуальной истории. Религиозная история — это не история церкви как института, с одной стороны, и не история официальной церковной доктрины, с другой, и даже не история ересей и религиозных сект как некая оппозиция последней. Это история религиозного сознания и мышления — разделяемых духовенством и мирянами верований и идеалов, выступающих как один из решающих факторов личностной и групповой ориентации. Впрочем, новые тенденции пронизывают все участки исследовательского пространства интеллектуальной истории.

Неотъемлемая территория современной интеллектуальной истории — история знания, история науки и **дисциплинарная история**. В отличие от традиционной истории науки, которая была историей открытий, воплощавших прогрессивное движение человечества к познанию истины, сегодня она отказывается от интерпретации знаний прошлого исключительно с точки зрения современной научной ортодоксии. Существуют разные подходы к истории науки, но ведущая тенденция состоит в смене интерналистского (сконцентрированного на самой науке) подхода более широким, который соотносит науку с современным ей обществом. Новая историография науки рассматривает ее (и другие области знания) как одну из форм общественной деятельности и часть культуры. Произошла легитимизация не только социальной, но и культурной истории науки, важнейшей предпосылкой которой является признание культурно-исторической детерминированности представления о науке и псевдонауке, о том, чем отличается знание естественное, или научное, от социального и культурного.

История естествознания и техники остается чрезмерно специализированной и в значительной степени сохраняет автономное положение, и все же она (по крайней мере, в одном из своих направлений) наряду с историей социального и гуманитарного знания составляет важную часть интеллектуальной истории. Именно интеллектуальная история ориентирована на реконструкцию исторического прошлого каждой из областей и форм знания (включая знания донаучные и околонаучные, религиозные, эстетические) как части целостной интеллектуальной системы, переживающей со временем неизбежную трансформацию. Она также призвана выявлять исторические изменения фундаментальных принципов, категорий, методов и содержания познания, изучать процессы становления и развития научной картины мира, стиля мышления, средств и форм научного исследования в общем контексте духовной культуры, социально-организационных и информационно-идеологических условий конкретной эпохи.

Историографическая ситуация последнего десятилетия неизменно характеризуется как кризисная. Мировая историческая наука действительно переживает весьма противоречивый и болезненный период, связанный как с накопившимися проблемами ее внутреннего развития, так и с общими процессами в интеллектуальной сфере и — еще шире — с ломкой культурной парадигмы, которая вызвала пересмотр эпистемологических основ гуманитарного знания.

Смена исследовательских ориентаций историографии происходит параллельно с интенсивным переосмыслением самого идеала научности и с резким падением престижа не только социально-научной истории, но и более «мягких» антропологических версий «новой историографии». Все это усиливает роль историографической критики, которая выступает как важное средство коррекции и расширения наличного арсенала подходов, методов, концепций и моделей исторического исследования, как инструмент обновления и последующего развития исторической науки в XXI в.

Крутой поворот в историографии конца XX в. поставил вопрос о взаимоотношениях между реальностью и представлениями о ней, обострив у исследователей переживание невозможности прямого контакта с прошлой реальностью. Но даже источник, который искажает, не перестает быть историческим. Его субъективность, через которую проходит и которой отягощается соответствующая информация, отражает культурно-историческую специфику своего времени, а также представления, в большей или меньшей степени характерные для определенной социальной группы или общества в целом. В субъективности источников отражены взгляды и предпочтения, система ценностей их авторов.

В изучении новой и новейшей истории проблему создает не скудость дошедших до нас сведений, а напротив, их изобилие. Необходимость же сделать выборку неизбежно ставит вопрос о том, всегда ли она репрезентативна (не только по объему, но и по типу и жанрам источников).

Для новейших историков большое значение имеет так называемая **устная история**. Это свидетельские показания рядовых участников исторического процесса, на памяти которых происходили события не только их личной жизни, но и большой истории. Как человек воспринимает события, современником или участником которых он был, как он их оценивает, каким образом хранит информацию — все это представляет огромный интерес. Устная история имеет большой потенциал и привлекает внимание исследователей современности, хотя охватываемый ею временной промежуток ограничен памятью человека (не обязательно индивидуальной, а например, памятью его старших современников). Однако устные рассказы требуют внимательной и всесторонней критики. Это не означает, что очевидцы всегда сознательно искажают то, о чем они дают свидетельские показания. Реальность преломляется их сознанием, и ее искаженный, односторонний или расплывчатый образ запечатлевается в памяти как истинный рассказ о происшествии. И все же, с учетом механизма переработки первичной информации в сознании свидетеля, это не может быть непреодолимым препятствием для работы историка.

Под влиянием лингвистического поворота и работ большой группы «новых интеллектуальных историков» радикально преобразилась история историографии, которая неизмеримо расширила свою проблематику и отвела центральное место изучению дискурсивной практики историка. Отклоняясь в сторону литературной критики, она имеет тенденцию к превращению в своего двойника — историческую критику, а возвращаясь — обновленная — к «средней позиции», получает шанс стать по-настоящему самостоятельной и самоценной исторической дисциплиной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сложные и противоречивые процессы специализации, внутренней дифференциации, кооперации и реинтеграции различных научных дисциплин и субдисциплин, которые происходят в современном обществоведении и гуманитаристике, ставят перед профессиональным сознанием новые проблемы. Размышления над историей какой-либо дисциплины обычно активизируются тогда, когда обостряется ощущение кризиса. Оно вызывает всплеск интереса не только к новым проблемам научного познания, но и к прошлому науки. Поэтому вполне закономерно стремление понять, что представляет собой история как академическая дисциплина.

История — это прежде всего способ самопознания и самоидентификации общества. История была всегда, хотя и облекалась в самые разные формы — мифа, эпоса, священного предания и т. п. Только в обществах эпохи модерна история выступает как рациональное научное знание, ориентированное на поиск истины и опирающееся на правила исторической критики и общепринятые критерии достоверности, но, поскольку история всегда является ответом на потребности общества, она обречена на постоянное переписывание. Те, кто сегодня говорит о банкротстве истории как науки, не понимают ее специфики, ожидая от нее установления непреходящих истин, универсальных законов общественного развития и даже его прогнозирования.

Обновление современной профессиональной историографии и исторической культуры происходит на фоне кризиса новоевропейского рационализма, отказа от классического детерминизма, от попыток видеть мир сквозь призму всеобщих закономерностей. На протяжении всего XX в. мир изменялся с невиданной до этого времени стремительностью, и огромную роль в этих радикальных переменах сыграл научный прогресс. Но изменения затронули и статус самой науки: сначала возведя ее на высокий пьедестал в системе общественных ценностей, а к концу века — поставив под сомнение ее основополагающие ориен-

тиры. Этот процесс имеет и внутренние истоки. Сегодня переосмысляются критерии того вида человеческой деятельности, который называется наукой. Во всех науках, включая естественные, на первый план вместо анализа закономерностей и регулярностей выходит изучение индивидуального, уникального, случайного. Кризисная ситуация сложилась как в философии науки, так и в рефлексии по поводу истории. Вновь изменяется соотношение между такими различными типами знания, как научное, религиозное, эстетическое.

И все же разрушительная деятельность постмодернистской программы расчищает новые пути познания. Постепенно формируется новая модель мира, идут поиски в современном социогуманитарном знании. Хотя процесс выработки новой парадигмы истории взамен рухнувшей оказался чрезвычайно сложным и противоречивым, несомненно одно: наиболее обнадеживающие перспективы открываются в тех направлениях, которые ставят во главу угла категорию культуры. Это приводит к новому пониманию задач, а затем и к качественным изменениям в предметном поле, концептуальном аппарате и методологической базе исторического исследования. Таким образом, по всем критериям идет обновление или становление новой науки. Не удивительно, что процесс ее трансформации часто воспринимается как затянувшийся кризис.

Постмодернистская интеллектуальная программа определяет характер будущего посредством изменения представлений о прошлом. База постоянного поиска новых путей в истории — неисчерпаемость самого прошлого и любого из дошедших до нас памятников, обусловленная постоянным изменением тех вопросов, которые мы задаем прошлому из нашего настоящего. Мысль историка, направленная на интерпретацию следов минувшего, запечатленных в исторических памятниках, исходит из современных предпосылок: концепция истории действует как силовое поле, организующее хаотический фрагментарный материал. Между историком и историческим свидетельством всегда находится толща разного рода пристрастий и предубеждений, языковых и текстовых структур. Функции истории условно делятся на познавательно-аналитические, социальные и эстетические. Две последние, по существу, основаны на способности историописания создавать некую новую субъективную реальность. В разные периоды подчеркивалась та или иная из этих функций. Сторонники «истории снизу» педалировали социальную функцию истории, указывая на то, что история производится и потребляется внутри определенного социального контекста с различными целями и принимает разные формы, а ее производство и использование являются элементами политической конкурен-

ции. Но не менее значим и выразителен акцент на эстетическую функцию истории, который делают сторонники ее постмодернистской парадигмы, отождествляющие историю с литературой и искусством.

Общественные изменения и внутренняя логика развития науки не дают ей покоя: привлекаются новые источники, переосмысляются старые, меняются поколения ученых, появляются новые методы исследования и критерии оценки. Но старые направления и накопленный опыт не исчезают бесследно, недаром новый импульс развития часто исходит именно из традиционных школ, казалось бы, навсегда отодвинутых на обочину историографии.

В настоящее время история как наука переживает один из самых сложных и напряженных периодов — она находится в состоянии переопределения предмета, методов и содержания. Эти новации в совокупности представляют собой наиболее значительный методологический прорыв с тех пор, как полтораста лет назад были заложены основы современной исторической науки. Высказывается опасение, что безграничное и непрерывное расширение тематики исследований приведет к утрате собственного предмета исторической науки. Но ведь история остается самой синтетической из всех социогуманитарных дисциплин: каждая из них изучает лишь одну из сфер современной реальности, в то время как историю интересуют все аспекты прошлого. Вот почему развитие знаний о человеке и обществе настоящего только углубляет наше понимание предмета исторического познания и обогащает содержание современного исторического знания.

Одной из самых интересных областей интеллектуальной истории является **история исторического сознания**. Своеобразное воссоединение истории с литературой пробудило повышенный интерес к способам производства, сохранения, передачи исторической информации и манипулирования ею. Динамика состояний исторического сознания проявляется на обоих его уровнях: и на профессионально-элитарном, и на обыденно-массовом. Траекторией движения историографии между полюсами научной аргументации и литературной репрезентации может быть записана одна из версий ее непростой истории.

Важное место в изучении представлений о прошлом людей разных культур и эпох должна занять проблема исторического воображения, а также концепция базового уровня исторического сознания, формирующегося в процессе социализации индивида как в первичных общностях, так и национальными системами школьного образования. Ведь в отличие от литературных рассказов о жизни людей в прошлом, на которых стоит печать

вымысла, рассказы на уроках истории как бы несут на себе бремя подлинности. Информация, которую ребенок приучается упорядочивать, записывать, воспроизводить на уроках истории, будто бы заверена «ответственными лицами» и снабжена печатью «это действительно происходило», и уже на основе заложенных в сознание информационных блоков впоследствии создаются социально-дифференцированные и политизированные интерпретации прошлого.

Наряду с отмеченными направлениями исследований в области истории исторической культуры представляется весьма перспективным новый взгляд на историю исторической науки со «средней позиции», о которой говорилось выше. Речь идет о научной исторической критике, которая все дальше отходит от традиционного историографического подхода и стремится перейти от описания и «инвентаризации» исторических идей, направлений и школ к более тонкому их анализу, основанному на принципах культурно-исторической антропологии, или новой культурной истории. В качестве главного предмета этого анализа выступают качественные перемены в области исследовательского сознания историков. При этом в центре внимания исторической критики оказываются не только «конечные продукты» — результаты профессиональной деятельности, но вся творческая лаборатория, исследовательская психология и практика, и в целом — культура творчества историка.

Историк «погружен» не только в современную ему общекультурную среду, но и в локальную профессиональную культуру, которая имеет собственную традицию, несмотря на извечно педалируемую терминологию новизны — регулярно повторяющиеся в историографии самоназвания направлений, в конструировании которых главным является слово «новая». Именно в связи с этим постоянно возникает необходимость всестороннего анализа и четкого определения всего комплекса установок, который собственно и создает новое качество. И это, безусловно, касается не только задач и методов исторического познания, но и самого способа историописания.

Такой целостный подход к изучению сложного исторического явления может быть направлен на последовательный и систематический анализ конкретных форм существования истории как социально-гуманитарного знания, определенной интеллектуальной системы, которая переживает со временем неизбежную трансформацию. В качестве примера можно привести факт метаморфоз, которые претерпело понятие междисциплинарности, составляющей одну из опорных установок «новой исторической науки», наряду с проблематизацией истории, признанием актив-

ной роли историка в диалоге с источником, отказом от одностороннего факторного анализа.

Переживаемая сегодня историографическая революция, являющаяся составной частью общего процесса в интеллектуальной сфере, не первая и, очевидно, не последняя трансформация в истории исторической науки. В такие моменты усиливается потребность не только разобраться в текущей ситуации и открывающихся горизонтах, но также оглянуться и оценить пройденное, впрочем, первое без второго попросту невозможно. Во всяком обществе и при любом политическом устройстве глубокая и тесная зависимость историков от современной эпохи и ее перипетий, их укорененность в окружающей действительности проявляются в полной мере. Под воздействием внешних импульсов и в результате осмысления событий, сложных проблем и нередко тяжких уроков бурного новейшего времени им неизбежно приходится пересматривать взрастившую их историографическую традицию, опыт и знания, накопленные поколениями историков, менять перспективу своего ви́дения прошлого, искать новые пути его познания.

Вот почему так необходимо рассматривать изменения в проблематике исторических исследований, развитие и смену научных концепций, подходов, интерпретаций в контексте личных судеб и общественных процессов сквозь призму индивидуального и профессионального восприятия как социально-политических и идеологических коллизий, так и интеллектуальных вызовов эпохи. В связи с этим встает вечный и в то же время актуальный, как никогда, вопрос о соотношении в историографии научной объективности и идеологических пристрастий, с которым неразрывно связана проблема оценочных критериев в истории исторической мысли и исторического знания.

Разобраться в том, где все же кончается суверенитет науки и начинается диктат политики и идеологии, — непростая задача. Сегодня все чаще можно услышать голоса наиболее последовательных оппонентов научной, или объективной, истории. Эти критики утверждают, что историки претендуют на то, чтобы заниматься описанием прошлого, в то время как в действительности всегда пишут только историю своего времени или автобиографию.

И это в известной степени верно, поскольку те новые вопросы, которые каждое поколение историков ставит перед прошлым, неизбежно отражают интересы и тревоги этого поколения. Вместе с тем оптимисты, отнюдь не опровергая скептиков, не видят непреодолимого препятствия для исторического познания в такой зависимости исследователя от своей ситуации, от своего общества и культуры, но лишь до тех пор, пока ответы

на эти новые вопросы он ищет именно в прошлом, а не извлекает из настоящего.

Конечно, абсолютная объективность недостижима: в историографии всегда отражаются та или иная политическая ориентация, социальная позиция, иерархия ценностей. Однако существуют корпоративный «кодекс чести», профессиональные нормы и критерии, которые позволяют отделить зерна от плевел и выявить фальсификацию, используя критический аппарат традиционной и современной историографии против нового мифостроительства.

Выступая активным посредником в нескончаемом диалоге настоящего с прошлым, историк одновременно вплетает собственные нити в полотно историографической традиции. Мир, в который «помещен» современный исследователь, беспрестанно и быстро меняется, в свою очередь изменяя условия и содержание этого диалога. Для того чтобы распутать ставшие замысловатыми и местами прерывающиеся узоры, нужно найти связующее звено, которое кроется все же не в общих закономерностях, а в уникальности моментальной ситуации (с учетом всей совокупности обстоятельств), и в творческой индивидуальности ученого, который развенчивает мифы и преодолевает изжившие себя стереотипы исторического сознания (как обыденного, так и профессионального).

Новые направления современной историографии, усвоившие уроки постмодернистского вызова, могут доказать свою состоятельность, дав нам реальную возможность глубже понять процессы, которые определяли развитие исторического знания и исторической науки, выявить их новые измерения в более широких интеллектуальных и культурных контекстах.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Основная

Барг М. А. Эпохи и идеи: Становление историзма. М., 1987.

Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984.

Биск И. История исторической мысли в новое время. Иваново, 1983.

Бычков С. П., Корзун В. П. Введение в отечественную историографию XX в. Омск, 2001.

Гутнова Е. В. Историография истории средних веков. М., 1985.

Историография истории нового времени стран Европы и Америки / Под ред. И. П. Дементьева. М., 1990.

Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки / Под ред. И. П. Дементьева, А. И. Патрушева. М., 2000.

Историческая наука и историческое сознание / Под ред. Б. Г. Могильницкого. Томск, 2000.

Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987.

Коллингвуд Р. Дж. Идея истории; Автобиография. М., 1980.

Косминский Е. А. Историография средних веков: V в. — середина XIX в. М., 1963.

Кроче Б. Теория и история историографии. М., 1998.

Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX в. Томск, 2001—2003. Вып. I—II.

Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII в. М., 1969.

Немировский А. И. У истоков исторической мысли. Воронеж, 1979.

Портреты историков: Время и судьбы: В 2 т. / Под ред. Г. Н. Севостьянова, Л. Т. Мильской. М., 2000.

Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000.

Румянцева М. Ф. Теория истории. М., 2002.

Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время: В поисках утраченного. М., 1997.

Тош Дж. Стремление к истине: Как овладеть мастерством историка. М., 2000.

Шапиро А. Л. Историография с древнейших времен по XVIII в. Л., 1982.

Дополнительная

Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XIII — первая половина XIX в.). М., 1985.

Барг М. А., Авдеева К. Д. От Макиавелли до Юма: Становление историзма. М., 1998.

Вандалковская М. Г. П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер: История и политика. М., 1992.

Вандалковская М. Г. Историческая наука российской эмиграции: «Евразийский соблазн». М., 1997.

Вен П. Как пишут историю: Опыт эпистемологии. М., 2003.

Гене Б. История и историческая культура на средневековом Западе. М., 2002.

Гуревич А. Я. История и сага. М., 1972.

Гуревич А. Я. Исторический синтез и «школа "Анналов"». М., 1993.

Далин В. М. Историки Франции XIX—XX вв. М., 1981.

XX век: Методологические проблемы исторического познания / Под ред. А. Л. Ястребицкой. М., 2001—2002. Ч. 1—2.

Дербов Л. А. Исторические взгляды русских просветителей второй половины XVIII в. Саратов, 1987.

Заборов М. А. Историография крестовых походов. М., 1971.

Зимин А. А. Русские летописи и хронографы конца XV—XVI вв. М., 1960.

Золотарев В. П. Историческая концепция Н. И. Кареева: Содержание и эволюция. Л., 1988.

Историк в поиске: Микро- и макроподходы к изучению прошлого / Под ред. Ю. Л. Бессмертного. М., 1999.

История ментальностей, историческая антропология / Под ред. А. Я. Гуревича. М., 1998.

Историческая информатика / Под ред. Л. И. Бородкина и И. М. Гарсковой. М., 1996.

Историческая наука России в XX в. / Отв. ред. Г. Д. Алексеева. М., 1997.

Историческая наука и историческое сознание / Б. Г. Могильницкий, И. Ю. Николаева, В. М. Мучник, Н. В. Карначук. Томск, 2000.

Историческая наука на рубеже веков / Под ред. А. А. Фурсенко. М., 2001.

Историческая наука российской эмиграции 20—30-х гг. / Отв. ред. М. Г. Вандалковская. XX в. М., 1998.

История и историки высшей школы России: Уроки, проблемы, идеи / Науч. ред. С. Н. Полторак. СПб., 1998.

История и сталинизм / Сост. А. Н. Мерцалов. М., 1991.

История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения / Под ред. Л. М. Брагиной. М., 1999.

К новому пониманию человека в истории: Очерки развития современной западной исторической мысли / Под ред. Б. Г. Могильницкого. Томск, 1994.

Карагодин А. И. «Философия истории» В. О. Ключевского. Саратов, 1976.

Кобрин В. Б. Кому ты опасен, историк? М., 1992.

Кузнецова Т. И., Миллер Т. А. Античная эпическая историография: Геродот. Тит Ливий. М., 1984.

Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XVI вв. Л., 1976.

Мир историка: XX век / Под ред. А. Н. Сахарова. М., 2002.

Мягков Г. П. Научное сообщество в исторической науке: Опыт «русской исторической школы». Казань, 2000.

Нечкина М. В. В. О. Ключевский: История жизни и творчества. М., 1974.

Пештич С. Л. Русская историография XVIII в. Л., 1961—1971. Ч. I—III.

Погодин С. Н. «Русская школа» историков: Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, М. М. Ковалевский. СПб., 1997.

Поляков Ю. А. Историческая наука: Люди и проблемы. М., 1999.

Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. СПб., 1996.

Проблемы исторического познания / Под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 1999.

Рамазанов С. П. Кризис в российской историографии начала XX в. Волгоград, 1999—2000. Ч. 1—2.

Реизов Б. Г. Французская романтическая историография. Л., 1956.

Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998.

Россия в XX в.: Судьбы исторической науки / Под ред. А. Н. Сахарова. М., 1996.

Сафронов Б. Г. Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время. М., 1976.

Сафронов Б. Г. Вопросы исторической теории в работах М. С. Корелина. М., 1984.

Сафронов Б. Г. Н. И. Кареев о структуре исторического знания. М., 1995.

Севостьянова Л. И. Русская провинциальная историография XVIII в. М., 1998.

Сидорова Л. А. «Оттепель» в исторической науке: Советская историография первого послесталинского десятилетия. М., 1997.

Синицын О. В. Неокантианская методология истории и развитие исторической мысли в России в конце XIX — начале XX в. Казань, 1998.

Советская историография / Под ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1996.

Соколов А. Б. Введение в современную западную историографию. Ярославль, 2002.

Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в. Екатеринбург, 2002.

Хвостова К. Д., Финн В. К. Проблемы исторического познания в свете современных междисциплинарных исследований. М., 1997.

Шмидт С. О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии XVIII в. М., 1997.

Альманахи

Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 1999—2003. Вып. 1—11.

Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. М., 1996—2003. Вып. 1—5.

Одиссей: Человек в истории. М., 1989—2003.

Теоретические проблемы исторических исследований. М., 1998—2002. Вып. 1—4.

THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. М., 1993—1994. Вып. 1—6.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

ВВЕДЕНИЕ 4

Глава 1. **ЧТО ТАКОЕ ИСТОРИЯ** **8**

Термины и проблемы 8
Историческое сознание и историческая память 10
Историческая память и забвение 11
Историческая память и истолкование прошлого 13
Историческая память и исторический факт 16
Историческое сознание и историческая наука 18
Объективность и достоверность исторического знания 19
История как наука об уникальных и единичных явлениях 25
История и социальная теория 28

Глава 2. **КАК ПИШЕТСЯ ИСТОРИЯ** **32**

Исторический источник 32
Событие и факт 36
Хронология и периодизация 39
Всеобщая история 43
История и литература 46

Глава 3. **АНТИЧНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ: РОЖДЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ** **50**

У истоков нового знания 50
Геродот — отец европейской истории 52

Фукидид: история как свидетельство очевидца 55
Греческая историография эпохи эллинизма 59
Греческое наследие в римских исторических сочинениях . . 63
Жанр всемирной истории 67
Историки Ранней империи. 70
На закате античной традиции 73
Античное историческое сознание и историописание 74

Глава 4. **СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ 77**

Христианская концепция истории 77
Средневековая концепция исторического времени. 81
Предмет и методы работы средневекового историка 85
Средневековые историки и их аудитория 90
Гуманистическая историография эпохи Ренессанса 97
Античность в историческом сознании
и историографии Ренессанса 98
Секуляризация исторического сознания
и приемы исторической критики 102
Византийская историография. 109
Древнерусские исторические сочинения (XI—XVII вв.) 118

Глава 5. **ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ
РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ 124**

Научная революция и историческое знание XVII в. 124
«Философская история» эпохи Просвещения 131
Теории прогресса и исторических циклов. 139
«Философская история»: практики историописания. 143

Глава 6. **ИСТОРИКИ И ФИЛОСОФЫ XIX в.:
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОШЛОМ 153**

Историческая культура романтизма. 153
Направления романтической историографии 159
Интерпретация исторического процесса
в философских системах первой половины XIX в. 165
Интерпретация исторического процесса
в философских системах второй половины XIX в. 171

Глава 7. **ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX в. 177**

Позитивизм и научная история 178
Формирование историографических школ 183
Дискуссии о предмете и статусе истории 185
Российская историография и «русская историческая школа» . . . 192
Критический метод и принципы научного исследования . . . 201

Глава 8. **ИСТОРИЯ В XX в.: КРИЗИСЫ И РЕВОЛЮЦИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ 206**

Относительность исторического знания. 208
Экономическая история 214
Цивилизационный и культурно-исторический подходы к изучению прошлого. 217
«Служанка идеологии» 221
«Бои за историю». История как проблема 225
«Новая историческая наука» 228
Социальная история и историческая антропология. 231
«Новая локальная история» и микроистория 239

Глава 9. **НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ: НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ 242**

От социальной истории к истории социокультурной 243
Что такое гендерная история 254
Историческая биография и «новая биографическая история» 262
Интеллектуальная история сегодня: проблемы и перспективы 268

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 276

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА 282